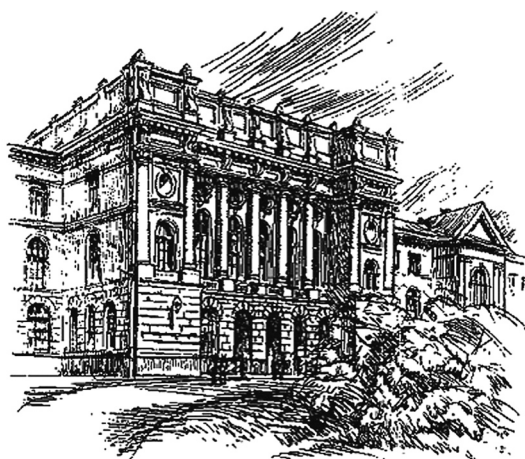

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

Том 8, № 3, 2017

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2017

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель – *Казанский Н.Н.*, академик РАН.
Бордовская Н.В., академик РАО;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Поршинева О.С., д-р ист. наук, профессор УрФУ (Екатеринбург);
Тряпцына А.П., чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – *Кузнецов Д.И.*, д-р филос. наук, профессор.
Зам. главного редактора – *Шипунова О.Д.*, д-р филос. наук, профессор.
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Ван Ци, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гозоберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ;
Даринская Л.А., д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Михайлов А.А., д-р ист. наук, профессор Военной академии Генерального штаба ВС РФ;
Осокина Е., д-р ист. наук, профессор Университета Южной Каролины (США);
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ;
Романенко И.Б., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Стрельченко В.И., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор.

Журнал издается под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 – Исторические

науки и археология, 09.00.00 – Философские науки, 13.00.00 – Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

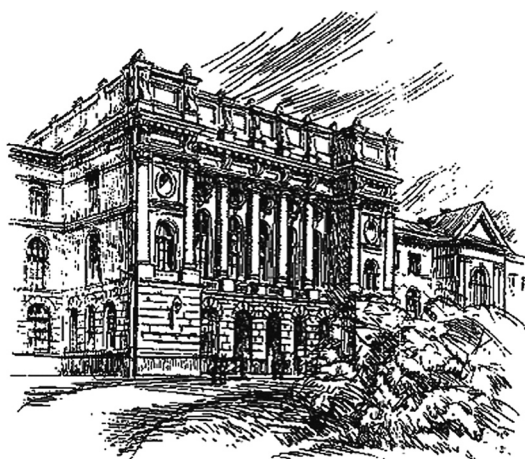
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 552-62-16.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

Vol. 8, no. 3, 2017

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2017

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board;
Bordovskaya N.V., Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education;
Bordovsky G.A., academician of the Russian Academy of Education;
Dudnik S.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Porshneva O.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg);
Tryapitsyna A.P., Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Education.

EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief;
Shipunova O.D., Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU;
Darinskaya L.A., Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University;
Dianova V.M., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Gogoberidze A.G., Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Khalyapina L.P., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Markov B.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Mikhailov A.A., Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff;
Osokina E., Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA);
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Porokhnyaya V.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute;
Romanenko I.B., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Savchuk V.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Strelchenko V.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Surygin A.I., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.;
Wang Qi, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China).

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015:

07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2017

Содержание

История

История российского социума

Ковалёв Б.Н., Кулик С.В. Государственная дума Российской империи: освоение Русского Севера (1907–1916).....	9
Лозовская Д.С. Вопросы реформирования средних технических учебных заведений в дискуссиях в Государственной думе Российской империи	18

Международные отношения

Красноженова Е.Е. Трансиранский транспортный маршрут в период Великой Отечественной войны (1941–1945)	27
--	----

Философия

Проблемы XXI века

Аладышкин И.В., Сафонова А.С. Переосмысление феномена техники в эпоху глобализации	37
Махова Н.В. Современная научно-технологическая интеграция в евразийском пространстве	49
Шипунова О.Д., Березовская И.П., Гашкова Е.М. Условия формирования личности в контексте киберантропологии	57

Философские и культурологические исследования

Романенко Ю.М. Событие античной онтологии в исторической перспективе. Такт второй: Платон – Аристотель	65
Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч., Кузнецов Д.И. «Философия разума» и «философия сердца»: трудный путь к гармонии.....	77
Кузнецов В.В. Достоинство как первопринцип культуры или как проявление закона «экзистенциального эгоизма»	90
Васильева С.А. Пенитенциарный проект английского просветителя Джонаса Хэнвея	101
Соколова Н.А., Пылькин А.А. От тоталитаризма к обществу потребления: метаморфозы тотального контроля.....	113
Молодыхенко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа	122

Педагогика

Проблемы педагогики

- Арсеньев Д.Г., Краснощёков В.В.** Система подготовки студентов к международной академической мобильности 134
- Халяпина Л.П., Попова Н.В., Кузнецова О.В.** Междисциплинарное проектирование как средство реализации интегрированного предметно-языкового обучения в вузе 145

Рецензии

- Чаплыгин В.Г., Козловский В.В.** Рецензия на сборник статей «Парламентаризм в государствах – участниках Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств» 153

Хроника

- Ковалёв Б.Н., Кудрявцева Р.-Е.А., Кулик С.В.** Обзор круглого стола, проведенного в рамках проекта «Формирование и продвижение идеологии евразийской интеграции на основе традиционных ценностей, эстафеты поколений и сохранения памяти Победы» (27 апреля 2017 г.) 156

Contents

History

History of Russian Society

Kovalev B.N., Kulik S.V. The State Duma of the Russian Empire: the exploration of the Russian North in 1907–1916.....	9
Lozovskaya D.S. Issues of reforming secondary technical schools: discussions of the State Duma of the Russian Empire	18

International Relationships

Krasnozhenova E.E. Persian transport corridor during the Great Patriotic War (1941–1945)	27
---	----

Philosophy

Problems of the XXI Century

Aladyshkin I.V., Safonova A.S. Rethinking the phenomenon of technology in the era of globalization....	37
Makhova N.V. Modern scientific and technological integration in the Eurasian space	49
Shipunova O.D., Berezovskaya I.P., Gashkova E.M. Conditions of personality formation in the context of cyber-anthropology	57

Philosophical and Cultural Studies

Romanenko Yu.M. The event of ancient ontology in the historical perspective. The second stage: Plato – Aristotle.....	65
Kirvel Ch.S., Kirvel O.Ch., Kuznetsov D.I. “Philosophy of the mind” and “philosophy of the heart”: a difficult path to harmony	77
Kuznetsov V.V. Dignity as a fundamental principle of culture or as a manifestation of the law of the “existential self”	90
Vasileva S.A. Jonas Hanway presents the social project of the perfected prison	101
Sokolova N.A., Pyl’kin A.A. From totalitarianism to the society of consumption: metamorphosis of total control	113
Molodychenko E.N. Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis.....	122

Pedagogy

Problems of Pedagogy

- Arseniev D.G., Krasnoshchekov V.V.** System of student training for international academic mobility..... 134
- Khalyapina L.P., Popova N.V., Kuznetsova O.V.** Interdisciplinary design as a means of implementing content and language integrated learning in higher education 145

Reviews

- Chaplygin V.G., Kozlovskiy V.V.** Review of the collection of articles “Parliamentarism in the Member States of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States”..... 153

Chronicle

- Kovalev B.N., Kudryavtceva R-E.A., Kulik S.V.** Overview of a roundtable held in the framework of the “Formation and promotion of the Eurasian integration ideology on the basis of traditional values, continuity of generations and preserving the memory of victory” project (April 27, 2017) 156

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОСВОЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА (1907–1916)

Б.Н. Ковалёв¹, С.В. Кулик²

¹ Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучить проблемы международного сотрудничества и международные конфликты, возникавшие в процессе освоения Севера нашей страны в начале XX в. Методологическую основу статьи составляет принцип научной объективности при работе с опубликованными и архивными источниками. Сравнительно-исторический, формально-логический и структурно-функциональный методы позволили систематизировать выявленную информацию, определить основные тенденции дискуссий в Государственной думе Российской империи. Проанализированы стенографические отчеты Государственной думы того времени. Раскрыты различные подходы к вопросу развития северных районов страны со стороны представителей политических партий, а также властей. Показаны имевшиеся сложности в политических и экономических отношениях России с зарубежными странами в связи с вопросом использования природных богатств Русского Севера. Выявлены проблемы, мешавшие успешному развитию этого региона. Данные документы впервые вводятся в научный оборот. Они дополняют наше представление о проблемах развития северных районов страны в начале XX в. Природные ресурсы России на Севере являлись предметом интереса ее соседей. Данный регион рассматривался ими как перспективный рынок. Русские купцы, в свою очередь, не хотели появления конкурентов. Развитие Северного морского пути способствовало бы и развитию Сибири. Однако сами власти Российской империи относились к проблемам развития этих регионов без должного внимания. Ошибочность такого подхода убедительно показала Первая мировая война (1914–1918). Материалы статьи могут использоваться для изучения успехов и неудач в процессе освоения северных районов нашей страны, столь важных для ее экономики и обороноспособности.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи; депутаты; Северный морской путь; исследовательские экспедиции; внешняя политика

Ссылка при цитировании: Ковалёв Б.Н., Кулик С.В. Государственная дума Российской империи: освоение Русского Севера (1907–1916) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 9–17. DOI: 10.18721/JHSS.8301

THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE EXPLORATION OF THE RUSSIAN NORTH IN 1907–1916

B.N. Kovalev¹, S.V. Kulik²

¹ St. Petersburg Institute of History of the RAS,
St. Petersburg, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of this study is due to the need to investigate the issues of international cooperation and international conflicts in the exploration of the Russian North in the early 20th century. Comparative historical, formal logical, and structural and functional methods were used to systematize the archival information and determine the main trends in the discussions of the State Duma of the Russian Empire. The stenographic records of the State Duma of the Russian Empire have been analyzed. We have discussed various approaches to the exploration of the northern regions of Russia by representatives of political parties and authorities. We have revealed the difficulties that existed in the political and economic relations of Russia with foreign countries concerning the use of the natural resources of the Russian North. The problems that prevented the successful development of this region have been identified. The documents referred to in the article are introduced into scientific circulation for the first time ever. They can contribute to understanding the problems of the exploration of the northern regions of Russia in the early 20th century. Conclusions: the natural resources of the Russian North were the subject of interest of Russia's neighbors who considered these regions to be a promising market. Russian merchants, in turn, did not want any competitors to interfere with the successful operation of their business. The development of the Northern Sea Route could have contributed to the development of Siberia. However, the authorities of the Russian Empire paid no sufficient attention to the above-mentioned problems. The First World War convincingly proved this approach was incorrect. The material of the article can be used to study successes and failures in the exploration of the northern regions of Russia that were important for its economy and defense.

Keywords: State Duma of the Russian Empire; deputies; Northern sea route; research expeditions; internal policy

Citation: B.N. Kovalev, S.V. Kulik, The State Duma of the Russian Empire: the exploration of the Russian North in 1907–1916, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 9–17. DOI: 10.18721/JHSS.8301

Введение

В 2006 г. в России отмечалось 100-летие законодательного органа нашей страны – Государственной думы. Юбилей способствовал более пристальному и профессиональному изучению деятельности этой структуры, ее успехов и неудач.

Первые работы, посвященные Государственной думе Российской империи, появились еще во время ее непосредственной деятельно-

сти. Часто они носили публицистический или информационный характер [См., например: 1].

О деятельности Государственной думы в предреволюционный период написано немало воспоминаний, преимущественно бывшими членами партии кадетов. Наиболее информативными являются воспоминания П.Н. Миллюкова [2], В.А. Маклакова [3], И.В. Гессена [4], где отражены важнейшие моменты организации выборов в Государственную думу,

внутрипартийной борьбы, конфликтов с монархической властью. Однако представители Партии народной свободы имели крайне негативный опыт нахождения у власти после февраля 1917 г., поэтому на их воспоминания о десятилетии думской деятельности лег отпечаток реалий жизни в эмиграции, куда они были вынуждены отправиться после Октябрьского переворота 1917 г.

После Октябрьской революции и установления советской власти изучение деятельности Государственной думы было предопределено в связи с негативным отношением большевиков к парламентским институтам. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» подчеркивалось, что «большевики шли в Думу не для органической „законодательной” работы в ней в блоке с кадетами, как это делали меньшевики, а для того, чтобы использовать ее как трибуну в интересах революции» [5, с. 85].

Авторы научных и публицистических работ первых десятилетий советской власти были настроены по отношению к Думе крайне негативно, но всё же воспоминания большевиков-думцев, в частности А.Е. Бадаева [6], представляют определенный интерес.

На рубеже 50–60-х гг. XX в. стали появляться более объективные исследования. Хотя эти работы писались с точки зрения советской исторической науки, широкое использование в них архивных источников позволяло воспринимать Государственную думу как важный государственный политический институт. А.Я. Аврех [7] проанализировал взаимодействие Николая II и П.А. Столыпина с законодательным органом страны.

В конце 1980-х гг. возник новый интерес к истории Государственной думы Российской империи. Он был связан с переосмыслением событий февраля – октября 1917 г. Особое внимание стало уделяться изучению деятельности либеральной парламентской оппозиции, в частности партии кадетов. Р.Ш. Ганелин в своей работе [8] показал связь между революцией и реформами в нашей стране в условиях Первой русской революции (1905–1907).

В конце XX – начале XXI в. общество поставило перед историками главную задачу – обоснованно ответить на вопрос: была ли неизбежна революция 1917 г.? Могла ли деятельность Государственной думы эволюционно, в рамках

закона, решить проблемы, стоявшие перед Россией? Этой проблематикой занимались как историки, так и историки права.

А.Ф. Смирнов в своем очерке [9] подробно описал взаимоотношения Государственной думы и «исторической власти». Основная идея этой работы сводится к тому, что либеральная оппозиция в Думе в значительной степени способствовала крушению установившейся модели государственного устройства России.

В монографии В.А. Дёмина [10] рассмотрена история создания Государственной думы, проанализированы ее полномочия, отношения с Государственным советом и другими органами государственной власти.

В последнее время стало уделяться больше внимания персоналиям, жизни и судьбе депутатов Думы. В книге И.К. Кирьянова [11] рассмотрено политическое становление первых парламентариев нашей страны. Были изданы сборники документов по истории российского конституционализма с научными комментариями, подготовленные А.В. Гоголевским и Б.Н. Ковалёвым [12, 13].

Однако во всех этих работах не изучена в должной мере повседневная деятельность Государственной думы. Например, рассмотрение вопросов освоения Русского Севера, которые вызывали на ее заседаниях оживленные дискуссии, так как затрагивали экономические и политические интересы нашей страны и ее соседей.

Методология

Методологическую основу статьи составляет принцип научной объективности при работе с опубликованными и архивными источниками. Сравнительно-исторический, формально-логический и структурно-функциональный методы позволили систематизировать выявленную информацию, определить основные тенденции дискуссий о судьбе Русского Севера в Государственной думе Российской империи.

Результаты исследования

В начале XX в. территория Российской империи, находящаяся за Северным полярным кругом, была практически не заселена. Представители левых фракций в Государственной думе считали, что одним из основных тормозов развития Русского Севера является монархическая система в России. В Норвегии, напри-

мер, хотя она была королевством, существовала совершенно другая форма взаимодействия между ветвями власти, законодательной и исполнительной: *«В Норвегии как ответственное перед народным представительством правительство именно вникает в это дело, так и стортинг принимает близко во внимание народные нужды. И теперь, благодаря действиям правительства и стортинга, в Норвегии на высоту поднят флот промысловый и флот торговый, и, следовательно, этим улучшено всё рыбацкое население»*¹.

Одной из причин необходимости развития транспортной системы на Севере России депутаты считали успешный опыт ее соседей, которые смогли превратить экстенсивные районы в важный источник получения доходов: *«Норвежское правительство теперь видит в рыболовстве главную статью государственных доходов, если бы только у Норвегии не было этих доходов, не опиралась бы она на рыболовство, она не рискнула бы отделиться от Швеции»*.

*А у нас Правительство, как безответственное, нужды народные совершенно попирает, не обращает на это внимания до настоящего времени. Нельзя так, нужно же что-нибудь Министерству принять в этом деле, иначе совершенно погибнет всё дело»*².

Депутат III и IV Государственной думы от Енисейской губернии Степан Васильевич Востротин, сибирский общественный деятель, владелец золотых приисков, путешественник-полярник, дипломат и политик – кадет, еще в 1894 г. вместе с английским капитаном Виггинсом совершил плавание из Ньюкестля (Великобритания) в Енисейск через Карское море. В 1908 г. С.В. Востротин издал книгу «Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири» [14], которая получила широкую известность. В этой работе на большом фактическом материале он показал, что завышенные тарифные пошлины, прикрываемые тезисом о «защите от иностранного влияния», мешают развитию российского Востока и России в целом. В 1913 г. Востротин вместе с норвежским путешественником Ф. Нансеном участвовал в экспедиции по трас-

се Северного морского пути: он прошел на пароходе «Коррект» от берегов Норвегии до устья Енисея.

Таким образом, депутат Востротин отлично осознавал важность Северного морского пути. В своих выступлениях в Думе он несколько идеализировал прошлое: *«Еще 300 лет тому назад наши предки пользовались этим путем в громадных размерах. Торговые сношения существовали в значительных размерах. Английские суда, которые пытались открыть северо-восточный путь в Индию и Китай, констатировали, что они встречали массу русских судов, которые шли на Обь и Енисей от наших северных берегов, что суда и мореходные качества этих судов были настолько великолепны и хороши, что английские суда не попевали даже за ними»*.

И вот, по ходатайству тобольских воевод, из боязни потери на пошлинах, этот морской путь был закрыт под страхом смертной казни, даже путем сажания на кол того, кто попытается плавать этим морским путем».

*Всякие торговые сношения заглохли, утратилась даже вера в возможность плавания этим морским путем, пока нам его в 70-х годах прошлого века снова не воскресили иностранцы»*³.

С.В. Востротин весьма позитивно относился к торговле с зарубежными странами, но его как предпринимателя особенно интересовало развитие торговли на Енисее – природной границе между Западной и Восточной Сибирью, ведь на этой реке находились крупные города Красноярск, Енисейск, Минусинск и другие населенные пункты. Местные жители здесь активно занимались торговлей. Востротин отмечал, что *«в 70-х гг. [XIX в.] снова возникло плавание, стали зарождаться различного рода предприятия. Благодаря этому [морскому] пути был введен целый ряд речных судов, которые открыли судоходство по Енисею. Стали возникать различные торговые и промышленные предприятия, образовалась эксплуатация леса для вывоза его за границу. Затем возникло графитное дело, образовался экспорт пшеницы за границу, которая отправлялась на приходящих к устьям сибирских рек судах. Возился же главным образом чай, различного рода машины для разных ремесел,*

¹ Государственная дума. Третий созыв, сессия V: стенограф. отчеты. Заседание 94, 14 марта 1912 г. СПб., 1912. С. 3445.

² Там же.

³ Там же. С. 3463–3464.

фабрик и заводов, соль и другие предметы, и вся торговля перешла в русские руки»⁴.

По мнению депутата Востротина, эта идиллия закончилась из-за обострившейся конкуренции между московскими и сибирскими предпринимателями: «По несчастью, в 1896–1897 гг. вместе с кирпичным чаем был доставлен и груз стеариновых свечей. Этот груз оказался роковым для Северного морского пути»⁵.

Однажды в Департамент мануфактуры и торговли пришел с жалобой купец Крестовников и заявил, что Сибирь — это его вотчина, которая всегда снабжалась свечами с принадлежащего ему завода без всяких проблем. «Моментально всё изменилось: льготы были отменены раньше даже дарованного Высочайшею Властью срока; ввезенные в Сибирь стеариновые свечи были конфискованы и, несмотря на то, что они не были запрещены к свободному ввозу, с них взимается европейская пошлина; на чай набавляется пошлина до двойного размера против Иркутской»⁶.

Последствия этой торговой войны оказались катастрофическими: «Сразу же этот путь гибнет. Все возродившиеся предприятия рушатся; пароходство, которое затратило несколько сотен рублей с целью организации правильного экспорта за границу сибирских продуктов, ликвидируется. Ликвидируется лесное дело, графитное дело, ликвидируется и экспорт пшеницы за границу»⁷. Люди, которые поверили в возможность развития торговли через Северный морской путь, понесли огромные убытки, многие полностью разорились: «Тот, кому приходилось бывать в низовьях Енисея за последние годы, мог видеть огромные штабеля загнивающего великоленного леса, приготовленного для экспорта за границу, лежащий замываемый водой и заносимый песком графит и уголь. И это тогда, когда начали, было, оживать торговые сношения Сибири с европейскими рынками»⁸.

Толчком к возрождению Северного морского пути стала столыпинская переселенческая реформа. Как отмечал И.И. Тхоржевский, помощник начальника Переселенческого управления, «надо было крепче стянуть — и

рельсами! — державное могущество великой России» [15, с. 119].

Понятно, что кроме развития железнодорожного пути нужно было использовать и другие возможности доставки населения и товаров. «Настоятельная необходимость восстановления северного пути была особенно выдвинута представителями Главного управления землеустройства и земледелия. Они говорили, что колонизация и переселение в Сибирь уперлись в тяжелые экономические условия за невозможностью сбыта своих сельскохозяйственных и других громоздких и малоценных продуктов на внешние рынки»⁹.

Сибирских промышленников привлекали прибыли, которые они рассчитывали получить от торговли с европейскими странами. С ними полностью консолидировался представитель Лесного департамента в Государственной думе: «Леса в Енисейской губернии изобилуют отличным насаждением сосны, ели, кедра. Они имели бы крупный спрос и выдержали бы любую конкуренцию на лондонском рынке, но им нет выхода туда, потому что эти леса расположены главным образом севернее Сибирской железной дороги и, таким образом, не могут идти на внутренние рынки. Единственный для них путь откроется только с установлением дешевого водного морского пути на европейские рынки»¹⁰.

Кроме того, отмечалось, что в низовьях Енисея имеются большие залежи каменного угля, не уступающего по своим достоинствам кардифу. Огромны залежи графита, который можно было бы сбывать на внутреннем рынке и таким образом в значительной мере вытеснить иностранный уголь.

Поскольку ценную древесину вывезти было практически невозможно, она уничтожалась на месте: «Переселенческое управление не знает, что делать с лесами в Енисейской губернии. Для увеличения площади под колонизацию испрашиваются кредиты на корчевание лесов, выдвигаются меры даже выжигания этих лесов для того, чтобы расширить там площади для колонизации»¹¹.

Представителями Главного управления землеустройства и земледелия было указано и на огромные рыбные богатства низовьев се-

⁴ Госдума. Заседание 94. С. 3464.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 3465.

⁸ Там же.

⁹ Госдума. Заседание 118, 27 апреля 1912 г. С. 3449.

¹⁰ Там же. С. 3450.

¹¹ Там же.

верных рек, которые за недостатком хорошей соли и ограниченности сибирского рынка мало и плохо эксплуатируются и не имеют широкого распространения на внутреннем рынке: «Установление дешевого пути не только понизит цену на соль, но откроет возможность сбыта этих рыбных продуктов как на внешний, так и на внутренний рынок. Архангельск, который в настоящее время ввозит иностранную рыбу, мог бы получать ее с низовьев наших рек»¹².

Таким образом, переселенческая политика напрямую связывалась с развитием Северного морского пути: «Все меры должны быть приняты для того, чтобы дать возможность выхода сельскохозяйственным продуктам во всевозможных направлениях и всеми способами поднять промышленность в крае, как обрабатывающую, так и горную, которая могла бы поглощать избытки этих сельскохозяйственных продуктов и давать заработок населению»¹³.

Тяга к гигантомании была отличительной чертой не только Советского Союза. В царской России также обсуждали различные проекты поворота рек, соединения каналами европейских и азиатских водных путей сообщения. В конце XIX в. был построен Обь-Енисейский канал. Но только это относительно небольшое сооружение строилось 8 лет и обошлось казне в сумму около 3 млн рублей серебром.

С.В. Востротин на заседании Думы 27 апреля 1912 г. заявил: «Вот почему в настоящее время поднят вопрос о водных путях, которые должны явиться более дешевыми. Теперь говорят о соединении сибирских рек с Волгой, о соединении с Двиной. Все эти соединения могут осуществляться через десятилетия и требуют огромных затрат. Ближайшим и наиболее удобным путем для сбыта хлебных и сельскохозяйственных продуктов и всякого сырья является и должен быть только Северный морской путь»¹⁴. По мнению депутата, оборудование этого пути потребовало бы ничтожных затрат по сравнению с колоссальными расходами на шлюзование через Урал соединительных ветвей между Обью и Камой. Востротин считал, что Северный морской путь представлял огромное значение и для успешного развития Сибири: «Ведь всё, что ввозится в

Сибирь, во многих местах очень дорого, и всё это ложится как на местное население, так и на проходящих из России переселенцев. Использование этого дешевого северного пути дало бы толчок как к развитию сельскохозяйственной промышленности в крае, так и к возникновению фабрично-заводской промышленности.

Это привлекло бы туда капиталы, которые могли бы пойти в этом случае в промышленность»¹⁵.

Почти как белые стихи прозвучали патетические слова депутата от Енисейской губернии: «Нет сомнения, когда возникнет этот путь и когда он будет в достаточной степени оборудован, там, в устьях сибирских рек, создадутся свои отпускные порты, со складами и со всеми приспособлениями для перегрузок элеваторами. И это море должно сделаться сибирским Средиземным морем»¹⁶. Успешное осуществление этого проекта, по мнению С.В. Востротина, коренным образом отразилось бы и на всей азиатской части Российской империи: «Если бы только представилась возможность использовать таким образом Северный морской путь, если бы были предоставлены некоторые льготы, например освобождение от пошлины даже таких ввозимых предметов нерусского происхождения, как кирпичный чай, то вся ось торговых сношений наших с Монголией перешла бы в значительной степени с берегов Тихого океана на северный путь и на наши сибирские реки»¹⁷.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Черное море для России оказалось «заперто» Турцией, плавание по Балтийскому морю стало крайне опасным из-за действий германского флота. Сообщение с союзниками через Швецию было крайне затруднительно. В направлении к Северному Ледовитому океану была проложена лишь одна узкоколейная дорога — от Вологды до Архангельска. В этих условиях ее начали перешивать на широкую колею. Развитие Северного морского пути стало важной задачей, связанной с обороноспособностью страны.

Решение о выделении первого кредита на строительство Мурманской железной дороги было принято 10 февраля 1915 г. Вскоре по всей ее трассе развернулись грандиозные по своим

¹² Госдума. Заседание 118. С. 3450.

¹³ Там же. С. 3455.

¹⁴ Там же. С. 3456.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 3457.

¹⁷ Там же. С. 3464.

масштабам работы [16, с. 190]. Конечная станция – станция Мурман – была оборудована у Семеновской бухты в восточной части Кольского залива, из которого открывался выход в Северный Ледовитый океан. Прокладка дороги заняла в общей сложности 20 месяцев (она строилась с марта 1915-го по ноябрь 1916 г.) [Там же. С. 192]. Отсюда должны были идти в центральную часть страны военные поставки из Великобритании и Франции.

Но во время строительства Мурманской железной дороги большую роль продолжал играть действующий порт в Архангельске. На заседании 28 июля 1915 г. Государственная дума по инициативе группы депутатов приняла законопроект о введении со 2 ноября в Архангельском порту, водном районе и на прилегающих к ним путях сообщения «временного военного управления». В августе 1915 г. Дума обсудила состояние дел в единственных северных морских воротах России. Оценка была дана весьма негативная: «Между тем наши вагоны в значительной степени бегут к Архангельску пустыми, ибо распоряжение движением в Архангельске и по дороге находится в военных руках, а они не хотят считаться с нуждами частной экспортной торговли. Отсутствие складочных помещений, гибель экспортных товаров совершенно убило всякую охоту у экспортеров пользоваться этой дорогой и этим портом»¹⁸.

Весьма проблематичным стал вопрос о приоритете военных интересов. Безусловно, проблемы обороны страны являлись главными, но некоторые запретительные меры оказались негативными для предпринимательства и экономики. Депутат Востротин заявил: «...Архангельский порт, действительно, к нашему ужасу, оказался не оборудованным...

Я не могу не обратить внимания на скопление одного только каракуля; его скопилось на рынке до 2,5 млн шкурок, это составляет капитал в 15–20 млн рублей. Еще недавно сообщалось из Архангельского порта, что таможенные власти заставили выгрузить каракуль, так как он не разрешен к вывозу. Вот какие меры принимались в отношении тех предметов, которые не нужны ни для нашей армии, ни для нашего населения»¹⁹.

¹⁸ Государственная дума. Четвертый созыв, сессия IV: стенограф. отчеты. Заседание 11, 18 августа 1915 г. Пг., 1915. С. 949.

¹⁹ Там же. С. 947.

Ограничительные меры не способствовали развитию экспортных отраслей промышленности: «Платина внутри России идет в ничтожном количестве, она идет главным образом на заграничные рынки. Добывается ее до 350 пудов приблизительно. Стоимость ее достигает до 40 тыс. рублей за пуд. Я понимаю, что если бы государство превращало ее в золотой фонд или чеканило особые платиновые монеты, как это было некогда, то это было бы целесообразно и понятно. Но не обменивая, не реализуя эту добычу, платину, составляющую десятка полтора миллиона рублей, мы совершенно дезорганизуем, разрушаем целую отрасль промышленности, в которой занято значительное количество населения»²⁰.

В условиях войны были наложены ограничения на торговлю лесом: «Лес фактически запрещается к вывозу на нейтральных судах. Разрешается его вывоз только в союзные государства на союзных судах или под русским флагом. Но теперь на международном рынке нет возможности зафрахтовать эти союзные суда, а русских почти нет. Поэтому лес из Архангельска и из портов Белого моря остается не вывезенным до настоящего времени. Для этого, чтобы вывезти на нейтральных судах, требуется совершить огромную процедуру и волокиту всевозможных ходатайств.

Создалось такое положение, что в Архангельске лежит на 40 млн рублей леса, не вывезенного на заграничный рынок. А какая от этого опасность? Не попадет ли он в руки врага?»²¹

Проблема функционирования северных портов была частично решена лишь к 1916 г. Этого потребовали суровые реалии войны. Но было уже поздно: революционные события в Петрограде привели к смене власти.

Заключение

Как сферу своих интересов Русский Север рассматривали не только противники России, но и ее союзники по Антанте. В условиях ослабления нашего государства и начавшейся Гражданской войны эти районы подверглись военной интервенции Великобритании и США. Однако большевики смогли изгнать оккупантов. Началось освоение Севера, считавшееся одним из приоритетов государственной политики по развитию страны.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Боиович М.М.** Члены Государственной думы (портреты и биографии). IV созыв. 1912–1917 гг. М.: Изд-во Сытина, 1913.
2. **Милюков П.Н.** Воспоминания (1859–1917). Т. 1–2. М.: Политиздат, 1991.
3. **Маклаков В.А.** Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Изд-во Московской шк. полит. исследований, 2011.
4. **Гессен И.В.** Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: YmcaPress, 1979.
5. **Краткий курс истории ВКП(б)**, М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1938.
6. **Бадаев А.Е.** Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М.; Л.: Политиздат, 1930.
7. **Аврех А.Я.** Столыпин и Третья Дума. М.: Наука, 1968.
8. **Ганелин Р.Ш.** Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991.
9. **Смирнов А.Ф.** Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: ист.-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998.
10. **Дёмин В.А.** Государственная дума России: механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996.
11. **Кириянов И.К.** Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2006.
12. **Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: сб. док. / авт.-сост.: А.В. Гоголевский (вступ. ст., коммент.), Б.Н. Ковалёв (коммент., библиогр.).** М.: Гардарики, 2000.
13. **Русский конституционализм в период думской монархии: сб. док. / авт.-сост.: А.В. Гоголевский (вступ. ст., коммент.), Б.Н. Ковалёв (коммент., библиогр.).** В 3 т. М.: Гардарики, 2003.
14. **Востротин С.В.** Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908.
15. **Тхоржевский И.И.** Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетейя, 1999.
16. **Попов Г.П., Давыдов Р.А.** Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург: Изд-во Рос. акад. наук. Уральское отд-ние, 1999.

КОВАЛЁВ Борис Николаевич – Санкт-Петербургский институт истории РАН; bnikov@mail.ru

КУЛИК Сергей Владимирович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; kulik54@mail.ru

Статья поступила в редакцию 9.06.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] M.M. Boiovich, Chleny Gosudarstvennoy Dumy (portrety i biografii). IV sozvyv. 1912–1917 gg. [Members of the Fourth State Duma (portraits and biographies). 1912 – 1917], Sytin (ed.), Moscow, 1913.
- [2] P.N. Milyukov, Vospominaniya (1859–1917) [Memoirs (1859–1917)], of vol. 1–2, Politizdat, Moscow, 1991.
- [3] V.A. Maklakov, Iz vospominaniy. Uroki zhizni [Memoirs. Life lessons], Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., Moscow, 2011.
- [4] I.V. Gessen, Gody izgnaniya. Zhiznennyy otchet [Years of exile. A life write-up], Ymca Press, Paris, 1979.
- [5] Kratkiy kurs istorii VKP(b) [A brief history of All-Union Communist Party (Bolsheviks)], Politicheskaya literatura Publ., Moscow, 1938.
- [6] A.E. Badaev, Bol'sheviki v Gosudarstvennoy dume. Vospominaniya [Bolsheviks in the State Duma. Memoirs], Politizdat, Moscow, Leningrad, 1930.
- [7] A.Ya. Avrekh, Stolypin i Tret'ya Duma [Stolypin and the Third Duma], Nauka, Moscow, 1968.
- [8] R.Sh. Ganelin, Rossiyskoe samoderzhavie v 1905 godu. Reformy i revolyutsiya [Russian monarchy in 1905. Reforms and the Revolution], Nauka, St. Petersburg, 1991.
- [9] A.F. Smirnov, Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii 1906–1917 gg. [The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: Historical juristic study], Kniga i biznes, Moscow, 1998.
- [10] V.A. Demin, Gosudarstvennaya дума Rossii: mekhanizm funktsionirovaniya [Russian State Duma: Functioning mechanism], ROSSPEN, Moscow, 1996.
- [11] I.K. Kir'yanov, Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novyye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians of the beginning of the 20th century: New politicians in the new political entity], Permskiy univ. Publ., Perm', 2006.
- [12] A.V. Gogolevskiy, B.N. Kovalev, Konstitutsionalizm: istoricheskiy put' Rossii k liberal'noy demokratii [Constitutionalism: Russia's historical way to liberal democracy], Gardariki, Moscow, 2000.

[13] A.V. Gogolevskiy, B.N. Kovalev, Russkiy konstitutsionalizm v period dumskoy monarhii [Russian constitutionalism in the years of the Duma monarchy], Gardariki, Moscow, 2003.

[14] S.V. Vostrotin, Severnyy morskoy put' i chelyabinskiy tarifnyy perelom v svyazi s kolonizatsiey Sibiri [The Northern Sea Route and the Chelyabinsk tariff break in relation to the colonization of Siberia], St. Petersburg, 1908.

[15] I.I. Tkhorzhevskiy, Posledniy Peterburg. Vospominaniya kamergera [Ultimate Petersburg. Memoirs of the chamberlain], Aleteyya, St. Petersburg, 1999.

[16] G.P. Popov, R.A. Davydov, Murman. Ocherki istorii kraia XIX – nachala XX v. [Murman. Essays on the history of the region: the 19th century – early 20th century], Rossiyskaya akademiya nauk Publ., Ural'skoe ot-deleniye, Yekaterinburg, 1999.

KOVALEV Boris N. – St. Petersburg Institute of History of the RAS; bnkov@mail.ru

KULIK Sergey V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; kulik54@mail.ru

Received 9.06.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8302

УДК 37.031.4+94(47).083

ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНИХ ТЕХНИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ДИСКУССИЯХ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Д.С. Лозовская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всесторонне изучить проблемы становления и развития политехнического образования в России в начале XX в. Методологическую основу статьи составляет принцип научной объективности при работе с источниками, исключающий влияние конъюнктуры при анализе и интерпретации эмпирических данных. Сравнительно-исторический, формально-логический и структурно-функциональный методы наряду с описательным позволили систематизировать значительный объем фактической информации, выявить основные тенденции думских дискуссий. В статье проанализированы документы Российского государственного исторического архива о деятельности Государственной думы Российской империи, раскрыты различные подходы к среднему специальному политехническому образованию со стороны депутатов и государственных чиновников. Выявлены основные проблемы, тормозившие его развитие. Архивные документы вводятся в научный оборот впервые. Они дополняют и развивают наше представление об отечественной политехнической школе в начале XX в. Развитию начального и среднего технического образования в стране мешал недостаток государственного финансирования. Власти считали, что технические учебные заведения должны развиваться в первую очередь за счет поддержки заинтересованных лиц — предпринимателей, а также благотворителей. То, что в царской России не было введено обязательное начальное образование, также сдерживало развитие специализированных учебных заведений. Материалы статьи могут использоваться для изучения истории реформ в высшей политехнической школе.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи; реформа образования; финансирование образования; среднее специальное политехническое образование; технические учебные заведения

Ссылка при цитировании: Лозовская Д.С. Вопросы реформирования средних технических учебных заведений в дискуссиях в Государственной думе Российской империи // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 18–26. DOI: 10.18721/JHSS.8302

ISSUES OF REFORMING SECONDARY TECHNICAL SCHOOLS: DISCUSSIONS OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE

D.S. Lozovskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of this study is due to the need to comprehensively investigate the issues of the formation and development of polytechnic education in Russia at the beginning

of the 20th century. The methodological basis of the article is the principle of scientific objectivity when working with sources, excluding the influence of conjuncture on the analysis and interpretation of empirical data. The comparative historical, formal logical, structural and functional, as well as descriptive, methods allowed to systematize a significant amount of factual information, and to reveal the main tendencies of Duma discussions. The documents of the Russian State Historical Archive on the activities of the State Duma of the Russian Empire have been analyzed. Various approaches to secondary vocational polytechnic education by deputies and state officials have been described. The main problems that hampered the development of vocational education have been identified. The archival documents referred to in the article are introduced into scientific circulation for the first time ever. They contribute to our understanding of the national polytechnic school in the early 20th century. Conclusions: the development of secondary and primary technical education in Russia was hampered by a lack of state funding. The authorities believed that technical schools should be developed, first of all, at the expense of interested parties, i.e., entrepreneurs or benefactors. The lack of compulsory primary education in Russia also hampered the development of specialized educational institutions. The materials of the article can be used to study the history of reforms in the higher polytechnic school.

Keywords: State Duma of the Russian Empire; educational reform; special polytechnic education; funding; technical schools

Citation: D.S. Lozovskaya, Issues of reforming secondary technical schools: discussions of the State Duma of the Russian Empire, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 18–26. DOI: 10.18721/JHSS.8302

Введение

К причинам технической отсталости России в начале XX в. следует отнести недостаточное количество в стране технических учебных заведений, а также недооценку властями важности подготовки отечественных технических специалистов высшей, средней и низшей квалификации. Многие представители либеральной интеллигенции в то время считали вопрос образования неактуальным, главным для них было свержение самодержавия. В ноябре 1904 г. состоялись политические сходки петербургских и московских студентов с лозунгом о созыве Учредительного собрания и всеобщем избирательном праве, уличные демонстрации [1, с. 30]. В тот период различными формами политического объединения была охвачена лишь незначительная часть населения страны. Так, в 1906–1907 гг. численность членов политических партий составляла примерно 0,5 % от всего населения Российской империи [2, с. 20].

После Манифеста 17 октября 1905 г. началась подготовка к выборам в Государственную думу, ведь «надо было продолжать борьбу до конца, до полной победы свободы над деспо-

тизмом, законности над насилием, правды над вероломством и официальной ложью» [3, с. 4].

Но Первая (1906) и Вторая (1907) Государственные думы в своей работе практически не затрагивали вопросы образования, а вот Третья Государственная дума (1907–1912) не случайно была названа «Думой народного просвещения» (ее противопоставляли Второй Думе, прозванной «Думой невежества») [4, с. 390].

В отечественной историографии практически отсутствуют работы, отдельно рассматривающие думские дискуссии о средних технических учебных заведениях в нашей стране, но еще в 1912 г. вышли в свет статьи Б. Веселовского [5] и Н. Малиновского [6], посвященные рассмотрению вопросов народного образования на заседаниях Думы.

Появление новых начальных технических учебных заведений способствовало бы не только повышению уровня квалификации большего количества рабочих и техников, но и улучшению их благосостояния, что сделало бы этих людей менее предрасположенными к влиянию революционной пропаганды. Поэтому большевики достаточно негативно относились

к их созданию. Это подтверждают и воспоминания советского партийного и государственного деятеля А.Е. Бадаева, опубликованные в 1930 г. [7].

В работах Г.И. Зайчикова [8, 9], изданных в 1970–1980-х гг., довольно подробно рассмотрена деятельность депутатов Государственной думы. Автор отмечал, что, по мнению левых депутатов, одной из проблем русского рабочего являлась сложность получения им качественного профессионального образования.

В конце XX в. были написаны новые работы, оценивавшие деятельность Государственной думы Российской империи [См., например: 10]. В качестве авторов работ выступили как историки, так и юристы [11]. К сожалению, основное внимание в них уделялось не практической деятельности Думы, а ее характеристике как законодательного органа.

Значительным вкладом в изучение работы Государственной думы стала монография В.Г. Кошкидько [12], в которой освещены многие проблемы, связанные с ее возникновением и деятельностью.

В 2000–2003 гг. вышел 3-томный сборник документов по истории российского конституционализма, подготовленный А.В. Гоголевским и Б.Н. Ковалёвым. В третий том сборника [13] вошли документы, связанные с думской монархией.

В 2016 и 2017 гг. были изданы две брошюры Б.Н. Ковалёва, посвященные жизни и деятельности членов Государственной думы, занимавшихся вопросами политехнического образования, – Матвея Шульгина [14] и Владимира Милютина [15].

Постановка проблемы и цели исследования

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всесторонне изучить проблемы становления и развития политехнического образования в России в начале XX в.

Целью данного исследования является анализ документов Российского государственного исторического архива о деятельности Государственной думы Российской империи, рассмотрение различных подходов к среднему специальному политехническому образованию со стороны депутатов и государственных чиновников, выявление основных проблем, тормозивших развитие политехнического образования в России в начале XX в.

Методология

Методологическую основу статьи составляет принцип научной объективности при работе с опубликованными и архивными источниками. Сравнительно-исторический, формально-логический и структурно-функциональный методы позволили объективно рассмотреть и проанализировать дискуссии в Думе по вопросам среднего политехнического образования в России.

Результаты исследования

В Третьей и Четвертой (1912–1917) Государственных думах Российской империи регулярно обсуждались вопросы развития в стране среднего специального технического образования. Депутаты решали вопросы, связанные с финансированием средних технических учебных заведений, профессиональным направлением в их деятельности, техническим обеспечением, преподавательскими кадрами, а также взаимодействием с высшей технической школой.

Одна из самых важных причин, мешавших успешному развитию политехнического образования в России в начале XX в., – недостаточность финансирования. Чиновники Министерства народного просвещения считали естественным и нормальным то, что часть денег в такие учебные заведения поступала от конкретных заинтересованных частных лиц – промышленников и предпринимателей, инженерного сообщества. Но этих денег было явно недостаточно. Требовалась серьезная государственная поддержка [См.: 15, с. 13].

Депутаты Государственной думы во время обсуждения вопроса финансирования средних специальных технических учебных заведений практически всегда рассматривали возможность дополнительной финансовой поддержки со стороны городских властей, земств или предпринимателей. Так, 22 октября 1908 г. члены Комиссии по народному образованию, обсуждая законопроект о дополнительном отпуске из казны 1500 рублей на 1909 г. на содержание Ярославского низшего механико-технического училища им. Н.П. Пастухова, признали нужным *«предварительно получить сведения о том, открыто ли означенное училище по почину городского управления и даются ли этим обществом какие-либо средства на его содержание»*¹.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3538. Л. 6 об.

Технические учебные заведения должны были иметь постоянную связь с производством, ведь именно для фабрик и заводов в них готовилась квалифицированная рабочая сила. Но суммы, отпускаемые для этого, часто сокращались. Так, 30 октября 1908 г. в Думе обсуждался законопроект об отпуске из казны 2 тыс. рублей на содержание и вознаграждение начальников семи вновь открываемых ремесленных учебных заведений за особые труды и для возмещения их издержек на поездки на фабрики, заводы и по другим делам службы. Председатель Комиссии по народному образованию В.К. фон Анреп предложил уменьшить эту сумму до 1 тыс. рублей и мотивировал это тем, что *«вследствие открытия новых ремесленных училищ только во второй половине 1908 г. расходы на обсуждаемую надобность значительно сократятся»*².

Иногда думцы обращали внимание на ошибки в ходатайствах министерств, например предлагали выделить техническим учебным заведениям сумму, превышающую изначально запрашиваемую.

Так, 30 октября 1908 г. при обсуждении законопроекта об отпуске средств государственного казначейства на выплату пособий Императорскому Русскому техническому обществу на содержание Санкт-Петербургской и Одесской школ десятников строительного дела председатель Комиссии, находя ходатайство Министерства народного просвещения заслуживающим удовлетворения, указал на ошибку. Она заключалась в том, что *«при исчислении приходов Одесской школы десятников министерством была допущена ошибка в смысле их увеличения на 200 рублей. Действительно, приход означенной школы, слагающийся из 4900 рублей (по основным классам) и 680 рублей (по дополнительному классу), показал размер 5780 рублей, вместо 5580»*³. Выявленная разница могла негативно отразиться на работе учебного заведения. Поэтому депутаты отметили это в своем решении: *«Имея в виду, что испрашиваемая в пособие Одесской школе десятников сумма, основанная на ошибочном преувеличении ее доходов, может оказаться не соответствующей ее действительным потребностям, Комиссия находит нужным обра-*

*тить на это обстоятельство внимание Министерства народного просвещения»*⁴.

Кроме того, Комиссия заметила, что в заключительной части законопроекта на содержание Одесской школы десятников министерство просило выделять на нее с 1909 г. по 1500 рублей в год. Но финансирование на это учебное заведение уже было открыто. Законодатели отметили, что на его содержание, *«согласно Высочайше утвержденному 4 июня 1898 г. мнению Государственного совета, отпускается с 1898 г. по 750 рублей в год и что настоящим представлением министерство имеет в виду испросить на содержание училища ежегодный кредит в 750 рублей в дополнение к ныне отпускаемым на сей предмет средствам. Комиссия находит нужным в заключительной части указание на ежегодный отпуск в 1500 рублей заменить указанием на ежегодный отпуск 750 рублей в дополнение к уже отпускаемым этому училищу на ту же надобность 750 рублям»*⁵.

Докладчиком по этому вопросу был избран депутат от Олонекской губернии К. Казанский, бывший смотритель Петрозаводского духовного училища, член «Союза 17 октября».

Особое внимание Комиссия по народному образованию уделяла работе средних специальных технических учебных заведений в западных губерниях страны. В годы Первой русской революции они были одними из самых нестабильных. Священник А.С. Вераксин, избранный в 1907 г. членом Третьей Государственной думы от Виленской губернии, входил во фракцию правых. Именно ему Комиссией было поручено рассмотреть представление об отпуске из казны кредита в сумме 1210 рублей на содержание второго отделения низшей ремесленной школы при Виленском среднем техническом училище. 22 октября 1908 г. члены Комиссии по народному образованию признали обсуждение в законодательном порядке ходатайства министра просвещения об отпуске кредита на открытие нового отделения низшей ремесленной школы излишним, так как по смете Министерства народного просвещения на 1909 г. этот кредит отнесен к числу кредитов, испрашиваемых в сметном порядке⁶.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3538. Л. 18 об.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 6–6 об.

Российским фабрикам и заводам требовались специалисты для новых производств. В этих условиях начальные технические учебные заведения должны были менять свои программы. В Государственной думе 2 декабря 1908 г. рассматривался вопрос об учреждении с 1 июля 1909 г. в городе Славянске Харьковской губернии низшего горнозаводского технического училища «с низшей ремесленной школой и керамической школой, из коих последняя относится к ремесленным училищам нормального типа, с заменой изучения слесарного и столярного ремесел изучением керамического дела»⁷.

В Думе был подготовлен перспективный план развития этого училища на пять лет. Из принятого депутатами решения видно, что в течение этого срока финансирование должно было возрасти более чем в 4 раза: «Отпустить из средств государственного казначейства на содержание означенных училища и школ: в 1909 г. — 7501 рубль, в 1910-м — 16 891 рубль, в 1911-м — 23 343 рубля 50 копеек, в 1912-м — 29 302 рубля, в 1913-м — 31 434 рубля 50 копеек. Начиная же с 1914 г. отпускать на ту же надобность по 32 172 рубля ежегодно»⁸. Суммы, предоставляемые выборными органами местного самоуправления, были несоизмеримо меньше. В дополнение к государственному финансированию было предложено: «Возложить на Харьковское губернское земство обязательство производить пособие государственному казначейству на содержание означенной выше керамической школы: в 1911 г. — 679 рублей 20 копеек, в 1912-м — 1730 рублей, в 1913-м — 2302 рубля 60 копеек, а начиная с 1914 г. — по 2500 рублей ежегодно»⁹.

Одним из путей подготовки специалистов среднего звена являлось преобразование низших учебных заведений в средние специальные. Подобные реформы обычно приносили положительный результат, так как на местах уже имелись специальные помещения для учебного процесса, педагогические кадры и штат учеников. Лучшие учащиеся обычно были заинтересованы в продолжении своего обучения и получении более высокой квалификации, что гарантировало им иной уровень жалования. На

заседании Государственной думы 1 июля 1909 г. было принято решение о преобразовании:

1) Златоустовского ремесленного училища — в среднее механико-техническое училище с низшей ремесленной при нем школой;

2) Петрозаводского ремесленного училища — в низшее техническое училище судовых машинистов;

3) Тверской школы ремесленных учеников — в низшее техническое училище¹⁰.

На соответствующие городские общества, а также губернские и уездные земства возлагались обязательства «производить пособие казне» на содержание данных учебных заведений.

Депутатам приходилось иметь дело с различными ведомствами, в ведении которых находились вопросы технического образования в России. В 1913 г. в Государственной думе было высказано пожелание, чтобы Министерство народного просвещения «выработало общий план профессионального образования, в осуществлении которого были бы согласованы ныне разрозненные действия отдельных ведомств, предприняло скорейший пересмотр программ, уставов и прав для оканчивающих профессиональные училища и оказало поддержку в большем размере частной и общественной инициативе в деле открытия профессиональных учебных заведений» [16, с. 604].

Основным докладчиком от Министерства народного просвещения по вопросам политехнического образования в Государственной думе был помощник управляющего отделом промышленных училищ В.И. Рыков, известный ученый-агроном, действительный статский советник. В 1901–1906 гг. он построил и организовал в Вятке сельскохозяйственно-техническое училище, где преподавал и работал в должности директора. Позднее был переведен на работу в Санкт-Петербург. Этот человек, как практик, отлично осознавал значимость развития политехнического образования.

Особую важность для России имело развитие женского образования, в том числе и профессионального. Грамотных женщин в нашей стране в начале XX в. было гораздо меньше, чем мужчин. Так, согласно всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., количест-

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3538. Л. 108–108 об.

⁸ Там же. Л. 109.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 127.

во грамотных мужчин и женщин в европейской части страны составляло соответственно 29,3 и 13,1 % от их общего числа.

В Комиссии по народному образованию Государственной думы 29 января 1913 г. обсуждался вопрос «Об открытии в городе Царицыне женского ремесленного училища с отпуском из казны на единовременные нужды 1 тыс. рублей и на его содержание по 7 тыс. рублей ежегодно»¹¹. Докладчик граф В.А. Бобринский изложил суть законопроекта и, высказавшись за его принятие, обратился к представителю ведомства (министерства) с вопросом: почему кредит в 1 тыс. рублей на оборудование училища испрашивается ведомством, вопреки установившейся в этом отношении законодательной практике, не в сметном, а в законодательном порядке?

В ответ представитель министерства В.И. Рыков заявил, что при исчислении размера кредитов на оборудование учебных заведений по смете 1913 г. необходимая для Царицынского училища сумма не могла быть принята ведомством во внимание, вследствие чего было принято решение, в отступление от установившейся практики, ходатайствовать об отпуске 1 тыс. рублей в настоящем представлении, чтобы из-за отсутствия нужных средств не поставить училище в затруднительное положение.

Кроме того, представитель министерства указал на то, что ввиду отсутствия в смете на этот год соответствующего условного кредита расход на содержание училища в 1913 г. следует отнести полностью на средства города Царицына, начав отпуск средств из казны на содержание училища лишь с 1914 г.¹²

В преобразовании начальной школы в среднюю помимо министерства были заинтересованы и местные власти. Требовалась определенная унификация этих учебных заведений по стране. Д.Д. Старлычанов, депутат-трудовик от Ставрополя, бывший преподаватель городского училища в городе Святой Крест, в прениях отметил, что, «как ему видно из представления, существующую в городе Царицыне женскую рукодельную школу предполагается преобразовать в женское ремесленное училище по типу Рославльского училища, применительно к штатному

расписанию которого и составлен проект штата Царицынского училища»¹³.

Рославльское женское ремесленное училище было основано в 1904 г. купцом Т.С. Богомазовым, который на собственные средства оборудовал его и подарил городу. Обучение в училище было бесплатным. Самые бедные учащиеся поддерживались благотворительными денежными выплатами. Становление училища пришлось на годы Первой русской революции. Для других учебных заведений подобного типа оно стало своего рода образцом.

Следует признать достаточно высокий профессионализм и заинтересованность депутата Старлычанова. Ознакомившись с предложением Министерства народного просвещения, он отметил, что «из сопоставления проектируемого штата с штатом Рославльского училища усматривается, что для преподавательниц общеобразовательных предметов и мастерицы-руководительницы работ второго отдела Царицынского училища не предполагено квартирных денег, присвоенных соответствующим должностям Рославльского училища». Далее депутат сказал: «Не находя достаточных оснований к лишению этих лиц квартирных денег и принимая во внимание, что цены на квартиры в городе Царицыне, как это видно, значительно выше, чем в городе Рославле, я предлагаю присвоить означенным должностям квартирные деньги в размере 120 рублей в год, которые должны быть выделяемы казной»¹⁴.

Член Государственной думы В.В. Милютин, присоединившись к этому мнению, отметил, что в проектируемом штате, кроме поименованных должностей, не предполагается присвоить квартирных денег также и учителю специальной дисциплины — технического черчения и рисования, для которого устанавливается весьма незначительное жалование в 400 рублей. Несмотря на то что в Рославльском училище соответствующей должности не назначено квартирных денег, Милютин, желая обеспечить возможность выбора лучших учителей для преподавания этого крайне важного в профессиональных учебных заведениях предмета, предложил назначить по этой должности

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 564. Л. 13 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Там же.

дополнительное финансирование в размере 120 рублей.

Член Думы В.И. Нестеренко посчитал предложенные в штате оклады для преподавателей слишком низкими и заявил, что этот недостаток мог бы быть устранен установлением особых 5-летних прибавок к жалованию.

Представитель министерства В.И. Рыков выступил против установления предложенных прибавок для Царицынского училища, так как служащие в других подобных заведениях такими прибавками не пользовались. При этом он особо отметил, что *«вопрос о прибавках для всех вообще учебных заведений названного типа будет разрешен в утвердительном смысле в общем положении о женских профессиональных учебных заведениях, которое ныне вырабатывается министерством для внесения в законодательные учреждения»*¹⁵.

Выслушав заявление представителя министерства, В.И. Нестеренко предложил ограничиться по этому вопросу лишь пожеланием о том, чтобы Министерство народного просвещения приняло все меры к скорейшему установлению 5-летних прибавок служащим в женских профессиональных учебных заведениях.

В Комиссии по народному образованию 19 марта 1913 г. вновь обсуждался вопрос, связанный с женским техническим образованием: «Об открытии в городе Уфе женского ремесленного училища с отпуском из казны на единовременные нужды 3 тыс. рублей и на его содержание по 6870 рублей ежегодно»¹⁶.

Докладчик А.Г. Лавров, изложив суть нового законопроекта и не возражая против его принятия, остановился на следующих замечаниях. Женское ремесленное училище в Уфе предполагалось создать по образцу Рославльского училища, применительно к штату которого и был составлен проект штата Уфимского училища. Однако по финансированию труда учителей в нем у Лаврова возникли серьезные замечания. Так, преподавательницам общеобразовательных предметов было предложено платить лишь по 360 рублей жалования в год, тогда как мастерицам-рукодельницам жалование назначалось несколько больше — по 400 рублей.

Хотя в Рославльском училище соответственным должностям и были положены такие же оклады, тем не менее докладчик нашел оклад в 360 рублей недостаточным и заявил, что *«при современной дороговизне жизни считает справедливым сравнять оклады означенных лиц и присвоить преподавательницам общеобразовательных предметов оклад также по 400 рублей; из того же оклада следует исчислять и пенсию для названных преподавательниц»*¹⁷.

В плане устройства женского ремесленного училища в Уфе предполагалось одновременно решить несколько задач: сформировать педагогический коллектив, обеспечить его учебно-методическими материалами и оборудованием, найти подходящее помещение для проведения занятий. В ближайшем будущем планировалось строительство специального здания для этого учебного заведения. Пока же в смету нового училища включалась сумма в 2 тыс. рублей в год на наем помещения для него.

По этому поводу докладчик указал, что в *«настоящем представлении предвидится возможность постройки здания для училища городом Уфой, в соответствии с чем в заключительной части предусматривается, в случае возведения этого здания, сокращение на 2 тыс. рублей как ежегодного расхода казны на содержание училища, так и отпускаемого городом Уфой пособия на возмещение расхода казны на содержание училища»*¹⁸.

А.Г. Лавров особо отметил, что важно открыть это учебное заведение в ближайшее время. *«Определение срока учреждения Уфимской школы предполагается предоставить министру просвещения, который может осуществить указанное мероприятие в течение года утверждения настоящего узаконения, если к тому окажется возможность по состоянию остатков по смете соответствующего года»*¹⁹.

Отметив, что законом должен быть точно определен срок открытия ремесленного училища и что желательно, чтобы оно состоялось к началу 1913/14 учебного года, докладчик предложил осуществить это мероприятие к 1 июля 1913 г. Оставался открытым вопрос финансирования училища в первый год его деятельности.

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 564. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Л. 103.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 103 об.

¹⁹ Там же.

А.Г. Лавров предположил, что для этого можно найти дополнительные источники: «Что касается источника, из которого может быть покрыт расход в 1913 г. на содержание училища, то ввиду неимения в смете на 1913 г. на сей предмет условного кредита этот расход должен быть отнесен на счет ожидаемых сбережений от назначений по Министерству народного просвещения по государственной росписи расходов на 1913 г. На этот же расход должен быть отнесен расход на оборудование в 1913 г. названного училища»²⁰.

Принявший участие в дискуссии представитель министерства В.И. Рыков не возражал против предлагаемых изменений, однако указал, что министерство осознавало недостаточность предположенных для Уфимского училища окладов, но не считало возможным делать отступления для одного этого училища от обычных норм, принятых в настоящее время в других училищах того же типа. Чиновник заявил, что в его ведомстве уже давно разрабатывается положение об учебных заведениях данного типа и что в перспективе они будут финансироваться гораздо лучше: «В новом проектируемом

министерством положении о женских ремесленных училищах, которое в настоящее время уже одобрено заинтересованными ведомствами, все оклады содержания в этих училищах повышены против существующих на 75 и даже 100 %»²¹.

Законопроект с данными изменениями был принят Комиссией по народному образованию.

Заключение

Развитию начального и среднего технического образования в России в начале XX в. мешал недостаток государственного финансирования. Власти считали, что технические учебные заведения должны развиваться в первую очередь за счет поддержки заинтересованных лиц — предпринимателей, а также благотворителей. То, что в царской России не было введено обязательное начальное образование, также сдерживало развитие специализированных учебных заведений. В полной мере необходимость реформы среднего специального образования в России стала понятной как для законодателей, так и для государственных чиновников лишь после начала Первой мировой войны.

²⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 564. Л. 104–104 об.

²¹ Там же. Л. 104 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
2. Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России // История национальных полит. партий России: матер. Междунар. конф. М., 1997. С. 11–23.
3. Кроль М.А. Как прошли выборы в Государственную думу. СПб.: Тип. Р.С. Вольпина, 1906. 67 с.
4. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: ист.-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
5. Веселовский Б. Народное образование и Государственная дума // Современ. мир. 1912. Кн. 1.
6. Малиновский Н. Итоги деятельности III Государственной думы в области народного образования // Рус. шк. 1912. Кн. 7–8.
7. Бадаев А.Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М.; Л.: Политиздат, 1930. 410 с.
8. Зайчиков Г.И. Думская тактика большевиков (1905–1917 гг.). М.: Высш. шк., 1975. 237 с.
9. Зайчиков Г.И. Борьба рабочих депутатов Государственной думы против царизма в 1907–1914 гг. М.: Высш. шк., 1981. 153 с.
10. Развитие русского права второй половины XIX – начала XX века. М.: Юр. лит., 1997. 368 с.
11. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М.: ЮКЭА, 2000. 368 с.
12. Кошкидько В.Г. Формирование и функционирование представительной власти в России (1904–1917 гг.). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. 215 с.
13. Русский конституционализм в период думской монархии: сб. док. / авт.-сост. А.В. Гоголевский (вступ. ст., коммент.), Б.Н. Ковалёв (коммент., библиогр.). В 3 т. Т. 3. М.: Гардарики, 2003. 492 с.
14. Ковалёв Б.Н. Матвей Шульгин. Городской голова Боровичей – депутат Третьей Думы / Новгородский музей-заповедник. В. Новгород, 2016. 30 с.
15. Ковалёв Б.Н. Владимир Милютин. Апологет технического образования в России – депутат Четвертой Думы / Новгородский музей-заповедник. В. Новгород, 2017. 32 с.
16. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 1. М.: Мариос, 2011. 648 с.

ЛОЗОВСКАЯ Дарья Станиславовна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; dasha.lozovskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 3.07.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] V.R. Leykina-Svirskaya, *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godah* [Russian intelligentsia: 1900–1917], Mysl', Moscow, 1981.
- [2] V.V. Shelokhaev, *Fenomen mnogopartiynosti v Rossii* [Phenomenon of Russia's multi-party system], in: *Istoriya natsional'nykh politicheskikh partiy Rossii*, Intern. conf. proc., Moscow, 1997, pp. 11–23.
- [3] M.A. Krol', *Kak proshli vybory v Gosudarstvennyu dumu* [Results of the elections for the State Duma], Typ. R.S. Vol'pina, St. Petersburg, 1906.
- [4] A.F. Smirnov, *Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii 1906–1917 gg.: istoriko-pravovoy ocherk* [The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: Historical juristic study], *Kniga i biznes*, Moscow, 1998.
- [5] B. Veselovskiy, [Public education and the State Duma], *Sovremenny mir*, 1 (1912).
- [6] N. Malinovskiy, *Final report of the Third State Duma on public education*, *Russkaya shkola*, 7–8 (1912).
- [7] A.E. Badaev, *Bol'sheviki v Gosudarstvennoy dume. Vospominaniya* [Bolsheviks in the State Duma. Memoirs], Politizdat, Moscow, Leningrad, 1930.
- [8] G.I. Zaychikov, *Dumskaya taktika bol'shevikov (1905–1917 gg.)* [Bolsheviks' tactics in the State Duma: 1905–1917], *Vysshaya shkola*, Moscow, 1975.
- [9] G.I. Zaychikov, *Bor'ba rabochikh deputatov Gosudarstvennoy dumy protiv tsarizma v 1907–1914 gg.* [Workers-deputies in the State Duma: Fighting against tsarism: 1907–1914], *Vysshaya shkola*, Moscow, 1981.
- [10] *Razvitie russkogo prava vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Russian law development: the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century], *Yuridicheskaya literatura*, Moscow, 1997.
- [11] I.A. Kravets, *Konstitutsionalizm i rossiyskaya gosudarstvennost' v nachale XX veka* [Constitutionalism and the Russian state machine: the beginning of the 20th century], YuKEA, Moscow, 2000.
- [12] V.G. Koshkidko, *Formirovanie i funktsionirovanie predstavitel'noy vlasti v Rossii (1904–1917 gg.)* [Russian legislative body functioning: 1904–1917], Moscow State Univ. Publ., Moscow, 2000.
- [13] A.V. Gogolevskiy, B.N. Kovalev, *Russkiy konstitutsionalizm v period dumskoy monarhii* [Russian constitutionalism in the years of the Duma monarchy], in 3 vol., of vol. 3, *Gardariki*, Moscow, 2003.
- [14] B.N. Kovalev, Matvey Shul'gin. *Gorodskoy golova Borovichy – deputat Tret'ey Dumy* [Matvey Shulgin, the mayor of Borovichi. Deputy of the Third State Duma], *Velikiy Novgorod*, 2016.
- [15] B.N. Kovalev, Vladimir Milyutin. *Apologet tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii – deputat Chetvertoy Dumy* [Vladimir Milyutin: Apologist of technical education in Russia. Deputy of the Fourth State Duma], *Velikiy Novgorod*, 2017.
- [16] E.D. Dneprov, *Rossiyskoe obrazovanie v XIX – nachale XX veka* [Russian education in the 19th – early 20th century], of vol. 1, *Marios*, Moscow, 2011.

LOZOVSKAYA Dar'ya S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; dasha.lozovskaya@gmail.com

Received 3.07.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8303
УДК 94(47).084.8

ТРАНСИРАНСКИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ МАРШРУТ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Е.Е. Красноженова

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Исследование нацелено на анализ экономического сотрудничества СССР, США и Великобритании по программе ленд-лиза в период Великой Отечественной войны. Поставки военной техники, боеприпасов, промышленного оборудования и других грузов производились согласно Московскому, Вашингтонскому, Лондонскому и Оттавскому протоколам о снабжении Советского Союза. Одним из важнейших маршрутов ленд-лиза стал трансиранский, по которому поступило около 24 % от общего количества ввезенных в СССР грузов. В их составе значительную роль играли автомобильная техника, оборудование, продовольствие. Данный маршрут являлся одним из самых продолжительных. На Каспийском море суда с военными грузами от союзников подвергались бомбардировкам немецко-фашистской авиации. Взаимодействие СССР, Великобритании и США в Иране было направлено на модернизацию его транспортной сети, строительство новых железных дорог и причалов, создание заводов по сборке ввозимой военной техники. При оценке роли англо-американской военно-технической помощи Советскому Союзу в достижении победы в Великой Отечественной войне необходимо учитывать, что наибольшее количество грузов поступило в СССР уже после коренного перелома в войне. В начальный же период войны (1941–1942 гг.), когда Советский Союз остро нуждался в поддержке союзников, поставки были незначительными (7 % от всего объема ввезенных союзниками грузов). В то же время нельзя недооценивать помощь, поступившую в СССР посредством ленд-лиза, поскольку она сыграла некоторую роль в оснащении Красной армии вооружением и боевой техникой. Военно-экономическое сотрудничество союзных держав стало одним из факторов, обеспечивших победу над фашизмом во Второй мировой войне.

Ключевые слова: ленд-лиз; трансиранский маршрут; Иран; союзники; антигитлеровская коалиция; Каспийская военная флотилия; Астраханский морской рейд

Ссылка при цитировании: Красноженова Е.Е. Трансиранский транспортный маршрут в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 27–36. DOI: 10.18721/JHSS.8303

PERSIAN TRANSPORT CORRIDOR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

E.E. Krasnozhenova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

The study aims to analyze the economic cooperation between the USSR, USA and Great Britain via lend-lease during the Great Patriotic War. Deliveries were made in accordance with the Moscow, Washington, London and Ottawa Protocols of supplying the Soviet Union. One of the major routes of the Lend-Lease became the Trans-Iranian Railway via which about 24% of the total cargo was received. Automotive vehicles, machinery and food made up a large part of the cargo passing through the Persian Corridor. This route was one of the longest. Ships carrying military supplies from the Allies via the Caspian Sea were shelled by Nazi aircraft. Interaction of the Soviet Union, Britain and the United States in Iran was aimed at the modernization of its transport network, construction of new railways and docks, creation of assembly plants for imported military equipment. Assessing the Anglo-American military-technical assistance in achieving Victory in the Great Patriotic war, it is necessary to consider that the greatest number of goods in the Soviet Union came after the radical turning point in the war. In the early period of the war, when the Soviet Union desperately needed the support of allies, the initial supply was low. At the same time, we cannot underestimate the help received by the Soviet Union through the lend-lease because it played a certain role in equipping the Red Army with weapons and military equipment. Military and economic cooperation of the allied powers was one of the factors contributing to Victory over fascism in the Second World War.

Keywords: lend-lease; Trans-Iranian railway; Iran; allies; anti-hitler coalition; Caspian flotilla; Astrakhan sea raid

Citation: E.E. Krasnozhenova, Persian transport corridor during the Great Patriotic War (1941–1945), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 27–36. DOI: 10.18721/JHSS.8303

Введение

История Великой Отечественной войны всегда была и остается важнейшим направлением научных исследований. Представления современного общества о событиях 1941–1945 гг. неоднозначны. Всё чаще отрицаются успехи и достижения советского народа на фронте и в тылу, появляются исторические концепции, не соответствующие объективным реалиям военного времени. Продолжаются дискуссии о международном значении Победы, заново оценивается и умаляется вклад СССР и его союзников в разгром фашизма.

Вопросы, связанные с оказанием помощи Советскому Союзу по программе ленд-лиза, в советской историографии не получили достаточного освещения. Эта тема была лишь отры-

вочно представлена в работах, посвященных Великой Отечественной войне. Хотя получение помощи от союзников по антигитлеровской коалиции и признавалось авторами исторических работ, но они определяли объемы зарубежных поставок в СССР как незначительные. Так, Н.А. Вознесенский отмечал, что зарубежные поставки составляли только 4 % от объемов промышленного производства, а вооружение доставлялось несвоевременно и было низкого качества [1, с. 74]. Данные показатели зарубежных поставок использовались отечественной историографией вплоть до 1990-х гг.

Введение в научный оборот новых исторических источников в 1990-е гг. придало новый импульс исследованиям военно-экономического сотрудничества СССР, Великобритании

и США в 1941–1945 гг. Ленд-лиз в этот период стал самостоятельным предметом исторических исследований. Появились публикации, освещающие отдельные аспекты сотрудничества союзников, и в их числе основные маршруты доставки грузов.

Учеными были оспорены многие положения советской историографии о ленд-лизе, ими отмечалось немаловажное значение союзных поставок морского и авиационного вооружения, подчеркивалась роль ввозимого продовольствия в обеспечении армии и гражданского населения [2–6]. Проявились работы, посвященные отдельным маршрутам ленд-лиза [См., например: 7], и в частности трансиранскому маршруту доставки союзной помощи [8, 9]. Однако ряд вопросов, связанных с доставкой грузов через Иран, до сих пор еще недостаточно исследованы. Малоизученными остаются, например, проблемы ввоза через Персидский залив некоторых видов оборудования, вооружения и продовольствия, особенности приема и использования грузов в СССР.

Зарубежная историография уделила значительное внимание проблемам ленд-лиза. Одной из первых публикаций на эту тему стала вышедшая в 1944 г. работа руководителя американской администрации программы ленд-лиза Э. Стеттиниуса [10]. Позже за рубежом появился ряд трудов, посвященных особенностям экономического сотрудничества СССР, Великобритании и США в военный период. Популярным направлением научных исследований проблем ленд-лиза на Западе стало изучение отдельных маршрутов доставки союзных грузов.

Особое внимание необходимо уделить публикациям, посвященным изучению трансиранского маршрута. Одна из них — работа В. Моттера [11], в которой исследованы особенности сотрудничества СССР и союзников в Иране, представлены сведения о количестве поступавшей через эту страну военной техники. В монографии Р. Джонса [12] показано военно-экономическое значение американской помощи Советскому Союзу. В этой работе приводятся данные об объемах поставлявшихся товаров, рассматриваются их виды. Оценивая роль ввезенных грузов, Джонс отмечает, что, несмотря на небольшие объемы союзной помощи, все поставленные товары являлись важнейшими стратегическими ресурсами и потому во мно-

гом определили военные успехи Красной армии. Зарубежные исследователи, высоко оценивая значение западной помощи для СССР, рассматривали ее в качестве основной причины успешных военных операций на советско-германском фронте [12–14].

Таким образом, советская историография отводила военным поставкам союзников незначительную роль, в то время как зарубежные исследователи считали, что западная помощь во многом определила победу СССР над фашизмом.

Постановка проблемы и цели исследования

Программа ленд-лиза стала в период Великой Отечественной войны одним из важнейших инструментов международного сотрудничества СССР, Великобритании и США. Ожесточенные споры в отечественной и зарубежной историографии вызвала оценка роли англо-американской помощи Советскому Союзу в достижении Победы. В основе подобных дискуссий лежат подчас противоположные взгляды на вклад каждой страны — участницы антигитлеровской коалиции в разгром фашизма. Поэтому проблемы военно-экономического сотрудничества союзников в военный период нуждаются сегодня в объективном исследовании.

Достаточно актуальным остается и вопрос о значении отдельных путей доставки союзной помощи. Говоря о поставках по программе ленд-лиза, необходимо отметить актуальность исследования особенностей доставки грузов через Иран. Трансиранский маршрут («персидский коридор», или южный маршрут) приобрел особую актуальность с 1942 г., когда Красной армии требовались военная техника и оборудование для защиты южных нефтеносных районов и обеспечения победы над гитлеровцами в битве за Кавказ и под Сталинградом. Кроме того, с конца 1942 г., в связи с гибелью арктического конвоя PQ-17 и ростом потерь среди англо-американских военных и торговых кораблей на севере, существенно снизились объемы поставок арктическими конвоями, что вынудило союзников активно использовать трансиранский маршрут.

Исследование нацелено на анализ сотрудничества СССР, США и Великобритании по программе ленд-лиза, в том числе на определение роли трансиранского маршрута на разных

этапах Великой Отечественной войны, его значения для Юга России в 1942 г., в период Сталинградской битвы и битвы за Кавказ, оценку состава грузов, доставлявшихся в СССР через Иран, выявление проблем, возникавших у союзников при транспортировке грузов, оценку в целом значения экономической помощи союзников Советскому Союзу для достижения победы в Великой Отечественной войне.

Методология

Исследование роли программы ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны предполагает выбор определенной теоретической концепции. Научные поиски в рамках обозначенной проблемы определяются использованием конкретно-исторического подхода, основанного на принципах историзма, объективности и системности.

В основе исследования лежит принцип историзма, позволяющий рассмотреть сотрудничество СССР, США и Великобритании в соответствии с конкретной исторической обстановкой, определенной чрезвычайными военными условиями и необходимостью противостоять нацизму.

Важнейшим научным принципом в условиях существования крайне противоположных исторических взглядов на проблему ленд-лиза и его роль в достижении Победы стал принцип объективности, в соответствии с которым исследование основано на приоритете фактов, что позволило не допустить фальсификации исторической правды и избежать какой-либо идеологической заданности.

Принцип системности позволил показать значение трансиранского маршрута в системе ленд-лиза, представить динамику объемов грузов, ввозившихся в рамках союзной помощи через Иран на разных этапах Великой Отечественной войны. При оценке роли трансиранского маршрута в системе ленд-лиза необходимо учитывать не только количественные показатели доставлявшихся грузов. Существенное значение имело качество военного оборудования и материалов, а также своевременность их поставки в СССР.

Вышеуказанные научные принципы и подходы определили выбор конкретных методов исследования. В их числе — историко-сравнительный метод, метод конкретно-историче-

ского анализа документальных источников и литературы, логический и статистический методы. Они позволили всесторонне исследовать взаимодействие СССР и союзников в области реализации программы ленд-лиза, определить особенности использования трансиранского маршрута для доставки союзной помощи.

Результаты исследования

Закон о ленд-лизе («Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов») был принят конгрессом США 11 марта 1941 г. Согласно закону, американское руководство могло передавать в долг или в аренду другим странам любые материальные ценности в случае, если оборона этих государств соответствовала интересам США. Под материальными ценностями в нем понимались военная техника, оружие, боеприпасы, амуниция, стратегическое сырье, продовольственные товары, предметы повседневного использования для армии и мирного населения, а также информация, имеющая важное стратегическое значение. При этом утраченное или уничтоженное в период боевых действий имущество не подлежало оплате, а уцелевшие и пригодные для мирного времени материалы следовало оплатить в полном или частичном объеме путем погашения долгосрочного кредита, предоставленного США. Сохранившаяся военная техника могла находиться у страны-получателя, пока США не потребуют ее назад.

С 7 ноября 1941 г., когда велись ожесточенные бои под Москвой, закон о ленд-лизе был распространен на Советский Союз. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден 22 июня 1941 г. выразил готовность оказать нашей стране военную и экономическую помощь [15, с. 45]. В тот же день У. Черчилль заявил о решимости выступить против нацистского режима [16, с. 170–172]. Готовность оказать поддержку СССР выразил и Ф. Рузвельт [17, с. 194]. Размещение советских активов в американских банках и устранение всех торговых ограничений между странами позволили начать поставки военных грузов в Советский Союз. Первая заявка о ввозе по ленд-лизу 20 тыс. зенитных орудий, 6 тыс. самолетов, 50 тыс. тонн взрывчатых веществ поступила от СССР уже 30 июля 1941 г. [10, с. 162].

США и Великобританию беспокоили вопросы, связанные с боеспособностью Красной

армии и возможной продолжительностью советского сопротивления агрессии. В июле 1941 г. с целью определения конкретной ситуации на советско-германском фронте в Москву прибыл Г. Гопкинс, личный представитель президента США. По итогам этого визита было принято решение об отправке в Советский Союз 200 истребителей, а в конце августа стороны подписали соглашение о поставках военных грузов стоимостью 145 млн долларов.

Первый протокол о военной помощи СССР был подписан в Москве 1 октября 1941 г. Кроме того, в военный период действовали Вашингтонский, Лондонский и Оттавский протоколы, которые позволили продлить эту помощь до конца войны. Первоначально определялось, что поставки по ленд-лизу должны осуществляться до 30 июня 1942 г., однако впоследствии срок ежегодно продлевался. Законом о ленд-лизе был установлен крайний срок поставок – 30 июня 1946 г., но в августе 1945 г. США в одностороннем порядке прекратили военные поставки в СССР.

Летом 1942 г. произошло окончательное оформление антигитлеровской коалиции. В период с июля 1942-го по июнь 1943 г. из-за недостатка транспортных средств в Советский Союз было поставлено лишь 75 % от запланированного объема грузов. Эти грузы в указанный период явились единственной помощью СССР со стороны союзников. Необходимо отметить, что в начале войны (1941–1942 гг.) количество ввезенных военных товаров было незначительным (7 % от всего объема ввезенных союзниками грузов). Большая часть поставок пришлась на 1943–1944 гг., когда после разгрома гитлеровцев под Сталинградом и на Кавказе победа СССР уже не вызывала сомнений [18].

Помощь союзников не была бескорыстной. По программе обратного ленд-лиза Соединенные Штаты уже в годы войны стали получать от СССР стратегическое сырье и ценные материалы, в первую очередь хромовую и марганцевую руды, платину, золото, древесину. Та же программа предусматривала бесплатный ремонт американских транспортных судов в советских портах и некоторые другие услуги.

Грузы, поставляемые по программе ленд-лиза, не всегда были высокого качества. На это уже в самом начале сотрудничества СССР с США и Великобританией указывал И.В. Ста-

лин, отмечая, что союзники поставляли по ленд-лизу устаревшую технику и вооружение, однако в целом он достаточно высоко оценивал роль военных поставок. Так, в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции Сталин отметил высокую роль ленд-лиза в обеспечении советской армии и тыла.

Военные поставки в Советский Союз были выгодными для американской промышленности. Реализация закона о ленд-лизе способствовала росту производства вооружений в США, развитию сельского хозяйства и пищевой промышленности, созданию новых рабочих мест. США стали единственным государством, экономика которого получила от войны значительный импульс для дальнейшего развития.

Основными маршрутами ленд-лиза в военный период были тихоокеанский, трансиранский и северные арктические конвои, которые смогли обеспечить до 93,5 % поставок грузов. Относительно безопасным считался тихоокеанский маршрут, однако железнодорожное сообщение с фронтом имел только Владивосток, а пропускная способность Транссибирской магистрали была невелика. Северный арктический путь был относительно коротким, но корабли с грузами здесь сталкивались с активными действиями воздушного флота противника, базировавшегося в Норвегии и Финляндии.

Трансиранский маршрут был одним из продолжительных, он проходил от Западного побережья Северной Америки через Тихий и Индийский океаны и Персидский залив до портов Басра (Ирак), Абадан, Бушир, Хорремшехр, Бендер-Шахпур. Состояние иранских портов не соответствовало задачам отправки через них военных грузов в СССР. Так, в порту Бушир отсутствовали оборудованные причалы и подъездные пути. Сообщение между Хорремшехром и Тегераном осуществлялось по железной дороге с крайне низкой пропускной способностью и узкой шоссейной трассе.

Обсуждение советской и английской сторонами ситуации в Иране началось сразу же после вторжения 22 июня 1941 г. немецко-фашистских войск на территорию СССР. На встрече В.М. Молотова с британским послом С. Криппсом 27 июня 1941 г. была выработана общая внешнеполитическая линия в отношении Ирана и достигнута договоренность о противодействии вражеским диверсантам в этом

регионе, а уже 28 июня А.И. Микоян обсудил с английским послом пропускную способность иранских портов, железных и шоссейных дорог, в том числе Трансиранской железной дороги, возможности организации поставок через Иран [19].

Подписание мирного соглашения между СССР, Англией и Ираном состоялось 8 сентября 1941 г. С этого времени в Иране размещались советские и британские войска, а его территория использовалась для поставок союзной помощи в СССР.

С конца октября 1941 г. из иранских портов в Советский Союз стали доставляться первые военные грузы от союзников: пушки, танки, порох, медь, свинец, химикаты, рельсы, электрокабель, трубы, станки, высокооктановый бензин, каучук, калиброванная сталь, разборные понтоны, автопокрышки, тягачи, продовольствие и т. д. Тогда было поставлено около 2,9 тыс. тонн военных товаров. Объемы ввозимой в 1941 г. по трансиранскому маршруту военной техники были небольшие, но английские грузы поступали в нашу страну регулярно.

По мнению У. Черчилля, главной задачей союзников в это время было открытие коммуникаций от Персидского залива до Каспийского моря. Чтобы повысить объемы военно-технической помощи СССР, необходимо было модернизировать иранскую транспортную сеть, порты в Персидском заливе и Трансиранскую железную дорогу.

На организацию строительных работ затрачивались значительные финансовые ресурсы. Уже осенью 1941 г. в Иране было начато сооружение новых коммуникаций, появились предприятия, осуществлявшие сборку американских грузовых автомобилей. Союзниками строились автомобильные дороги. Весной 1943 г. в порту Хорремшехр появилась пристань, был построен завод для сборки автомашин. В порту Бендер-Шахпур союзники соорудили железнодорожные платформы, причалы, пирсы. Порт Басра в Ираке превратился в крупный перевалочный пункт, обеспечивающий англо-американские поставки по ленд-лизу. Строительные работы в портах позволили уже весной 1942 г. утроить ежемесячный объем железнодорожных перевозок через Иран, где использовались вагоны с Южно-Британской дороги, индийские локомотивы и подвижной состав. С марта этого года

стал работать воздушный маршрут для перегона в Советский Союз военных самолетов. В мае 1942 г. ежемесячные поставки грузов достигли 80–90 тыс. тонн, а во второй половине 1943 г. они возросли до 200 тыс. тонн.

Поставки военной техники, стратегических материалов, продовольствия через Иран осложнили работу морского транспорта в Каспийском море. В первую очередь не хватало судов, поэтому Государственный комитет обороны СССР позволил «Каспфлоту» использовать рыбацкие лодки, способные перевозить около 70 тонн грузов каждая¹. В 1941 г. при участии Наркомморфлота СССР началась реконструкция портов на Каспийском море, однако работы были на грани срыва, отмечались случаи простоя из-за отсутствия воды и топлива. Реконструкция портов в Иране по мере роста грузопотока становилась всё более организованной, чему способствовало создание специального «Строительного управления на юге Каспия». Активное строительство развернулось в портах Пехлеви и Ноушехр, где появились углубленные каналы, причалы, склады. Для приема поступающего по ленд-лизу вооружения в морском порту города Баку были сооружены дополнительные платформы, позволявшие выгружать технику непосредственно в железнодорожные вагоны. Всего на организацию строительных работ к весне 1942 г. Советским Союзом было затрачено около 11 млн рублей².

На территорию СССР грузы доставлялись транспортными судами Каспийской военной флотилии (КВФ). Наиболее уязвимым участком был Астраханский морской рейд, где военная техника, оборудование и другие товары, ввозимые по ленд-лизу, перегружались с морских судов на речные. Суда подвергались массированным атакам немецко-фашистской авиации: с августа по ноябрь 1942 г. было произведено более 200 налетов на Астраханский рейд [20]. В Северном Каспии был сосредоточен практически весь корабельный состав КВФ. Прикрытие транспортных судов и барж в Астраханском порту обеспечивала зенитная артиллерия пере-

¹ Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 9. Л. 26.

² Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 488. Л. 62.

возимых войск и дивизион катеров ПВО. Для обеспечения безопасности грузов в Махачкале штабом ВВС Закавказского фронта был выделен полк истребительной авиации.

Продвижение немецко-фашистских войск на Кавказ и к Каспийскому морю создавало угрозу для транспортной артерии, соединяющей Баку с остальной частью страны. После захвата гитлеровцами Ростова-на-Дону железнодорожная ветвь на Баку оказалась оборванной. В этих условиях в январе 1942 г. вдоль Каспийского побережья было начато строительство стратегически важной железной дороги Кизляр – Астрахань. По ней грузы, поступавшие по ленд-лизу через Иран, доставлялись в Астрахань, а потом направлялись в Сталинград и другие регионы [21].

За навигацию 1942 г. корабли КВФ отконвоировали 1200 судов и барж, доставивших 18,5 тыс. лошадей, более 8 тыс. орудий, 4 тыс. автомашин, более 1 тыс. танков и бронемашин, 200 самолетов и другую технику³. Через Каспийской море было транспортировано 6,2 тыс. тонн нефтепродуктов. В целом кораблями и судами КВФ в 1941–1945 гг. было доставлено около 25 % от общего импорта товаров, поставленных союзниками через Персидский залив⁴.

Осуществляя поставки военной техники и оборудования в Советский Союз через Иран, союзники столкнулись с немалыми трудностями и во время продвижения грузов по суше. Железные дороги там были практически непригодными для транспортировки таких грузов. Имелось лишь несколько сотен товарных вагонов. Не хватало паровозов для тяжелых грузовых составов. Для бесперебойной работы иранских железных дорог был необходим дополнительный подвижной состав. Производство дизельных локомотивов и грузовых вагонов было организовано по срочным заказам в Великобритании и Канаде. В ноябре 1941 г. в Иран была отправлена первая тысяча таких вагонов.

К маю 1943 г. через «персидский коридор» в Советский Союз ежемесячно ввозилось свыше 100 тыс. тонн грузов [10, с. 216]. Рост объема поставок через Иран был отмечен в конце 1943 г., после Тегеранской конференции руководителей трех союзных государств антигит-

леровской коалиции: СССР, США и Великобритании. Наибольшее количество грузов было доставлено через Иран в 1944 г. В это время в Советский Союз стали поставляться железнодорожные вагоны, локомотивы, грузовые платформы и др. В целом по трансиранскому маршруту в СССР было ввезено около 4,2 тыс. тонн грузов (23,8 % от общего объема товаров, поступивших по ленд-лизу).

Особое место в составе грузов, поставлявшихся в СССР через Иран, занимали автомобильная техника, самолеты и танки. Так, через Персидский залив было доставлено 184 тыс. автомобилей и около 4 тыс. самолетов [Там же], в том числе: популярные тогда американские автомобили «Willys MB» и «Studebaker US6»; американские бомбардировщики «DB-7 Boston», «B-25 Mitchell», истребители «P-39 Airacobra», «P-63 Kingcobra», «Curtiss P-40», «Curtiss P-40 Kittyhawk», транспортные самолеты «Douglas C-47», английские истребители «Hawker Hurricane» и «Supermarine Spitfire» (истребители доставлялись в разобранном виде; как правило, их сборка осуществлялась на авиабазах в Абадане или Басре); английские и американские танки «Valentine», «Matilda» и «Stuart»; бронетранспортеры «Universal Carrier» и «Scout Car M3».

С 1943 г. увеличились поставки в Советский Союз продовольствия. Оно было необходимо для снабжения территорий, освобожденных от немецко-фашистских войск. Объемы продовольственных поставок в 1943–1944 гг. превзошли тоннаж отдельных видов ввозимого вооружения и материалов.

Мука, сахар, консервированные продукты стали поступать от союзников еще в 1941 г. К весне 1942 г. через Иран было переброшено около 9 тыс. тонн семян [Там же. С. 220–223]. Значительная часть поставлявшегося продовольствия – это концентраты, дегидрированные овощи, различные консервы, что позволило организовать их длительное хранение. Существенное значение в обеспечении пищевыми продуктами Красной армии и мирного населения имели поставки из США консервированных мясных продуктов. Наибольшее количество продовольствия было получено по ленд-лизу в 1944 г. Всего же по программе союзной помощи в СССР было ввезено свыше 4 млн тонн продуктов питания, что составило 25 % общего тоннажа отправленных грузов [22, с. 196].

³ ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 544. Л. 37.

⁴ Там же.

Оценивая роль американских продовольственных поставок в Советский Союз, нельзя не согласиться с мнением Э. Стеттиниуса, который отмечал, что, хотя эти поставки не могли полностью удовлетворить потребности фронта и гражданского населения в продуктах питания, но без них советскому правительству пришлось бы уменьшить нормы питания военнослужащих, а это могло привести к снижению боеспособности Красной армии, или сократить нормы снабжения продовольствием рабочих и других категорий мирного населения, что вызвало бы голод в тылу [10, с. 262].

Заключение

Трансиранский маршрут стал одним из важнейших путей доставки грузов в СССР по программе ленд-лиза в период Великой Отечественной войны (около 24 % от общего количества ввезенных товаров поступило по этому маршруту). Его значение существенно возросло после Тегеранской конференции

союзников, состоявшейся в конце 1943 г. По маршруту через Иран поставлялись продукты питания, одежда, вооружение, автомашины и промышленное оборудование, однако эти товары составляли лишь небольшую долю в общем объеме аналогичной продукции, выпускавшейся в СССР.

Необходимо отметить, что значение ленд-лиза на протяжении войны не было одинаковым. Так, в 1941–1942 гг. в Советский Союз было доставлено только 7 % от всего объема ввезенных союзниками грузов, остальная часть союзной помощи была поставлена уже в 1943–1945 гг., после коренного перелома в войне.

В то же время нельзя недооценивать помощь, поступившую в Советский Союз по программе ленд-лиза, поскольку она сыграла некоторую роль в оснащении Красной армии вооружением и боевой техникой. Военно-экономическое сотрудничество союзных держав стало одним из факторов, обеспечивших победу над фашизмом во Второй мировой войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вознесенский Н.А.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.
2. **Быстрова И.В.** Война и союзники // Российская история. 2015. № 4. С. 141–145.
3. **Примаков Е.М.** Правда о ленд-лизе // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8, № 3 (41). С. 48–51.
4. **Гурина М.В.** Продовольственный ленд-лиз США // Истор., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-3 (62). С. 52–59.
5. **Пархитыко Н.П.** Победа стран антигитлеровской коалиции. Фактор ленд-лиза // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Междунар. отношения. 2015. № 2. С. 57–66.
6. **Шабельник Н.В.** Роль ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны: современные оценки // Истор., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 196–199.
7. **Амусин Б.М., Сопин Ю.Г.** Советские арктические порты в программе ленд-лиза в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 112–116.
8. **Магомедханов В.М.** Ленд-лиз: иранский коридор в СССР и курдский вопрос // Современ. проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 16–36.
9. **Оришев А.Б.** Красная армия, ленд-лиз и повседневная жизнь иранцев // Символ науки. 2016. № 2-3 (14). С. 27–29.
10. **Stettinius E.R., Jr.** Lend-Lease: Weapon For Victory. N. Y.: Macmillan Co, 1944.
11. **Motter V.T.H.** The Persian Corridor and Aid to Russia / Center of military United States Army. Washington, 1952.
12. **Джонс Р.Х.** Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2015.
13. **Beaumont J.** Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941–1945. L.: Davis-Poynter, 1980.
14. **Stapfer H.H.** Unter Rotem Stern: Lend-Lease Flugzeuge fur die Sowjunion, 1941–1945. Berlin: Transpress Verlagsgesellschaft, 1991.
15. **Советско-английские** отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1941–1943. М.: Политиздат, 1983.
16. **Churchill Winston S.** The Second World War. In 6 vol., of vol. 1. The Gathering Storm. N. Y.: Mariner Books Publ., 1986.
17. **Мальков В.Л.** Великий Рувельт. М.: Яуза : Эксмо, 2011.
18. **Кулик С.В.** Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Воен.-истор. журн. 2007. № 1. С. 28–31.

19. **Монин С.М.** Становление военно-экономического сотрудничества СССР и Великобритании (июнь – октябрь 1941 г.) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. История и полит. науки. 2015. № 3. С. 23–36.

20. **Красноженова Е.Е.** Немецко-фашистская оккупационная политика и ее последствия в Сталин-

граде (июль 1942-го – февраль 1943 г.) // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. 2015. № 3 (98). С. 238–242.

21. **Кулик С.В.** Категории партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Воен.-юр. журн. 2006. № 11. С. 27–32.

22. **Россия и США: экономические отношения. 1933–1941: сб. док. М.: Наука, 2001.**

КРАСНОЖЕНОВА Елена Евгеньевна – Астраханский государственный университет; eleena@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] N.A. Voznesenskiy, Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny [The war economy of the USSR during World War II], Gospolitizdat, Moscow, 1948.

[2] I.V. Bystrova, [The War and the Allies], Rossiyskaya istoriya, 4 (2015) 141–145.

[3] E.M. Primakov, [The truth about lend-lease], Kontury global'nyh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo, 8 (3-41) (2015) 48–51.

[4] M.V. Gurina, [Food lend-lease USA], Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 12-3 (62) (2015) 52–59.

[5] N.P. Parkhit'ko, [The victory of the anti-Hitler coalition. Factor of the lend-lease], Vestnik RUDN. International Relations, 2 (2015) 57–66.

[6] N.V. Shabel'nik, [The role of lend-lease during the great Patriotic war: a modern assessment], Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 1 (63) (2016) 196–199.

[7] B.M. Amusin, Ju.G. Sopin, [Soviet Arctic ports in the program of lend-lease in the first period of the great Patriotic war (June 1941 – November 1942)], The Arctic: ecology and economy, 3 (11) (2013) 112–116.

[8] V.M. Magomedkhanov, [Lend-lease: the Iranian corridor in the Soviet Union and the Kurdish question], Modern problems of science and education, 1 (1) (2015) 16–36.

[9] A.B. Orishev, [The red Army lend-lease and the daily lives of Iranians], Symbol of Science, 2-3 (14) (2016) 27–29.

[10] E.R. Stettinius, Jr., Lend-Lease: Weapon For Victory, Macmillan Co, New York, 1944.

[11] V.T.H. Motter, The Persian Corridor and Aid to Russia, Center of military United States Army, Washington, 1952.

[12] R.H. Jones, Lend-liz. Dorogi v Rossiyu. Voennye postavki USA dlya SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne. 1941–1945 [The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union during the Second World War. 1941–1945], Centrpoligraf, Moscow, 2015.

[13] J. Beaumont, Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941–1945, Davis-Poynter, London, 1980.

[14] H.H. Stapfer, Unter Rotem Stern: Lend-Lease Flugzeuge fur die Sowjunion, 1941–1945, Transpress Verlagsgesellschaft, Berlin, 1991.

[15] Sovetsko-angliyskie otnosheniya vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy [Soviet-British relations during the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and Materials], In 2 vol., of vol. 1: 1941–1943, Politizdat, Moscow, 1983.

[16] S. Churchill Winston, The Second World War, In 6 vol., of vol. 1: The Gathering Storm, Mariner Books Publ., New York, 1986.

[17] V.L. Malkov, Velikiy Ruzvel't [Great Roosevelt], Yauza, Eksmo, Moscow, 2011.

[18] S.V. Kulik, [Features of the occupation regime and the attitude of the Nazis to Soviet citizens], Military history J., 1 (2007) 28–31.

[19] S.M. Monin, [The formation of military-economic cooperation of the USSR and the UK (June – October 1941)], MRSU Magazine, History and Political Sciences, 3 (2015) 23–36.

[20] E.E. Krasnozhenova, [Fascist occupation policy and its consequences in Stalingrad (July 1942 – February 1943)], Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ. 3 (98) (2015) 238–242.

[21] S.V. Kulik, [The categories of the guerrilla groups during the Great Patriotic War], Military law J. 11 (2006) 27–32.

[22] Russia and USA: ekonomicheskie otnosheniya. 1933–1941 [Russia and the United States: Economic relations. 1933–1941], Nauka, Moscow, 2001.

KRASNOZHENOVA Elena E. – Astrakhan State University; eleena@inbox.ru

Received 23.04.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

Философия

Проблемы XXI века

DOI: 10.18721/JHSS.8304

УДК 122:930.85:316.6

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТЕХНИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Аладышкин, А.С. Сафонова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена вопросу изменения характера понимания технической действительности в условиях глобального общества. Целью ее является рассмотрение современного дискурса техники, который вышел далеко за рамки собственно техногенной или производственной областей. В основе работы – обращение к истории развития техники, техноэволюции, а также изучение изменения представлений о технике, ее сущности и значении. Авторы статьи опираются на классические труды западных мыслителей о технике, а также на исследования современных отечественных историков и философов техники. При раскрытии темы использован системный подход: техника рассматривается как компонент единой технической системы, являющейся частью более общего универсума с его объективными законами. Авторы приходят к выводу о том, что глобализационные процессы второй половины XX в. связаны в первую очередь с технико-технологическим развитием человечества, влекущим за собой формирование единой мировой сетевой рыночной экономики и социокультурные трансформации.

Ключевые слова: техника; техническая действительность; техноэволюция; техноведение; дискурс техники; глобализация

Ссылка при цитировании: Аладышкин И.В., Сафонова А.С. Переосмысление феномена техники в эпоху глобализации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 37–48. DOI: 10.18721/JHSS.8304

RETHINKING THE PHENOMENON OF TECHNOLOGY IN THE ERA OF GLOBALIZATION

I.V. Aladyshkin, A.S. Safonova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to changing the nature of understanding of technical reality in a global society. The aim is to consider the modern discourse of technology, which went far beyond the actual technogenic or production areas. The work is an appeal to the history of the development of technology, evolution of technology, as well as a change in

ideas about technology, its essence and meaning. The study is based on classical works of Western thinkers on technology, as well as studies of modern Russian historians and technology philosophers. In exploring the subject, we have used a systematic approach, which regards technology as a component of a single technical system that is part of a more general universe with its objective laws. We have come to the conclusion that the globalization processes of the second half of the twentieth century are primarily related to the technological and technological development of mankind, which entails the formation of a single world-wide network market economy, social and cultural transformations.

Keywords: technology; technological reality; evolution of technology; technical studies; discourse of technology; globalization

Citation: I.V. Aladyshkin, A.S. Safonova, Rethinking the phenomenon of technology in the era of globalization, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 37–48. DOI: 10.18721/JHSS.8304

Введение

Глобальная техника, мир второй природы, техносфера, глобальная техногенная среда и не менее глобальное техногенное общество... Этот ряд глобальных измерений технической действительности нетрудно продолжить, обратившись к исследованиям конца XX – начала XXI в. Современный дискурс техники выводит последнюю не только за рамки техногенной или производственной областей, но привычно придает ей глобальный характер. Подобное расширение мира техники и технологий задавалось еще в работах тех мыслителей, которые обращались к феномену техники в первые десятилетия прошлого века (П.К. Энгельмейер, Ф. Дессауэр, К. Ясперс, О. Шпенглер). Однако в широкий научный обиход глобальные измерения техники вошли позже, в послевоенный период. Но тогда, как отмечает А.В. Рыбчак, «исследования технологических аспектов глобализируемого общества... носили специализированный „отраслевой“ статус» [1, с. 216].

Фиксация новых аспектов технической реальности происходила на волне первых успехов научно-технической революции (НТР) и повышенного внимания к технико-технологической составляющей социокультурных трансформаций [2, с. 8–9]. Дискуссии о технике 1960–70-х гг. с перегибами техноутопизма, крайностями эмоционально-психологического переживания возрастания социальной роли техники закономерно оборачивались гипертрофией техногенных процессов [3, с. 181]. Фу-

турологи и философы, социологи и историки буквально соперничали в расширении представлений о технике, приходя к выводам, схожим с прозрениями популярного среди отечественных исследователей Ж. Эллюля [4], утверждавшего, что техника сама становится средой в самом полном смысле этого слова и окружает нас как «сплошной кокон без просветов». Пределы в расширении технико-технологических масштабов задавали эволюционные и социоприродные варианты трактовки техники, в которых она подчас выводилась за пределы антропологических параметров и выступала своего рода универсальной формой процессуальности и последовательности изменений. Здесь вспоминаются самые разные авторы – от футурологов (например, С. Лем и его «Сумма технологий») и до историков (представители так называемой «Большой...», или «Универсальной истории»: Д. Кристиан, Ф. Спир, Дж. Даймонд и др. [5]).

В отечественном техноведении к глобальным параметрам оценки техники, если не считать П.К. Энгельмейера, Н.А. Бердяева и некоторых других мыслителей начала прошлого века, обратились лишь в 1960–70-х гг. Но возросшее на фоне угроз холодной войны и завоеваний НТР стремление переосмыслить масштабы технической действительности сдерживалось идеологически выверенными инструментально-орудийными исследовательскими моделями, господствовавшими в советском техноведении. Ситуация качественно изменилась лишь в 1980–90-х гг., особенно в связи

с участвовавшими дискуссиями вокруг глобализации на исходе тысячелетия. Набирала популярность естественно-научная парадигма осмысления техники, полагающая ее особым природным явлением с некими абстрактно-всеобщими законами развития [6]. Так, заметный резонанс в новой России получила концепция техноэволюции Б.И. Кудрина, именуемая «технетикой» [См.: 7, с. 123]. В результате представления о мире техники и технологий как о глобальной, единой и цельной, всепроникающей технико-технологической системе становились обиходным материалом анализа феномена техники. В последние десятилетия складываются соответствующие научные направления и школы, например Брянская научно-философская школа социоприродных исследований формирования глобального техногенного общества и техносферы [8, с. 40; 9].

К глобальным параметрам оценки техники подталкивал и общий парадигмальный сдвиг от редуционистских моделей репрезентации техники к холистическому, целостному ее восприятию в качестве объективно целого мира техники и технологии. Свою роль сыграла и широкая популярность среди техниковедов порой предельно туманных положений синергетики и не менее пространственных доводов глобального эволюционизма.

Постановка проблемы и цели исследования

Фиксация изменений характера понимания технической действительности с форсированным освоением наработок западных исследователей, реабилитацией наследия тех отечественных мыслителей, которые оказались на периферии советского техноведения, перемежалась с обостренным переживанием темпов и результатов технологического роста и размытанием проблемного поля техники в социокультурных контекстах новых аналитических моделей. Эти порой хаотично реализуемые тенденции в изменении техноведения скрывали непосредственные основания глобальных параметров оценки техники, что принималось как данность, не требующая аргументации. Однако на поверку декларируемые масштабы нередко воспроизводили штампы и общие места оценки техники последних десятилетий, оказывающиеся недостаточными для уяснения тех интеллектуальных условий, в которых зарождались и становились

со временем востребованными представления о глобальном характере мира техники и технологий. И если формирование образов технической реальности, обуславливающей и пронизывающей всё существование человека, определялось новым социальным статусом техники в XX столетии, особенно во второй его половине, то чем определялись ее глобальные параметры?

Новое понимание феномена техники подводило к тому, что мир техники и технологии – это и есть мир человека, его культура как в материальном, так и в духовном измерении. Однако речь идет не столько о всестороннем и всеобъемлющем, универсальном характере техники, который, безусловно, также сопрягается с ее глобальными параметрами. Подразумевается не столько расширение самого понятия техники и контекста ее анализа в условиях наглядной интеграции технико-технологических систем с жизнью человека. Важно другое: почему внимание специалистов всё больше приковывалось не к отдельной технике, не к отдельным технологиям, даже не к техническим системам или же производственной, региональной, национальной их совокупности, а к миру техники и технологии в качестве единой системы, единого целого планетарного масштаба? Целями исследования выступают ответы на поставленные вопросы. Эти ответы важны в силу, как минимум, того, что те социокультурные условия, которые определяли новые измерения технической действительности, задавали и их содержание, специфику их трактовки.

Однако социокультурные основания эволюции понимания технической действительности, оформление конкретных ее образов, специфика утверждения новых параметров ее осмысления, в конце концов, история самих представлений о глобальном мире техники и технологий долгое время редко беспокоили отечественных исследователей. И перед отечественным техноведением по-прежнему стоит задача углубления самопознания, напряжения рефлексии своих культурных корней, социальных детерминант, внутренних механизмов самополагания и саморазвития, целей, ценностей и норм собственной когнитивной активности. Обнадеживает растущий интерес к нюансам самого знания о технической действительности, динамике и специфике трансформации сопряженных с ним знаковых систем.

Методология

Трудно спорить с утверждением, что «важнейшим современным направлением в методологии истории техники является системный подход, предполагающий рассмотрение техники не как отдельного изолированного явления, а в качестве компоненты единой технической системы» [10, с. 80]. Собственно, те же принципы срабатывают и в отношении моделей репрезентации технической действительности, при анализе которых на первый план выступают приоритеты эпистемологии – знания о технической действительности, многообразии ее форм и значений с необходимым рядом социальных предпосылок создания и функционирования абстрактных структур знания. Однако по-прежнему различия между анализом технической действительности и анализом представлений о ней далеко не очевидны, а главное, редко принимаются во внимание.

Здесь неизбежно вспоминаются доводы о необходимости становления многомерного подхода, т. е. комплексного рассмотрения альтернативных теоретических построений, каждое из которых не претендует на абсолютную истинность и взаимодополняет изучаемую многомерную систему [11]. В анализе истории трансформаций представлений и образов мира техники и технологий недостаточно традиционного набора методов истории и философии техники. Как недостаточно будет их дополнить методологией, например, интеллектуальной истории с расхожим набором лингвистических, социально-психологических методов или методов семиотики. Нарботки последних лет в области неклассической эпистемологии и лингвистического анализа предполагают набор специфических установок (включая отказ от фундаментализма, от субъекто- и наукоцентризма) и методов исследования, которые вполне соотносимы с рассматриваемой проблематикой. Однако в рамках данной работы, первой в ряду работ, направленных на раскрытие специфики современного дискурса техники, используются преимущественно историко-описательный и историко-аналитический методы, позволяющие выделить материал для дальнейших исследований.

Результаты исследования

Уяснение причин переосмысления феномена техники и масштабов технической ак-

тивности невозможно без фиксации того обстоятельства, что на 1950–60-е гг. пришлось признание глобальных параметров социотехнических процессов – Вторая мировая война и послевоенное «холодное» мировое противостояние, всеохватывающий характер НТР и становление новых всемирных коммуникационных систем. То было время, когда общепланетарные масштабы общественно-экономических, военно-политических и технических трансформаций, покидая удел социальных утопий мирового преобразования, обрели черты наличной реальности, становились наглядны и очевидны. Распознававшиеся уже в текущем настоящем, а не только в сфере желаемого или отвергаемого будущего, глобальные процессы изначально задавали новые масштабы качественному переосмыслению технической действительности, наметившемуся в те годы. К ним обращались и с ними работали в изучении техники, как некогда работали с параметрами отраслей производства или же направлениями государственной политики. Общемировые масштабы технического праксиса играли существенную роль в теориях, прославляющих век технологий, и критике техницизма, в работах апологетов и оппонентов новоиндустриальных концепций, в идеях расширения и автономизация технических систем.

Утверждение представлений о технике как о глобальной техногенной среде немыслимо вне ситуации наглядных процессов глобализации, которые выступают необходимым основанием перспектив технико-технологического взаимопроникновения и единства. Глобализация и нарастающая технизация общества неразрывно взаимосвязаны и немыслимы одна без другой. Послевоенное ускорение интеграционных процессов было бы невозможно без соответствующих технологических новшеств, без совершенствования морских, железнодорожных и воздушных перевозок, международных коммуникационных сетей – телефонии, радио и телевидения, сети Интернет, образующих единое информационное пространство, не говоря уже о стандартизации разработки, внедрения, эксплуатации техники и унификации технологических процессов. С другой стороны, ускоряющаяся интеграция мирового пространства была важным условием переосмысления технико-технологических перспектив.

Интернационализация экономики, становление единой системы связи, ослабление государственного приоритета и усиление транснациональных негосударственных образований труднопредставимы без соответствующего технико-технологического фундамента и новых образов глобальной технико-технологической среды [12, с. 319–320]. Социально-экономические прогнозы и аналитика напрямую сопрягались с определенными тенденциями развития технических систем, которые, в свою очередь, распознавались в контексте конкретных вариантов международной политической, экономической и научно-технической иерархии. Пристрастность прогнозов технико-технологического развития очевидна, как очевидно и то, что используемые ныне базовые концепции, объясняющие закономерности и перспективы развития технической действительности, в той или иной степени отстаивают западный вариант совершенствования мира техники и технологий с соответствующими экономическими, политическими и мировоззренческими ценностями, за которыми и признавалось будущее [13, с. 232].

Футурологи, социологи и философы техники пусть далеко не всегда открыто, но неизбежно оказывались по ту или иную сторону баррикад, и аллюзии идеологического и военно-политического противостояния двух мировых систем – социализма и капитализма – проступали в их построениях довольно отчетливо. Западная социология техники и особенно футурология, т. е. те области научного и околонаучного пространства, которые и выступили изначальными проводниками широкого признания глобальных параметров мира техники и технологий, изначально были областями, идеологически довольно податливыми. И в жесткой конкуренции с социалистическим блоком выводы нередко оказывались своего рода ответом расширяющейся идеологической экспансии коммунизма, ответом на советский вариант понимания техники и ее роли в жизни общества.

Технико-технологические перспективы были не более чем умозрительным совершенствованием наличных инвариантов технического развития, с превращенными чуть ли не в объект естественного стремления человека ценностями демократии и экономической свободы. Эти, на первый взгляд, далекие от технико-

знания опорные константы идеалов, выступавших ключевыми альтернативами социалистическому «светлому будущему», придавали пристрастности общих техницистских и новоиндустриальных установок в описании тенденций технологического роста и формирующихся технических систем легко узнаваемый социально-политический привкус. Подавляющее большинство ключевых фигур послевоенного дискурса техники, т. е. тех исследователей, на построениях которых основывается современное понимание технической действительности (в России данный список легко воспроизвести, обратившись к обобщающим работам А.А. Воронина [14], Г.М. Тавризяна [15], В.М. Розина [16] или более ранним сборникам, таким как «Новая технократическая волна на Западе» [17] и др.), не относясь явно враждебно к коммунистическим режимам, но отмечая неэффективность созданных последними хозяйственных моделей, были уверены в историческом торжестве западного типа производства, политической организации и системы ценностей. Причем пристрастно выделяемым тенденциям технико-технологического развития также пристрастно задавался универсальный, всеобщий характер, а техногенные перспективы с новыми образами технической реальности виделись в глобальных общемировых масштабах. Каждая из противостоящих сторон усилиями «независимых» и «свободных» в выводах исследователей стремилась утвердить собственную универсальную модель (соответственно исключаящую иные модели) технического развития, отстоять ее универсальность и в перспективе глобальный характер.

Оформление новых масштабов технической действительности – сложный и далеко не однозначный процесс, подверженный многоаспектным влияниям социально-экономических и военно-политических коллизий, общественных настроений и идеологических пристрастий, царивших в интеллектуальном пространстве. Послевоенное техникотворчество и без того лихорадило от характерного для тех лет алармизма, порожденного реалиями холодной войны. Ведь XX столетие с его революциями, войнами, кризисами принесло немало того, что могло омрачить и омрачало новый облик мира с техногенными доминантами, поэтому неудивительно, что по мере надвигающегося рубежа

тысячелетий обострялось осознание глубинных противоречий социокультурного развития. Но показательны опять же масштабы, в которых они принимались и рассматривались.

Конечно, общество по-прежнему сотрясали локальные военные конфликты, экономические неурядицы и беспокоили социальные вопросы регионального уровня. Однако специфической чертой второй половины XX в. стало то, что широкую общественность и широкие круги специалистов привлекли куда более общие противоречия и проблемы. Это не означает, что раньше их не существовало. Истоки проблем, которые принято называть глобальными (*лат. globus* – земной шар) проблемами современности, значительно глубже, но широкое признание их как глобальных началось в 1960–70-е гг. Принято считать, что глобальные проблемы, выступающие как комплекс социокультурных противоречий, от решения которых зависит судьба человечества и сохранение цивилизации, тесно взаимосвязаны, охватывают все стороны жизни людей, касаются всех стран мира. Для устранения этих проблем требуются объединенные усилия.

Оформление новых масштабов технической действительности неразрывно связано с формулировкой ключевых глобальных проблем современности. Казалось бы, последние должны были рождать сомнения в образах единого мира и глобальных перспективах технологического развития. Ведь отнюдь не служит аргументом в их пользу, к примеру, проблема «Север – Юг» – экономического разрыва, а соответственно и растущей технологической пропасти между развитыми странами и периферийными регионами [18, с. 19–20]. Однако на поверку ключевые проблемы современности уже в силу своего глобального характера только подтверждали самые смелые предположения о будущем техники.

Примечательно, что глобальность главных комплексов проблем второй половины XX в. (термоядерного вооружения, экологии, демографии и социально-экономического «разрыва») напрямую связана с характером технико-технологического развития человечества, и еще более примечательно, что разрешение их мыслится в первую очередь через дальнейшее совершенствование технологий. Это касается как факторов невозобновляемости природных ресурсов

и ограниченных рекреационных возможностей биосферы, так и разрыва между экономическим центром и отсталой периферией, нюансов здравоохранения [19]. Ведь разрешение видится в энергосберегающих и экологически безопасных технологиях, новых медицинских препаратах и международных системах контроля над технологическим ростом, в конечном итоге только в новой технике и новых технологиях. Всё так или иначе связано с техникой, и потому само наличие артикулированных глобальных проблем современности подтверждает правдоподобность если не планетарного технического единства, то как минимум глобальных технико-технологических процессов с не менее масштабными последствиями. И несмотря на довольно частое использование ключевых противоречий современности в качестве инвектив техногенной экспансии человека, на самом деле, они лишь подкрепляли и подкрепляют господствующие технократские установки.

В пользу технизма работали и механизмы «великого страха» тех лет. Собственно феномен страха вписан в природу человека, меняются лишь его формы, источники и сопутствующие факторы на протяжении социокультурной эволюции. Катастрофические потрясения прошлого столетия, превзошедшие все неурядицы, с которыми прежде сталкивалось человечество, должны были породить и породили новые, неизвестные ранее виды страха. А новые условия и возможности их распространения привели к слиянию фобий и формированию «великого страха», который отражал как наличный тогда спектр мнимых и реальных угроз, так и многообразии детерминированных ими состояний.

Накопление ядерного оружия и строительство атомных электростанций, техногенная экспансия и прогрессирующая деградация окружающей природы, резкий рост населения планеты и углубление международных, национальных, религиозных конфликтов... Перечислять источники массового страха можно было бы долго. Будучи в той или иной степени связаны с технико-технологическими трансформациями, актуализированные опасности и угрозы определяли своеобразную и очень характерную именно для второй половины XX в. алармистскую атмосферу осмысления техники и техногенных перспектив развития общества в свете «великого страха» – общей тревоги как

ожидания финальной трагической развязки. Нельзя сказать, что подобные настроения, даже связанные с техникой, уникальны и не фиксировались в иные исторические эпохи. Однако вслед за Второй мировой войной алармизм, по крайней мере в западных странах, приобрел подчас черты абсолютного эмпирического страха, обусловленного угрозой всеобщего уничтожения, тотального истребления человечества и всего живого. Заданные масштабы угрозы предопределяли и параметры ее источников, и параметры процессов, обуславливавших «великий страх» и подсказывавших размах техногенной экспансии.

Не без содействия манипулятивных идеологических практик обществом распознавались всё новые и новые доводы в пользу слов Ж.Б. Ламарка, заявившего в 1809 г., почти 200 лет тому назад, что можно, пожалуй, сказать, что предназначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для жизни. Так могло «иногда показаться» в начале XIX столетия редкому по своей пронизательности интеллектуалу. Во второй половине XX в. это ощущение отличалось постоянством, оно было распространено среди широких слоев населения. В то время как политические и экономические структуры настойчиво поддерживали озабоченность социальными, экологическими последствиями развития техники, ученые и публицисты буквально соревновались в «смелости» концепций культурного отставания, остроте тем технической дегуманизации и общего кризиса современного общества, а средства массовой информации только разжигали технофобию и страсти в живописании неизбежных техногенных коллизий. Список глобальных противоречий неуклонно расширялся, причем повсеместно доказывалось, что их игнорирование грозит человечеству неминуемой деградацией или гибелью. В сложившихся условиях оживление представлений о наступлении последнего «судного дня» выглядело вполне естественно.

Идеи нового техногенного апокалипсиса, изначально выраставшие на «ядерном» страхе оружия массового поражения и радиоактивных отходов, дополнялись разнородными химерами надвигающейся экологической катастрофы, сплетавшимися с уходящими в глубь веков

образами осквернения земли и разрушения естественного природного равновесия в мире. Конечно, большинство людей, как и прежде, связывало ощущение опасности с будничными проблемами и повседневными хлопотами, а не основывало его на опасении глобальных катастроф или международных конфликтов. Однако глобальный страх ассоциировался с уникальной в своем роде угрозой, более страшной, чем все остальные опасности, угрожающие человеку, более масштабной, чем всё то, с чем человечество сталкивалось в прошлом. И противопоставить технической угрозе можно было только новую технику, всё те же константы неотехницизма.

Исходная предпосылка современного техницистского дискурса, как раз и выступавшая одной из основ представлений о глобальном мире техники и технологий, заключается в том, что современный мир — это мир технический и что техника представляет собой систему средств, позволяющих решать основные цивилизационные проблемы и задачи, не исключая и тех, которые порождены самой техникой. Одним из расхожих сегодня следует признать убеждение в том, что, поскольку современное общество создано целиком техникой и для техники, разрешение любых затруднений и проблем зависит от количества затраченных технических средств, людских и денежных ресурсов. Как считает английский футуролог Д. Гейбор, «вред, порождаемый техникой, может быть компенсирован опять же техникой» [См.: 20, с. 98]. Сегодня любая конкретная лимитированная трудность неизбежно влечет адекватное техническое решение с сопутствующими достижениями в области науки и форм организации технического процесса, что в конечном итоге и формирует технически ориентированное сознание, сводящее любые затруднения и кризисные моменты к техническим проблемам. В идеологическом плане такое сознание, блокируя все формы мысли, угрожающие существованию технической реальности, утверждает себя на основе идей прогресса и стандартизации, непрерывного роста и ускорения. Наконец, такое сознание поддерживает самые далеко идущие перспективы технизации социума и всего мира.

Конечно, в исследованиях последнего времени не трудно обнаружить иные проекты преодоления кризиса современной техногенной цивилизации. Чаще всего встречается требова-

ние изменения приоритетов в шкале культурных ценностей, реализации гуманистических принципов управления обществом и воздействия на окружающую среду с утверждением экологической культуры. Между тем на фоне перманентного ускорения темпов технологического развития слова об изменении «философии жизни» и культурных приоритетах остаются лишь словами, причем словами с известной долей неоднозначности, как и идеалы гуманизации социальных и социоприродных отношений. Что может быть более человечески, чем сам человек, и с этой точки зрения вся его деятельность, какие бы формы она ни принимала, именно гуманна, так как преисполнена любви и заботы о себе, о человеке. Если же иметь в виду гуманизм в конкретно-историческом смысле, то господствовавшие на протяжении последних нескольких столетий социальные отношения выстраивались как раз на идеалах и заветах гуманизма, и вряд ли они были менее гуманистичны, чем современные идеалы. И вполне закономерно, хоть это иногда может показаться странным, что критика техногенной цивилизации в результате оказывается направлена на тот комплекс идей, который зиждется на заветах гуманизма.

Осуждаются, как правило, некие основы сверхрациональной европейской техногенной цивилизации с идеями ускорения развития природы, подъема ее на новый уровень, достижения ею организованности и гармоничности в угоду потребностям и нуждам человека [21]. Отечественные исследователи вслед за самобичеванием западных авторов и в согласии с общими традициями критики западноевропейской культуры склонны обвинять последнюю во всех грехах утилитарно-практического и техницистского отношения к окружающей природе и миру в целом. Однако, как бы того ни желали отдельные критики во многом произвольно трактуемой западной цивилизации, новоевропейские установки рассмотрения мира в качестве безграничного поля для приложения сил человека не так уж уникальны, имеют глубокие корни в мировоззренческих платформах как иных культур, так и собственного прошлого. К тому же эти установки проникли глубоко в сознание современного человека, в том числе самих критиков.

Между тем компрометация некогда действительно доминирующих установок просле-

живалась в западноевропейской интеллектуальной традиции много раньше, а повальная их дискредитация и, как следствие, качественное изменение наметились уже в послевоенное время (к слову, отечественная техническая мысль работает сегодня именно в заданном тогда идейном регистре). В современной ситуации некогда привычная формула «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» звучит откровенным анахронизмом. Человек, который полагался активным существом и которому вменялось в призвание преобразовать мир с помощью рационально организованной технической деятельности, ныне вызывает лишь бесконечные сомнения, как, впрочем, и правомерность подобных призваний. Провозглашение либо отстаивание человека в качестве венца творения, по воле и потребностям своим изменяющего окружающую природу, давно стало дурным тоном, тем, о чем открыто говорить не принято, тем, что в любом случае остается, но остается завуалировано, прикрыто бесконечными оговорками.

Несмотря на повсеместное ныне порицание прежних претензий человека на подчинение и преобразование мира в угоду своим желаниям и прихотям, несмотря на попытки утвердить новые идеалы гармонии человека и окружающей природы, идеи контроля и управления сохраняются. Как сохраняются гуманистические по своей сути интенции возвышения человека, ведь сколько они служили его оправданию, поддерживали уверенность в себе, тешили его амбиции и надежды. И всё же пафос и патетика гуманизма остались в прошлом, за ними уходят и сами формулировки противоборства, использования и преобразования природы. Человек уже не рисуется владыкой, началом, подчиняющим и преобразующим. За последние десятилетия как-то растеряла свою остроту и актуальность негативной реакции с принижением человека, рисующей его как нечто используемое и подчиняемое. Все эти категории власти и подчинения, контроля и преобразования изрядно обветшали и потеряли некогда присущее им обаяние.

Вслед за качественным усложнением картины мира с осознанием глубинных противоречий в самих социокультурных механизмах и представлениях о них нередко ставится другой вопрос — не столько о преобразовании природы

в интересах человека или же преобразовании самого человека согласно коренным законам природы, сколько о гармоничном сосуществовании, о коэволюции как панацее в разрешении ключевых проблем современности. Как раз подобные настроения воскрешают идеи о естественном человеке, о золотом веке в отношениях человека и природы с поисками путей реализации искомой их гармонии. То же можно сказать и о рационально-техницистских началах западноевропейской культуры, которые к тому же часто подаются в своем гипертрофированном варианте. Уже привычным стал тот факт, что выстраивавшаяся на рациональных основаниях, по рациональному проекту, рациональными средствами и опиравшаяся на не менее рациональную идеологию западная цивилизация привела к взрыву иррациональности и убеждению в неразумности техногенного общества в целом. Каждый отдельный ее фрагмент вполне рационален, объясним и без труда подводится под общие рациональные теории, но их совокупность и функционирование целого предстают подчас верхом иррациональности и неразумности. Осознание иррациональных начал социальной организации заодно с признанием стихийности социокультурных механизмов в прошлом столетии еще производило впечатление, но сегодня они тривиальны и мало кого способны удивить.

Результатом заданных в прошлом столетии глобальных параметров описания технической реальности можно считать то, что техника, сам человек и природа всё чаще полагаются лишь частью гораздо большего целого, как бы это целое ни представлялось — миром, универсумом, вселенной с соответствующими универсальными и далекими от человеческой рациональности механизмами эволюции. Правда, подобные идеи мало что меняют в реальной практике и тенденциях развития техники, ключевой вектор которого остается прежним — нарастающая технизация социума, пронизывающая все его сферы. Поскольку социальное развитие декларировалось как развитие, ориентированное на принципы количественного роста, т. е. принципы, ведущие к катастрофическим последствиям, и одновременно доказывалась неразрешимость глобальных проблем или же их решение откладывалось на неопределенное будущее, алармистский кризис только усиливался, до-

стигнув своего пика на рубеже тысячелетий. Однако далее «великий страх» заметно пошел на спад. Глобальные противоречия теряли свою остроту, к ним привыкали, они превращались со временем в нечто обыденное, обиходное, в рутинное содержательное поле общественных настроений и научных исследований, в частности того же техникознания.

В новом тысячелетии техническая мысль, несколько оправившись от технопессимизма прошлых десятилетий, вновь обратилась к частным и нередко более насущным вопросам, а заданные глобальные параметры ее восприятия оказались во власти новых интеграционных теорий и эволюционных концепций, в разной степени смягчающих противоречия техногенного развития возможностями естественного их разрешения. Хотя в отечественном техноведении, по крайней мере в тех его областях, которые сопряжены с анализом общих закономерностей и различными аспектами актуальных трансформаций технической действительности, экспансивность и темпераментность сохраняются вплоть до настоящего момента. Конечно, риторика и эсхатология с экспрессивной критикой техногенных начал современной цивилизации заметно поубавились в первое же десятилетие нового тысячелетия, но шлейф пристрастия и тенденциозности всё еще тянется за актуальными образами мира техники и технологий. Еще более устойчивыми в проблемном поле изучения техники оказались закрепленные XX столетием глобальные величины, которые обрели подспорье в глобалистском ракурсе восприятия социокультурных процессов. На это указывают и многие западные исследователи, рассматривающие глобализацию как определенную парадигму [См., например: 22].

Заключение

Каждое столетие получает в истории собственное имя, иногда даже и не одно. Как только ни называли XX век — «веком масс», «веком демократии», «техногенной эпохой», но какое название закрепится за ним в конечном счете, покажет будущее. Сегодня, в начале XXI в., ясно, что прошедшее столетие было временем нарастающей глобализации всех ключевых социокультурных процессов [23, с. 274]. Усиление внимания к осмыслению глобализации и возрастающая технизация общества тесно взаимо-

связаны, особенно в постсоветской России [24]. Ведь актуализация глобализации как международной проблемы и широкое внимание к ней отечественных исследователей ознаменовали 1980-е и особенно 1990-е гг., когда в российском техноведении утверждались новые параметры репрезентации технической действительности.

Современная интерпретация глобализации как всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации, с втягиванием мирового хозяйства в единый мировой рынок может и не акцентировать внимание на технико-технологических составляющих этого процесса. Часто речь идет о растущем переплетении экономик на основе транснационализации и регионализации, формировании единой мировой сетевой рыночной экономики и ее инфраструктуры. Тот факт, что глобализационные процессы получают свое развитие благодаря качественным изменениям технико-технологического обеспечения социально-экономических и политических структур современного общества, подчас опускается как нечто очевидное и само собой разумеющееся.

В любом случае новые образы всеобъемлющего мира техники и технологий как некоей глобальной системы соответствуют порядкам «единого мира», и содержательно они очень близки, о чем нередко забывают те исследователи, которые оперируют глобальными параметрами как некими непреложными атрибутами технической действительности, тогда как эти новые параметры условны. Глобальные/всеохватывающие измерения технической реальности во многом обусловлены актуальностью тем общемировой интеграции, а главное, выступают всего лишь одним из вариантов репрезентации феномена техники. Как признание нового социотехнического состояния, так и прогнозы дальнейшего расширения и усложнения технической действительности, рождавшие образы единой, цельной и автономной технико-технологической системы, оказались возможны и востребованы только тогда, когда все ключевые процессы в жизни общества обрели в глазах современников общемировые параметры, в то время, которое можно было бы назвать эпохой глобальных величин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбчак А.В. Глобализация и техницизм: традиции анализа проблемы // Вестн. РХГА. 2011. Т. 2, вып. 2. С. 215–221.
2. Agassi J. Technology: Philosophical and Social Aspects. Boston: D. Reidel, 1985. 272 p.
3. Fourastier J. Machinisme et bienetre. Ideas majeures. P. Gonthier, 1966. 251 p.
4. Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 134–141.
5. Трубникова Н.В. «Пространственный поворот» современной западной историографии: лики всемирной истории в эпоху глобализации // Соврем. исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).
6. Дергачёва Е.А. Техногенность в глобализации социума и биосферы // Соврем. исследования социальных проблем. 2012. № 5 (13). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).
7. Кричевский С.В. Эволюция технологий, «зеленое» развитие и основания общей теории технологий // Философия и космология. 2015. Вып. 14. С. 120–135.
8. Аладышкин И.В. О перспективных ориентирах исторической реконструкции технической реальности в России // Рос. социум: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 27–42.
9. Дергачёва Е.А. Социально-философский анализ глобализации // Соврем. исследования социальных проблем. 2012. № 1 (09). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).
10. Дятчин Н.И. Современная методология техники // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4-1. С. 78–83.
11. Алтухов В.Л. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 92–99.
12. Скобликов Р.В. К вопросу о парадигмальном анализе глобализации как исторического процесса // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 318–321.
13. Пензина Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестн. КрасГАУ (Красноярского гос. аграрного ун-та). 2012. № 8. С. 228–233.
14. Воронин А.А. Миф техники. М.: Наука, 2004. 200 с.
15. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и технической цивилизации. М.: РОССПЭН, 2009. 210 с.
16. Розин В.М. Техника и технология. От каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола: Поволжский гос. технол. ун-т, 2016. 280 с.

17. **Новая** технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 453 с.

18. **Чащин В.Е.** Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме // Вестн. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1 (13). С. 18–25.

19. **Кетов Ю.А.** Перестройка представлений человечества о роли ноосферы в условиях разрастающейся технизации природы // Вестн. Пермского нац. исслед. полит. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 2. С. 88–94.

20. **Рачков В.П.** Техника и ее роль в судьбах человечества. Свердловск: Упринформпечать, 1991. 328 с.

21. **Дергачёва Е.А.** Техногенная экономика – вектор искусственности процессов в социуме и биосфере // Современ. исследования социальных проблем. 2012. № 4 (12). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).

22. **Robertson R.** Globality, Modernity and postmodernity // Globalization: social theory and global culture. SAGE Publ., 1992. Pp. 138–145.

23. **Понарина Н.Н.** Глобальные проблемы современности в контексте будущего // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 274–276.

24. **Иоселиани А.Д.** Динамика развития техно-, социо- и инфосфер в современном глобальном мире // Гуманитарные науки. Вестн. финанс. ун-та. 2016. Т. 6, № 4 (24). С. 74–82.

АЛАДЫШКИН Иван Владимирович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; aladyshkin_iv@spbstu.ru

САФОНОВА Алла Сергеевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; safonova@spbstu.ru

Статья поступила в редакцию 4.07.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] A.V. Rybchak, [Globalization and technicalism: the tradition of analyzing the problem], Vestnik RKhGA, 2 (2) (2011) 215–221.

[2] J. Agassi, Technology: Philosophical and Social Aspects, D. Reidel, Boston, 1985.

[3] J. Fourastier, Machinisme et bienetre. Idees majeures, P. Gonthier, 1966.

[4] Zh. Ellyul, [Another revolution], in: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade, Progress, Moscow, 1986.

[5] N.V. Trubnikova, [“Spatial turn” of modern Western historiography: Faces of the world history in the era of globalization], Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem, 9 (17) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[6] Ye.A. Dergacheva, [Technogenic globalization of society and the biosphere], Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem, 5 (13) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[7] S.V. Krichevskiy, [Evolution of technology, “green” development and the foundations of a general theory of technology], Filosofiya i kosmologiya, 14 (2015) 120–135.

[8] I.V. Aladyshkin, [About advanced landmarks of historical reconstruction of technological reality in Russia], in: Rossiyskiy sotsium: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye, Politekhnikheskiy univ. Publ., St. Petersburg, 2014.

[9] Ye.A. Dergacheva, [Social and philosophical analysis of globalization], Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem, 1 (09) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[10] N.I. Dyatchin, [Modern methodology of technology], Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo univ., 4 (1) (2011) 78–83.

[11] V.L. Altukhov, [The change of paradigms and the formation of a new methodology (an attempt to review the discussion)], Obshchestvennyye nauki i sovremennost’, 1 (1993) 92–99.

[12] R.V. Skoblikov, [On the question of paradigmatic analysis of globalization as a historical process], Obshchestvo i pravo, 1 (51) (2015) 318–321.

[13] Ye.V. Penzina, [The phenomenon of globalization: globalization and westernization], Vestnik KrasGAU (Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo univ.), 8 (2012) 228–233.

[14] A.A. Voronin, Mif tekhniki [Myth of Technology], Nauka, Moscow, 2004.

[15] G.M. Tavrizyan, Filosofya XX veka o tekhnike i tekhnicheskoy tsivilizatsii [Philosophers of the twentieth century on technology and technical civilization], ROSSPEN, Moscow, 2009.

[16] V.M. Rozin, Tekhnika i tekhnologiya. Ot kamennykh orudiy do Interneta i robotov [Engineering and technology. From stone tools to the Internet and robots], Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii univ. Publ., Yoshkar-Ola, 2016.

[17] Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West], Progress, Moscow, 1986.

[18] V.Ye. Chashchin, [Formation of ideas about global issues of our time in the information society and the sources of speculation on this topic], Vestnik Permskogo univ. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya, 1 (13) (2013) 18–25.

[19] Yu.A. Ketov, [Restructuring concepts of mankind about the role of the noosphere in the conditions of an expanding mechanization of nature], Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politicheskogo univ. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo, 2 (2016) 88–94.

[20] V.P. Rachkov, Tekhnika i yeye rol' v sud'bachelovechestva [Technology and its role in the destinies of mankind], Uprinformpechat', Sverdlovsk, 1991.

[21] Ye.A. Dergacheva, [Technogenic economy as the vector of artificiality of processes in society and the biosphere], Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem, 4 (12) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[22] R. Robertson, Globality, Modernity and post-modernity, in: R. Robertson, Globalization: social theory and global culture, SAGE Publ., 1992, pp. 138–145.

[23] N.N. Ponarina, [Global problems of the present in the context of the future], Obshchestvo i pravo, 1 (38) (2012) 274–276.

[24] A.D. Ioseliani, [Dynamics of technological, social and infosphere development in the modern global world], Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo univ. 4 (24) (2016) 74–82.

ALADYSHKIN Ivan V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; aladyshkin_iv@spbstu.ru

SAFONOVA Alla S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; safonova@spbstu.ru

Received 4.07.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8305

УДК 008

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.В. МаховаСанкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Современное общество, живущее в условиях нового цивилизационного периода, отличается по своим качественным характеристикам, например, от общества, которое существовало еще 20 лет назад. Развивается четвертая промышленная революция, определяющая новые требования к экономике, производству, образованию, науке и технологиям. В условиях глобальных трансформаций, стремительных изменений во всех сферах общества особое место начинают занимать интеграционные процессы, и в первую очередь научно-технологическая интеграция, определяющая развитие экономики, образования, безопасности, производства, социального обеспечения, индустриальное развитие как во всем мире, так и в его отдельных регионах. Одним из наиболее ярких примеров является евразийское пространство. В статье рассмотрена современная научно-технологическая интеграция в Евразийском регионе, определена ее специфика, в частности на примере Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого как одного из ведущих технических вузов России и Евразии.

Ключевые слова: научно-технологическая интеграция; четвертая промышленная революция; Евразийский регион; информатизация; «евразийский поворот»; Национальная технологическая инициатива

Ссылка при цитировании: Махова Н.В. Современная научно-технологическая интеграция в евразийском пространстве // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С 49–56. DOI: 10.18721/JHSS.8305

MODERN SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL INTEGRATION IN THE EURASIAN SPACE

N.V. Makhova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Modern society lives in the new civilization period, which qualitatively differs in its characteristics from that which existed even 20 years ago. The fourth industrial revolution is underway, engendering new requirements to the economy, manufacturing, education, science and technology. Integration processes take a special place in the conditions of global transformations and of rapid changes in all spheres of society. These processes are, first and foremost, science and technology integration guiding the development of economy, education, security, production, social welfare and industrial development around the world and in individual regions. Currently, the Eurasian space is one of the most striking examples of the transformation caused by the integration processes. In this article, the author notes the position of modern scientific and technological integration

in the Eurasian region, describes the specifics of these processes, including the case of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, as one of the leading technical universities of Russia and Eurasia.

Keywords: scientific and technological integration; fourth industrial revolution; Eurasian region; informatization; Eurasian turn; National technology initiative

Citation: N.V. Makhova, Modern scientific and technological integration in the Eurasian space, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 49–56. DOI: 10.18721/JHSS.8305

Введение

На протяжении многих веков уровень цивилизационного развития стран и регионов определялся не только их культурными, но и научными достижениями и открытиями. Культура развивала и укрепляла духовную составляющую общества, но происходившие научно-технические революции и интеграционные процессы, обусловленные новыми научными и промышленными изменениями, меняли его уклад, наиболее востребованные виды деятельности, мышление людей. Сегодня интеграция научно-технических открытий в общественную жизнь и, как следствие, трансформация мировосприятия прослеживаются особенно заметно, причем как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах. Одним из наиболее ярких примеров является евразийское пространство.

Общее определение термина «интеграция» (от *лат.* *integratio* – восполнение, *integer* – целый) формулируется следующим образом: интеграция – это сближение, слияние, объединение частей, образующих единое целое, но при сохранении их идентичности.

Британский социолог Э. Гидденс объяснял понятие «интеграция» не как синоним сплоченности или консенсуса, а как процесс взаимодействия [См.: 1]. Известный российский ученый В.Г. Барановский [2] подразумевает под интеграцией «состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию». В определении данного понятия, предложенное основателем структурного функционализма Т. Парсонсом [3], включены два основных компонента: внутренняя совместимость элементов интеграции и поддержание специфических условий, при этом интеграционная система как бы отделена от другого, внешнего по отношению к

ней окружения. Таким образом, он подчеркивал, что именно качественные интегративные процессы способны обеспечивать гармонию и равновесие в обществе, а также его непрерывность и разнонаправленность в развитии.

Интеграция представляет собой процесс движения и развития определенной системы, в которой усиливается связь ее участников и уменьшается их самостоятельность, при этом появляются формы взаимодействия, отсутствовавшие в прежней системе. Уменьшение самостоятельности участников интеграционного процесса вызывает опасения по поводу утраты тех ценностей, которые составляли специфичность и особенность той или иной культуры [4].

В современных интеграционных условиях такими формами являются как элементы экономики и культур различных народов, так и технологические и научно-образовательные установки. Среди факторов, которые особенно часто служат причиной интеграционных процессов, можно выделить следующие: общие экономические интересы; родственная или общая идеология, религия, культура; близкая, родственная или общая национальная принадлежность; наличие общей, чаще всего внешней, угрозы; принуждение к интеграции или искусственное стимулирование объединительных процессов; наличие общих границ и географическая близость [5]. Важной характеристикой интеграционных стратегий, широкий спектр которых обусловлен современным состоянием международных отношений, является сложность, заключающаяся в том, что становление новых форм интеграции вне зависимости от их сферы (экономической, политической, социальной, научно-образовательной) – процесс непрерывный и динамичный, и в этом свете всякое

теоретическое обобщение этих явлений и процессов может потерять свою актуальность в течение весьма непродолжительного промежутка времени [6].

Постановка проблемы и цели исследования

Евразийство приобретает новый вид, соответствующий реалиям современности. Оно уходит от исключительной культурологичности, появляются черты прагматичности, в равной мере уделяется внимание развитию сферы промышленности, экономики, научных исследований и технологий. При этом сохраняется суть главной евразийской цели – развитие России с ориентацией на собственные уникальные характеристики и реализацию своего национального потенциала.

Основные цели данного исследования: выявление ключевых особенностей евразийских интеграционных взаимодействий; сравнительный анализ евразийских и европейских интеграционных взаимодействий; анализ современной научно-технологической интеграции в евразийском пространстве.

Результаты исследования

Научно-технологическая интеграция представляет собой процесс срастания технологий соседних стран в единый комплекс на основе устойчивых связей. Это процесс сближения, взаимоприспособления систем, в основе которого лежит экономический и научный интерес. Данный вид интеграции подразумевает формирование открытого пространства для научно-технологической деятельности с общими координирующими органами, разветвленной системой экспертизы и совместной эффективной организацией финансирования. Цель научно-технологической интеграции – обеспечение высокого уровня, динамики и конкурентоспособности научных исследований, технологических разработок и промышленных образцов. Эта цель может быть достигнута лишь на основе взаимовыгодного сотрудничества и в условиях нового международного научно-технического порядка. Для успеха сотрудничества, которое зависит от совокупности технических, социально-экономических и политических факторов, необходимы широкие связи между сторонами и согласие не только на уровне правительств, но и на уровне организаций, программ и от-

дельных ученых. Нужно также, чтобы научно-технические достижения получали одобрение общественности, способствовали социальному прогрессу и экономическому развитию сотрудничающих стран [7].

При рассмотрении современной научно-технологической интеграции важно отметить, что степень ее развитости и активности во многом определяется сегодня Индустрией 4.0 или четвертой промышленной революцией. Превращение науки в непосредственную производительную силу и автоматизация производства – это важнейшие характеристики научно-технической революции (НТР). Изменяется связь человека и техники. Наука играет роль генератора новых идей, а техника выступает их материальным воплощением. Первая НТР, произошедшая в XVIII в., была обусловлена появлением парового двигателя, его использование смогло частично освободить людей от тяжелого физического труда; вторая – в начале XX в. – была связана с конвейерами автозаводов Г. Форда; третья НТР началась в 70-х гг. XX в. с появлением на предприятиях компьютеров. Современный мир развивается в условиях четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0). Она формирует мир, в котором на глобальном уровне тесно и неразрывно взаимодействуют виртуальные и физические системы производства, возникают мощнейшие прорывы во всех областях и на всех уровнях науки и знаний. Ключевой особенностью четвертой промышленной революции являются синтез всех этих технологий и их непосредственное взаимодействие с физическими, цифровыми и биологическими доменами. Современные технологии меняют всю суть производства, промышленности, экономики, создавая абсолютно новый индустриальный ландшафт и формируя новые пути межгосударственного интеграционного взаимодействия. Зависимость общества от технологичных вещей и Интернета ежедневно растет, а значит, и требования, которые ставятся перед новейшими технологиями, требуют вывода науки и образования на уровень с большей долей цифровой содержательности [8, с. 17–26].

Особое внимание в области не только культурологического и социального, но и научно-технологического, индустриального, информационного развития и интеграционного

взаимодействия отводится Евразийскому региону. Сегодня евразийские идеи вызывают значительный интерес, что связано с усилением глобализационных процессов, которые опираются на постоянный диалог и интеграцию научно-технологических тенденций, поскольку в условиях современного развития цивилизационного процесса интеграция политическая, экономическая, военная во многом зависит от уровня научно-технологического развития страны и региона. Сформированное как самостоятельное идейное течение в 1920-х гг., евразийство пережило расцвет и упадок своих воззрений, однако в 1990-х гг. в связи с экономическим, идеологическим, национальным кризисом, вызванным распадом СССР, евразийские размышления о судьбе России и связи этой судьбы с культурно-историческими, духовными и геополитическими процессами, происходящими в странах Запада и Востока, стали вновь актуальными. Но новый глобальный мир изменил приоритетные акценты в евразийской доктрине. Наравне с культурологическими и социальными направлениями признается важной сфера экономики, безопасности, науки и технологии. В современных условиях научно-технологическая интеграция является ключевой в развитии евразийских идей, выступает как основополагающий аспект конкурентного, полноценного развития региона.

Возрождение евразийской доктрины в новом видении и с новыми, актуальными акцентами привело к тому, что сегодня происходит плавный процесс «евразийского поворота» в сфере науки и образования, экономики, промышленности, индустриализации и технологического развития. Важным является термин «поворот» (не «разворот»!), именно не отказ от взаимодействия с Европой, а начало активного сотрудничества со странами Азии и развития регионов Сибири и Дальнего Востока, ориентация на новые возможности и перспективы, новый вектор развития страны. Член Исполнительного совета и глава отдела научных исследований «Управление и социальный мир» Франкфуртского института исследований мира Х.-Й. Шпангер в статье «Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути» [9] говорит о том, что поворот России на Восток,

несмотря на то, что он прежде всего ориентирован на политические и экономические возможности развития страны при взаимодействии с Азиатским регионом, не является лишь прагматичным шагом, поскольку нацелен на создание полноценного многополярного мира с центрами в Евразийском и Азиатском регионах и на вывод России из международной и технологической изоляции.

О роли интеграционных процессов и их значимости для развития евразийского пространства писали П.Н. Савицкий, А.С. Панарин, А.И. Подберёзкин, А.Г. Дугин, В.И. Пантин, другие исследователи. По мнению В.Л. Макарова, не существует универсального рецепта сочетания открытости и изолированности технологических, экономических и социальных систем, поэтому необходимо сохранение их разнообразия как единственного способа дальнейшего развития, и именно Россия является якорем в историческом процессе сохранения мирового разнообразия [10, с. 78–87]. А.А. Акаев в работе «Евразийское единение – историческая закономерность» отмечает, что именно евразийские интеграции, ориентированные на сочетание редкостных природных, интеллектуальных, научно-технических, индустриальных и духовных богатств и ресурсов, способны привести к созданию мощного потенциала, равнозначного по своим масштабам Евросоюзу, с блестящими перспективами на процветание, что откроет для евразийских стран путь к глобальному сотрудничеству с позиций равенства и взаимной выгоды [11, с. 33–34].

Евразийская научно-технологическая интеграция, так же как и интеграция Евросоюза, ставит одной из важнейших целей укрепление научной и технологической базы стран евразийского сообщества [12], но имеет ряд особенностей. В Евразийском регионе существует строгая центрированность, чего нет в Европе. Единственным и неоспоримым центром евразийского пространства является Россия, обладающая огромной территорией, сырьевыми богатствами, интеллектуальным, промышленным и технологическим потенциалом. Процесс формирования Евразийского союза, в отличие от Европейского, не был поступательным, а скорее имел резкий, стремительный характер, что было вызвано распадом СССР. Кроме того, стоит отметить, что идеи современного евра-

зийства значительно отличаются от классических идей, высказанных в 1920-х гг., так как реализация культурной интеграции всего региона достаточно проблематична (чего нельзя сказать о научно-технологической), поскольку взаимная интеграция многих культур приводит к их унифицированию, что мы можем наблюдать сегодня в связи с развитием массовой и информационной культуры. Взаимодействие в области науки и технологий разных стран будет способствовать взаимному обогащению знаний и технологий при сохранении ими своих специфик, норм, требований рынка. Благодаря технологической и академической интеграции Россия должна стать привлекательной для развития новой инновационной деятельности и самореализации граждан со всего мира [13].

Еще одна важная особенность современной научно-технологической интеграции в рамках Евразийского региона – появление совершенно новых специализированных технологических стратегий и крупных рынков, предлагающих потребителям передовые технологические решения и принципиально новые продукты и сервисы. Это вызвано сверхбыстрыми темпами развития, распространения и проникновения новых технологий во все сферы человеческой жизни и деятельности, что становится причиной быстрых и в своей перспективе очень драматичных изменений характера современного промышленного производства, поскольку ведет к замещению человека роботом практически во всех трудовых отраслях.

В России такой технологической стратегией является Национальная технологическая инициатива (НТИ) – долгосрочная комплексная программа по созданию условий для обеспечения лидерства российских компаний на новых высокотехнологичных рынках, которые будут определять структуру мировой экономики в ближайшие 15–20 лет. Она содержит комплекс проектов и программ, направленных на активное включение России в формирование стандартов глобальных рынков будущего. При этом НТИ формирует новые и усиливает действующие программы поддержки научно-технологического развития, обеспечивая формирование и трансляцию запросов со стороны потенциальных лидеров новых рынков в систему государственного управления [14].

В связи с тем, что большинство рынков будут иметь сетевую природу, т. е. наследовать подходы, которые существуют в Интернете, или использовать инфраструктуру Сети, НТИ направлена на развитие системы «нетов», т. е. на полную цифровизацию всего процесса производства, интеллектуальную компьютерную сеть, «интернет вещей» и «индустриальный интернет», где люди-операторы будут вытеснены управляющим программным обеспечением и контрольно-измерительными системами. Работа НТИ ориентирована на следующие направления: «Энерджинет» (рынок энергии), «Хелснет» (рынок персонализированной медицины), «Нейронет» (рынок средств человеко-машинных коммуникаций), «Маринет» (рынок морских интеллектуальных систем), «Автонет» (рынок беспилотных автотранспортных средств), «Аэронет» (распределенные системы беспилотных летательных аппаратов), «Сейфнет» (рынок новых персональных систем безопасности), «Фуднет» (рынок продовольствия, обеспеченный интеллектуализацией и роботизацией производства), «Финнет» (рынок децентрализованных финансовых систем и валют) и кросс-рыночное направление «Технет», которое является сегодня основным в развитии НТИ, так как представляет собой передовые производственные технологии.

Важную и во многом определяющую роль в современной научно-технологической интеграции играют университеты как фундамент для развития промышленных и производственных наукоемких технологий, представляющий собой мощную базу для научно-экспериментальных исследований. В этой связи стоит выделить Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) – системообразующий многопрофильный вуз российского и евразийского политехнического образования, который имеет статус национального исследовательского университета, является лидером в области мультидисциплинарных научных исследований, надотраслевых технологий мирового уровня и наукоемких инноваций и вузом-лидером по развитию направления «Технет» НТИ, активно укрепляющим свое влияние на азиатском индустриальном и технологическом рынке.

Деятельность СПбПУ в рамках НТИ напрямую связана с развитием таких направлений создания цифровых фабрик, вывода их на

уровень Евразийского региона и всего мира в целом, как: цифровое проектирование и моделирование; новые материалы; аддитивные технологии; квантовые коммуникации; сенсорика; бионика; геномика и синтетическая биология; нейротехнологии; BigData; искусственный интеллект и системы управления; новые источники энергии; элементная база, в том числе процессоры [15].

В результате работы по данным направлениям СПбПУ стал одним из лидеров в области разработки и реализации концепции «фабрики будущего», которые представляют собой передовые производственные площадки по созданию продукции нового поколения и подразделяются на цифровые (Digital), «умные» (Smart) и виртуальные (Virtual).

Рассматривая СПбПУ не только как российский, но и как евразийский центр научно-технологического и цифрового развития, стоит сказать, что в своей деятельности он занимает передовые позиции и представляет собой университетский центр технологического развития страны и региона, выполняя основную задачу евразийских идей в промышленности — создание собственных «умных» и технологичных систем, которые позволят России и Евразийскому региону развиваться в соответствии с глобальными установками, не уходить на периферию развития и создавать свои конкурентоспособные ресурсы на глобальном уровне. При этом в процессе реализации разработанных проектов обязательно должна быть учтена и решена важная задача — ориентация на свою сложную специфику.

Заключение

Таким образом, сегодня идеи евразийства, развиваясь с новой силой и формируя новые приоритетные акценты, становятся более практико-ориентированными, отражают в главных тезисах особенности современных интеграционных процессов. Одним из ключевых интеграционных процессов является научно-технологическое взаимодействие, поскольку в условиях современного развития цивилизационного процесса интеграция политическая, экономическая, военная во многом зависит от уровня технологического развития. Научно-технологическая интеграция, взаимодействие и сотрудничество в рамках Евразийского региона выступают важными факторами развития конкурентоспособности России. Современные интеграционные процессы осуществляются в рамках «евразийского поворота», суть которого состоит в планомерной ориентации на активное сотрудничество в научно-технологической сфере со странами Азии и развитие регионов Сибири и Дальнего Востока, без отрицания укрепления сотрудничества со странами Запада. Россия, являясь центром евразийского пространства, может играть особую роль в развитии всего Евразийского региона в рамках четвертой промышленной революции, поддерживая высокие темпы научно-технологической интеграции, выполняя исследовательские проекты в различных отраслях науки, промышленности, производства, создавая, внедряя и популяризируя инновационные технологии, но определяя при этом наиболее приоритетные для себя направления развития региона и ориентируясь на них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Табылгинова Л.А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // Ученые записки ЗабГУ. Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4. С. 196–201.
2. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983.
3. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Амер. социол. мысль. М.: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.
4. Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы. Астана: Изд-во Акад. гос. управления при Президенте Республики Казахстан, 2010. 107 с.
5. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: истор. очерк. СПб.: Алетейя, 2008. 316 с.
6. Троицкий В.А. Правовые аспекты интеграции в рамках ЕврАзЭС и Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана, России и Украины: дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2005. 173 с.
7. Ивашков А.В. Логика развития научно-технической политики Европейского союза: реализация принципа системности в научно-технической интеграции // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 296. С. 160–164.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция [пер. с англ.]. М.: Э, 2017. 208 с.

9. Spanger H.-J. Russia's turn eastward, China's turn westward: cooperation and conflict on the new silk road. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Russias-Turn-Eastward-Chinas-Turn-Westward-Cooperation-and-Conflict-on-the-New-Silk-Road-18209> (дата обращения: 28.06.2017).

10. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.

11. Акаев А.А. Евразийское единение – историческая закономерность // Евразийская интеграция: сб. науч. тр. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2014. С. 30–47.

12. Договор об учреждении Европейского сообщества. URL: [http://eulaw.edu.ru/dogovor-ob-](http://eulaw.edu.ru/dogovor-ob-uchrezhdenii-evropejskogo-soobshhestva-v-redaktsii-nitstskogo-dogovora/)

[uchrezhdenii-evropejskogo-soobshhestva-v-redaktsii-nitstskogo-dogovora/](http://eulaw.edu.ru/dogovor-ob-uchrezhdenii-evropejskogo-soobshhestva-v-redaktsii-nitstskogo-dogovora/) (дата обращения: 9.07.2017).

13. Исаев С.Н., Тихомирова Н.В. Евразийское пространство: развитие на основе экономической интеграции, информатизации и научно-образовательного сотрудничества // Евразийское пространство: приоритеты социально-экономического развития: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2011. С. 13–19.

14. Национальная технологическая инициатива. URL: <http://www.nti2035.ru/> (дата обращения: 29.06.2017).

15. Агентство стратегических инициатив. Национальная технологическая инициатива. URL: <https://asi.ru/nti/> (дата обращения: 29.06.2017).

МАХОВА Наталья Владимировна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; natashsimanova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.09.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] L.A. Tabyginova, [The Main scientific approaches to the concept of “Social integration”], Scientific notes of SabGU. Philosophy, sociology, cultural studies, social work, 4 (2011) 196–201.

[2] V.G. Baranovsky, Politicheskaya integratsiya v Zapadnoy Evrope [Political integration in Western Europe], Moscow, 1983.

[3] T. Parsons, [System of coordinates actions and General systems theory action. A functional theory of change. The concept of society], in: American sociological thought, Publ. House Intern. Univ. of business and management, Moscow, 1996, pp. 462–525.

[4] K.G. Sheryazdanova, Sovremennyye integratsionnyye protsessy [Modern integration processes], Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan Publ., Astana, 2010.

[5] E.I. Pivovarov, Postsovetskoye prostranstvo: al'ternativy integratsii [Post-Soviet space: alternatives of integration: historical essay], Aletheya, St. Petersburg, 2008.

[6] V.A. Troitskiy, Pravovyye aspekty integratsii v ramkakh YevrAzES i Yedinogo ekonomicheskogo Prostranstva Belarusi, Kazakhstana, Rossii i Ukrainy [Legal aspects of integration within the EurAsEC and the common Economic Space of Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine. Cand. diss.], St. Petersburg, 2005.

[7] A.V. Ivashkov, [The logic of the development of the scientific and technical policy of the European Union: the implementation of the principle of systematic in sci-

entific and technical integration], Bulletin of the Tomsk State Univ. 296 (2007) 160–164.

[8] K. Schwab, Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution], Publ. House “E”, Moscow, 2017.

[9] H.-J. Spanger, Russia's turn eastward, china's turn westward: cooperation and conflict on the new silk road. Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Russias-Turn-Eastward-Chinas-Turn-Westward-Cooperation-and-Conflict-on-the-New-Silk-Road-18209> (accessed 28.06.2017).

[10] V.L. Makarov, Sotsial'nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov [Social clusterism. The Russian Challenge], Business Atlas, Moscow, 2010.

[11] A.A. Akaev, [Eurasian Union – a historical pattern] in: Evraziyskaya integratsiya [Eurasian integration], collection of scientific papers, vol. 1, SPbGUP Publ., St. Petersburg, 2014, pp. 30–47.

[12] [Treaty establishing the European Community]. Available at: <http://eulaw.edu.ru/dogovor-ob-uchrezhdenii-evropejskogo-soobshhestva-v-redaktsii-nitstskogo-dogovora/> (accessed 9.07.2017).

[13] S.N. Isayev, N.V. Tikhomirova, [Eurasian space: development based on economic integration, informatization and scientific and educational cooperation], in: Yevraziyskoye prostranstvo: prioritety sotsal'no-ekonomicheskogo razvitiya [Eurasian space: priorities of socio-economic development: materials of the Intern. scientific and practical conf.], vol. 1, EAOI Publ., Moscow, 2011, pp. 13–19.

[14] [National technology initiative]. Available at: <http://www.nti2035.ru/> (accessed 29.06.2017).

[15] [The Agency for strategic initiatives. National technology initiative]. Available at: <https://asi.ru/nti/> (accessed 29.06.2017).

МАКHOVA Natal'ya V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; natashsimanova@yandex.ru

Received 22.09.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8306

УДК 1(091):17

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КИБЕРАНТРОПОЛОГИИ

О.Д. Шипунова, И.П. Березовская, Е.М. Гашкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Рассмотрены актуальные вопросы самоопределения личности в динамичных условиях современных цифровых сред. Цель статьи связана с анализом установок киберантропологии в отношении информационной природы личности и интерпретации процесса самоидентификации на основе принципов построения мультиагентной системы. Анализ специфики современных условий формирования личности проводится на базе системной методологии. Подчеркивается, что наращивание информационных сред формирует у представителей цифрового поколения когнитивную ориентацию на фрактальный нарратив как приоритетный способ создания повествований, концептов, познавательных практик. Под вопросом оказывается единство сознания, которое удерживает личность как целое. В контексте киберантропологии условия формирования личности заменяются модулями цифрового киберпространства. Экспериментирование с собственной идентичностью в виртуальной среде приводит к тому, что персональная идентичность в современном мире постоянно трансформируется и остается незавершенной. Виртуал, многократно осуществляющий свою самоидентификацию в цифровом пространстве, превращается в функцию информационно-технологической структуры, теряет индивидуальность. Процесс самоидентификации замыкается в круге виртуальности.

Ключевые слова: информационная природа личности; самоидентификация; цифровые среды; киберантропология; смысловое единство сознания

Ссылка при цитировании: Шипунова О.Д., Березовская И.П., Гашкова Е.М. Условия формирования личности в контексте киберантропологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 57–64. DOI: 10.18721/JHSS.8306

CONDITIONS OF PERSONALITY FORMATION IN THE CONTEXT OF CYBER-ANTHROPOLOGY

O.D. Shipunova, I.P. Berezovskaya, E.M. Gashkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article examines topical issues of individual self-identification in the dynamic information exchange in modern digital environments. The purpose of the article is to analyze cyber-anthropology ideas with respect to the informational nature of personality and the interpretation of the self-identification process relying on the structural principles of a multi-agent system. The specifics of the modern conditions of personality formation is analyzed by means of system methodology and the cognitive paradigm. It is emphasized that the growing information environment and virtual

community form specific cognitive commitment to fractal narrative as the primary way of creating narratives, concepts, and cognitive practices among the members of the digital generation. The unity of consciousness, which holds the personality as a whole, is called into question. In the context of cyber-anthropology, the conditions of personality formation are replaced with digital cyberspace modules. The result of experimentation with personal identity in the virtual environment is that personal identity in the modern world continuously transforms and remains incomplete. The virtual agents, exercising their identity many times in the digital space, transform into a function of the information technology structure, lose their individuality. The process of self-identification comes full circle in virtuality.

Keywords: information nature of personality; identity; digital environment; cyber-anthropology; semantic unity of consciousness

Citation: O.D. Shipunova, I.P. Berezovskaya, E.M. Gashkova, Conditions of personality formation in the context of cyber-anthropology, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 57–64. DOI: 10.18721/JHSS.8306

Введение

Особенность условий формирования личности в информационную эпоху определяется не только интенсивным ростом объема информации, но в существенной мере факторами очень динамичной коммуникативной среды, трансформирующей формы восприятия, мышления и поведения человека. Изменяются практики потребления информации, манипуляции с технологическими артефактами в повседневности и организации сообщества. Новые цифровые технологии оказывают на человека комплексное информационное воздействие, которое подспудно влияет на его зрение и слух, изменяя границы восприятия.

Сложность вопроса о самоопределении личности в новых информационных средах состоит в том, что человек сам является и объектом, и субъектом глобальных изменений. Как субъект он выступает создателем новой технико-технологической базы информационно-коммуникативных процессов, а как объект — испытывает на себе последствия этого развития и вынужден развивать свои умения и навыки для того, чтобы адаптироваться в новой, им же созданной среде.

Обзор литературы. В глобальном пространстве, благодаря информативным динамичным образам, коммуникации стали осуществляться с неизмеримо возросшей оперативностью. М. Маклюэн отмечает, что внешние расширения человека сопровождается эффект мозаично-

го резонанса [1, с. 616]. Весь мир выступает в качестве набора сообщений, не соединенных однозначной логической связью. Они накладываются и усиливают друг друга в воспринимающем их сознании. Мозаичный эффект, выделенный Маклюэном, в полной мере проявился в распространении клипового мышления, формирование которого связывают с доступностью электронных медиа и гипертекста, увеличением времени пребывания индивидуума в Сети. К.Г. Фрумкин [2] отмечает, что клиповое мышление относят, как правило, к подросткам и характеризуют негативно.

Возрастающее влияние цифровой подачи информации в Интернете провоцирует у молодежи такие формы информационного поведения, которые не были свойственны предыдущим поколениям [3]. В гуманитарной области складывается представление о «человеке кликающем» как о жителе особого виртуального мира, блуждающем по цифровой сети, нажимая на кнопки компьютерной мыши. Перескакивая между сайтами, он создает некое индивидуальное виртуальное пространство. Семантическая структура этих блужданий образует «фрактальный нарратив». Термин «фрактал» (от *лат.* фрагментированный, изломанный, неправильный по форме) был предложен Б. Мандельбротом [4] для обозначения структуры, состоящей из частей, «которые в каком-то смысле подобны целому». Такая структура не является застывшей формой,

а воспринимается как процесс постоянного (воз)обновления формы.

В.В. Тарасенко [5] выделяет «фрактальную рефлексию» и возникновение особого «фрактального нарратива» в качестве познавательных культурных практик. Именно его формирует «человек кликающий» своими перескоками. Фрактальный нарратив, в свою очередь, формирует «человека кликающего», который сам по себе не имеет никакого содержания.

Э. Гидденс [6] подчеркивает, что создание «текста» собственной жизни – сложный труд, требующий духовной концентрации в прояснении смыслов, отделения главного от мелкого, суетного. Поскольку самоопределение личности поддерживается путем саморефлексии, которая превращает бессознательную активность в поступок, именно рефлексивность должна пониматься в качестве основы механизма самоидентификации [7]. Процесс формирования личности в этом контексте продолжается на протяжении всей жизни индивида и большей частью на бессознательном уровне психической деятельности.

В психологической литературе понятие характера уступило место понятию идентичности, которое раскрывается в понятиях Я-концепции, Я-системы или Я-опыта. В сознании зрелого человека присутствует некий «пакет» базовых идентичностей, в котором сплетаются родоплеменные, политические и конфессиональные особенности восприятия и мышления. По мере расширения круга значимых для индивида лиц совершается процесс «дифференциации»: от матери до всего человечества, отмечает Э. Эриксон [8]. Как правило, базовые идентичности носят пожизненный характер. Новые аспекты исследования личностной идентификации связаны с виртуальными самопрезентациями в цифровой сети [9]. Особенности формирования личности и поведения человека (и общества в целом) в цифровой информационной среде рассматриваются в контексте культуры отсутствующего пространства и киберцентризма [10].

Постоянное усложнение семантического пространства в глобальной сети заставляет человека овладевать всё новыми навыками информационного обмена. Как изменяется при этом человек? И как он себя определяет в новой реальности? Ответы на эти вопросы лежат в

области киберантропологии как самостоятельного научного направления. В рамках киберантропологии человек соотносится с цифровым аналогом передатчика информации [11], развивается представление об информационной природе личностной идентификации, моделируются процессы самоидентификации на основании общих технологических принципов построения мультиагентной системы [12, 13].

Установки киберантропологии в интерпретации информационной природы личности подчеркивают мозаичный характер смысловой структуры ее жизненного мира, но оставляют в стороне ключевой в процессе самоидентификации вопрос о критерии целостности человека и его сознания.

Постановка проблемы и цели исследования

Наше исследование обращено к проблеме единства сознания в процессах самоопределения личности в условиях постоянного усложнения информационного обмена в цифровых коммуникативных средах.

Цель статьи связана с исследованием повседневной практики потребления информации в цифровой культуре, условий формирования клипового типа мышления, ориентированного на фрактальный нарратив и мозаичное восприятие ситуаций. В этом контексте анализ соотношения информационных и семантических структур в процессе личностной идентификации в условиях цифровой сети позволит выявить специфику информационно-коммуникативных технологических факторов, трансформирующих личность, препятствующих адекватному поведению и критическому восприятию информационных потоков.

Методология.

Решение поставленной задачи связано с соотнесением философского и информационного подходов к единству сознания личности в интерпретации процесса самоидентификации.

В философском подходе к условиям формирования личности выделяются два вектора понимания процесса самоидентификации: феноменологический и социокультурный. Феноменологическая установка акцентирует в качестве первоисточника Я-концепции внутренний мир индивидуума, его темпоральную динамику и горизонт сознания, которые относят к пер-

во феноменам бессознательной психической жизни. В социокультурной установке базовые условия самоидентификации усматриваются в нормах и традициях языковой культурной общности, в которую естественным образом включен человек. В концепции символического интеракционизма идентичность трактуется как изначально социальное образование. Индивид видит себя таким, каким его представляют другие, и формирует себя таким, каким его видят другие. Личностная целостность складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия («социальной интеракции»). В драматической модели социального взаимодействия И. Гофмана [14] индивидуальное Я — это следствие социальной интеракции, в которой индивид, с одной стороны, подобен актеру вместе с его аудиторией, а с другой — зрителям, которые воспринимают социальную ситуацию и вырабатывают общее определение этой ситуации. По мнению Э. Фромма [15], «социальный характер» является лишь аппаратом адаптации индивида к обществу и в принципе не может решить проблему человеческой идентичности.

Компьютерно-цифровая технология меняет виды социальной практики. В информационном подходе акцентируется функционально-интеллектуальное действие как источник самоидентификации. Базовым понятием выступает представление об информационной мультиагентной системе, для которой характерны собственная динамика системы и согласованная иерархия ее элементов [13]. В частности, Л. Флориди [12], выделяя актуальность проблемы построения личных идентичностей в инфосфере, подчеркивает значимость информационной технологии самоидентификации в широком философском аспекте. Предложенная им информационная модель идентификации личности на основе трех мембран (телесной/физической, когнитивной, сознательной) позволяет концептуально соединить две расходящиеся философские установки в понимании построения личной идентичности на основе иерархической взаимосвязи информационно-семантических структур. При этом возможны два временных аспекта в интерпретации процесса самоидентификации. Диахронический аспект акцентирует онтологию личностной идентичности, концентрируется на проблемах, возникающих при идентификации личности

через время или возможные миры. Синхронный аспект онтологии личностной идентичности ближе к феноменологии, поскольку фокусируется на том, что может представлять собой самость как конкретное целое единство, непрерывно существующее в любой момент времени.

Результаты исследования

Одна из важнейших характеристик информационного общества — конвергенция технологий, связанных с созданием, обработкой и передачей информации. Процесс цифронизации информации привел к тому, что поток сообщений стал циркулировать по разным секторам коммуникации: в средствах массовой информации, телекоммуникации, компьютерных сетях. Эти сектора перестали быть изолированными. Новые информационно-коммуникативные технологии позволяют создавать самостоятельно коннекты в виртуальном киберпространстве. Безграничное развитие внешней системной памяти снимает необходимость запоминания той или иной информации, стирает границу между потребителем и производителем информации. Результатом информационно-компьютерной революции выступают процессы глобализации индивидуального и общественного сознания. Формирование новой информационной культуры сопровождается технологической виртуализацией коммуникационных процессов.

Термин «виртуальный» появился благодаря средневековой философской мысли и означал принципиально не наблюдаемое, одновременно мнимое и потенциальное. В современной философии платоновская линия восприятия виртуального опирается на представление о независимом от человека мире эйдосов, присутствует в работах постструктуралистов (М. Фуко, Ж. Делёза, Ж. Лакана, Ж. Бодрийяра). Аристотелевская линия связывает виртуальную реальность с психическим состоянием, оперируя категориями *актуального* и *потенциального*. Согласно этой линии, виртуальная реальность представлена неким особым содержанием сознания, кратковременной актуализацией потенциального состояния сознания, которая выключена из физического пространства реальности. В этой установке виртуальная реальность рассматривается как порождение средств информации и коммуникации, выделяются четыре горизонта виртуального бытия: техниче-

ские виртуальности, культурные, мистические и естественные. В настоящее время виртуальное всё чаще ассоциируется с пространством Интернета, т. е. с техническими виртуальностями. Применительно к компьютерному миру термином «виртуальная реальность» обозначают специфическую интерактивную среду, которая конструируется технически при помощи компьютерных средств оперирования объектами, подобными реальным или воображаемым.

Интернет продуцирует поток текстов и воспринимается не как упорядоченный мир, а как стихия, в которой всё порождается спонтанно и снимаются традиционные ограничения. Глобализация сознания приводит к утрате национальной идентичности, что неоднозначно отражается на процессе самоидентификации, традиционно укорененном в языковых нормах и культурных традициях. Здесь уместно упомянуть механизм существования субкультур как посредников между конкретными индивидами и собственно большими культурами (цивилизациями). Такие групповые и коллективные посредники иногда так сильно отклоняются от ядра культуры, что определяются уже не как субкультуры, а как *контркультуры*. Существование контркультур говорит о том, что идентичность — это не статический, а динамический феномен, подверженный трансформациям.

Именно Интернет связывают с виртуальным киберпространством, которое трансформирует идентичность. Виртуальная структура всё больше отделяет человека от внешней среды в пользу автономно построенного мира смыслов и интерпретаций. Но ни один человек не может успешно развивать собственные мысли о себе, строя их только на частной семантике (частном языке. — Л. Витгенштейн). Человек собственную идентичность формирует в рамках общины, выстраивая собственные материальные и познавательные связи, взаимодействуя с внешней средой. Язык, культура и социальные взаимодействия трансформируются в информационную эпоху. В цифровой интерактивной среде образуется компьютерно-опосредованная коммуникация, которая характеризуется как *виртуальная коммуникация, электронный дискурс* или *компьютерный дискурс*.

Виртуальная коммуникация представляет собой синтез видеoinформации с письменной и устной речью. Специфика ее определяется воз-

можностью синхронного общения одновременно с большим числом партнеров и упрощением языковых средств. Фактическая манифестация мышления происходит в речевой деятельности при посредстве языковых структур. Это послужило основанием для теорий, согласно которым язык является определяющим фактором по отношению к мышлению. Редуцирование языка изменяет мыслительный процесс, в первую очередь содержательно. Связь содержания мышления, языка и общения реализуется на разных уровнях: невербальном, вербальном и паравербальном (через паузы и голосовые интонации). Общение в чатах приближается к паравербальному за счет использования смайликов и других подобных эффектов. Паравербальное общение в большей степени стимулирует развитие образного и клипового мышления.

При виртуальной коммуникации собеседники лишь представляют себе образы друг друга [16]. Реальное общение не всегда предпочтительнее виртуальной коммуникации. Это связано с психическими особенностями человека. Восприятие коммуникативной ситуации всегда сопровождается эмоциональным напряжением. Характерной чертой социального взаимодействия является взаимозависимость участников, когда поведение одного участника выступает стимулом для поведения другого. Взаимные поведенческие ожидания продуцируются спонтанно на основе межличностного восприятия друг друга. При этом фундаментом межличностного отношения выступает подразумеваемая каждым участником взаимодействия ценность, приписываемая действиям и мотивам других людей, а также предполагаемая оценка степени удовлетворенности, которую другие могут обеспечить. В электронной интеракции, скрываясь за ником (никнеймом), индивид выражает нелицеприятные оценки очень легко, поскольку прямого эмоционального ответа не предполагается. Таким образом, в виртуальной коммуникации проявление собственных поведенческих и языковых реакций наиболее свободно.

В сетевом обществе массовая культура в существенной мере формируется медиасредой. Человек, захваченный медиакультурой и погруженный в нее, сам становится продуктом медиа, подчеркивает С. Жижек [17]. Современные индивиды обладают фрагментарной, изломанной,

подвижной идентичностью, которая форматируется интерактивной средой на бессознательном уровне.

Базовый фактор коммуникативной среды Интернета — это языковая игра, создающая новые значения, контексты и коммуникативные ситуации [18]. Сценарий взаимодействия между пользователями-посетителями определяется самим фактом участия в этой игре, возможностью движения в поле того или иного дискурса, включения в этот сплошной текст-контекст, в обмен информацией. При этом хаотично построенные рассуждения, которые отрываются от исходных фактов и ситуаций, обезличиваются. Специфика виртуальной net-среды и net-коммуникации определяется факторами: интенсивности, интерактивности, иммерсивности, иллюстративности, интуитивности. Иммерсивность определяется степенью погружения субъекта в виртуальный мир, а иллюстративность проявляется в способе подачи информации, которая должна быть максимально наглядной, облегчающей ее интуитивное восприятие.

Заключение

Анализ условий формирования личности в контексте киберантропологии показал важность процесса самоидентификации на основе представлений о динамике мультиагентной информационной системы, роли связи, согласованности, рациональности, успешного взаимодействия с окружающей средой, координации взаимодействия с другими агентами. Самость

как реализация персональной идентичности характеризуется рефлексией. С этой точки зрения процесс формирования личности раскрывается через представление о сознающей и структурирующей себя семантической системе. Однако информационная модель формирования личности в рамках киберантропологии не выявляет принцип, определяющий целостность (единство) такой системы. Не ясно, что заставляет информационные структуры выстраиваться в определенной иерархии и как определяется их целенаправленная динамика к смысловому единству.

Философский подход к процессу самоидентификации позволяет обозначить не всегда явные векторы цели, определяющие единство сознания и мотивацию действия в самоопределении личности. В качестве векторов цели выступают подсознательные ориентации, в частности когнитивная ориентация на творческую самореализацию, свободное выражение своего Я и ориентация на ценности массового сознания и самоотождествление с группой индивидов, олицетворяющих усредненный тип массового человека, не выходящего в своих действиях и планах за рамки стереотипа. Еще один ориентирующий вектор образует постоянная перегруппировка целей и ценностей на уровне фрактального нарратива. Этот вектор когнитивной ориентации характерен для медиазависимого человека, полностью погруженного в контент, транслируемый современными средствами коммуникации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Gingko Press, 2003.
2. Frumkin K.G. [Clip thinking and fate of linear text] // Ineternum. 2010. No. 1. URL: http://no.univers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (accessed 19.04.2015).
3. Prensky M. *From digital natives to digital wisdom: Hopeful essays for 21st century learning*. Thousand Oaks, CA: Corwin Press, 2012. 240 p.
4. Mandelbrot B.B. *Fractals and an Art for the Sake of Science*. Leonardo. Suppl. iss. Vol. 2. *Computer Art in Context: SIGGRAPH'89 Art Show Catalog*. 1989. Pp. 21–24.
5. Тарасенко В.В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное об-во. 1999. Вып. 1. С. 43–46.
6. Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
7. Березовская И.П. *Феноменология поступка: дис. ... канд. филос. наук*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2005.
8. Эрикссон Э. *Детство и общество*. СПб.: Университетская кн., 1996. 241 с.
9. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. *Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета* // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–85.
10. Гашкова Е.М. *Культура отсутствующего пространства: от антропо- к киберцентризму* // Виртуальное пространство культуры. Вып. 3. Матер. науч.

конф. (Санкт-Петербург, 11–13 апреля 2000 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. филос. об-ва, 2000. С. 12–14.

11. **Добренков В.И., Кравченко А.И.** Социальная антропология. М.: Инфра-М, 2005.

12. **Floridi L.** The Informational Nature of Personal Identity. *Minds & Machines*, 2011, 21: 549. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.

13. **Wooldridge M.J.** An introduction to multiagent systems. 2nd ed. Hoboken. N. Y.: Wiley : Chichester, 2009.

14. **Гофман И.** Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.

15. **Фромм Э.** Иметь или быть? М.: Аст : Астрель, 2010. 320 с.

16. **Быльева Д.С.** Оценка коммуникативных качеств виртуального собеседника на основании ника и аватара // *Телескоп: журн. социол. и маркетинговых исследований*. 2012. № 3. С. 45–47.

17. **Жижек С.** Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // *Искусство кино*. 1998. № 2. URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19> (дата обращения: 11.08.2017).

18. **Баева Л.В.** Виртуализация жизненного пространства человека и проблемы интернет-игровой зависимости (IGD) // *Филос. проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2016. Вып. 1 (11). С. 7–19.

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; o_shipunova@mail.ru

БЕРЕЗОВСКАЯ Ирина Петровна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; ipberozovskaya@rambler.ru

ГАШКОВА Елена Михайловна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; elgashkova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.08.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] M. McLuhan, *Understanding Media: The Extensions of Man*, Gingko Press, 2003.

[2] K.G. Frumkin, [Clip thinking and fate of linear text], *Ineternum*, 1 (2010). Available at: http://no.univers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (accessed 19.04.2015).

[3] M. Prensky, *From digital natives to digital wisdom: Hopeful essays for 21st century learning*, Thousand Oaks, CA, Corwin Press, 2012.

[4] B.B. Mandelbrot, *Fractals and an Art for the Sake of Science*. Leonardo. Suppl. iss., vol. 2, *Computer Art in Context: SIGGRAPH'89 Art Show Catalog*, 1989, pp. 21–24.

[5] V.V. Tarasenko, [People clicking frenzy: fractal metamorphosis], *Informatsionnoye obshchestvo [Information society]*, 1 (1999) 43–46.

[6] A. Giddens, *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*, Polity Press, Cambridge, 1991.

[7] I.P. Berezovskaya, *Fenomenologiya postupka [The phenomenology of the act. Cand. diss.]*, SPbGU Publ., St. Petersburg, 2005.

[8] E. Erikson, *Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]*, Universitetskaya kniga, St. Petersburg, 1996.

[9] V.A. Yemelin, A.Sh. Tkhostov, [The Babylonian network the erosion of truth and the diffusion of identity], *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1 (2013) 74–85.

[10] E.M. Gashkova, [The Culture of an absent space: from anthropocentrism to cybercentrism], *Virtual'noye prostranstvo kul'tury [The virtual space of Culture: materials of scientific conf.]*, 3 (2000) 12–14.

[11] V.I. Dobren'kov, A.I. Kravchenko, *Sotsial'naya antropologiya [Social anthropology]*, Infra-M, Moscow, 2005.

[12] L. Floridi, The Informational Nature of Personal Identity. *Minds & Machines*, 2011, 21: 549. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.

[13] M.J. Wooldridge, *An introduction to multi-agent systems*. 2nd ed. Hoboken, Wiley, Chichester, New York, 2009.

[14] I. Gofman, *Predstavleniye sebya drugim v povesdnevnoy zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life]*, Kanon-Press, Moscow, 2000.

[15] E. Fromm, *Imet' ili byt'?* [To Have or to Be?], Ast, Astrel, Moscow, 2010.

[16] D.S. Byl'yeva, [Evaluation of communicative qualities of the virtual interlocutor on the basis of a nickname and avatar], *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy [Telescope: journal of sociological and marketing research]*, 3 (2012) 45–47.

[17] S. Zhizhek, [Cyberspace, or the Unbearable closure of being], *Iskusstvo kino [The Art of Cinema]*, 2 (1998). Available at: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19> (accessed 11.08.2017).

[18] L.V. Bayeva, [Virtualization of human life space and problems of internet gaming dependence (IGD), *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Infomation Technology and Cyberspace], 1 (11) (2016) 7–19.

SHIPUNOVA Olga D. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; o_shipunova@mail.ru

BEREZOVSKAYA Irina P. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; ipberezovskaya@rambler.ru

GASHKOVA Elena M. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; elgashkova@yandex.ru

Received 11.08.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8307
УДК 111

СОБЫТИЕ АНТИЧНОЙ ОНТОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. ТАКТ ВТОРОЙ: ПЛАТОН – АРИСТОТЕЛЬ*

Ю.М. Романенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Целью работы является реконструкция второго этапа истории античной онтологии с точки зрения поздне-хайдеггеровского понятия события (Ereignis). Исследование основывается на принципе единства исторического и теоретического. В комплексе применяются методы диалектики, феноменологии, герменевтики, исторической реконструкции. После Сократа история античной онтологии определяется событием спора между Платоном и Аристотелем. Этот спор вобрал в себя в обобщенной форме все предшествовавшие дискуссии о бытии, а также задал направление и рамки последующих диспутов. Событие античной онтологии не сводится только к темпоральной характеристике исторического процесса, но обретает признаки онтологически понимаемого мифа. Спор между Платоном и Аристотелем обозначил границы онтологической парадигмы античности и определил генетический код развития всей последующей философии. Полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию исторической целесообразности, а также прояснению роли онтологического знания в оценке движущих сил истории.

Ключевые слова: онтология; гносеология; бытие; событие; история; античность; миф

Ссылка при цитировании: Романенко Ю.М. Событие античной онтологии в исторической перспективе. Такт второй: Платон – Аристотель // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 65–76. DOI: 10.18721/JHSS.8307

THE EVENT OF ANCIENT ONTOLOGY IN THE HISTORICAL PERSPECTIVE. THE SECOND STAGE: PLATO – ARISTOTLE

Yu.M. Romanenko

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The aim of the study is to reconstruct the second stage in the evolution of Ancient Greek ontology from the point of view of the late-Heideggerian concept of the Event

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00138а «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции»).

(Ereignis). The study is based on the principle of the unity of the historical and the theoretical. A combination of methods of dialectics, phenomenology, hermeneutics and historical reconstruction is used. After Socrates, the history of Ancient Greek ontology is determined by the event of the dispute between Plato and Aristotle. This debate absorbed in a generalized form all the preceding discussions about Being, and also set the direction and scope of subsequent disputes. The event in Ancient Greek ontology is not limited only to the temporal characterization of the historical process, but acquires the signs of an ontologically understood myth. The dispute between Plato and Aristotle marked the boundaries of the ontological paradigm of antiquity, and also determined the genetic code for the development of all subsequent philosophy. The results may help a deeper understanding of historical expediency, as well as clarify the role of ontological knowledge in the evaluation of the driving forces of history.

Keywords: ontology; gnoseology; being; event; history; antiquity; myth

Citation: Yu.M. Romanenko, The event of ancient ontology in the historical perspective. The second stage: Plato – Aristotle, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 65–76. DOI: 10.18721/JHSS.8307

Введение

Платон, как ученик Сократа, прошедший школу общения с ним, смог найти способ рационального оформления диалогического опыта философа. Устное философствование Сократа он трансформировал в письменную форму. Этот результат позволил вывести онтологию на новый уровень самоосмысления. Платон объединил умозрение Парменида и диалог Сократа, интуицию бытия и дискурс о бытии. Характеристика онтологии Платона выражается в двух аспектах: мировоззренческом и методологическом. В истории философии он оценивается как создатель идеалистического учения. Платоновская идея интерпретируется в качестве сущности вещи, ей приписываются те же определения, какие приписывает бытию Парменид. Идея как таковая есть порождающая модель, образец для подражания материальной вещи. Существование последней определяется тем, насколько она является воплощением вечной идеи. Онтологическая картина космоса представлена в виде структуры соотношения трех начал: идеи, материи и возникающей из их соединения конкретной вещи. При этом бытийный приоритет в идеализме, разумеется, отдается идее. Платон выявляет возможности онтологии в контексте идеалистического мировоззрения, которое он впервые создал. Проблема бытия здесь рассматривается в свете идеи. Более того, само бытие представляется как идея идей.

Постановка проблемы и цели исследования

Постулирование бытия идеи, или идеи бытия, сопровождается определенными методологическими трудностями, прежде всего логико-аргументативного характера. Первый проблемный вопрос, возникающий в рамках данного мировоззрения, — это соотношение идеи и вещей с точки зрения понятия бытия. Не только в том тривиальном смысле — что первично, а что вторично? Разумеется, для Платона идея первична, но не во временном порядке, а именно в онтологическом, по той простой причине, что он приписывает идее атрибут единства, в то время как мир вещей является множественностью как таковой. Естественный для познания вопрос о первичности — это следствие онтологической проблемы начала всего сущего. Начало одно или начал много? В зависимости от ответов на этот вопрос различают философские установки монизма, дуализма и плюрализма.

В определенной комментаторской литературе учению Платона приписывают дуализм, связанный с онтологическим различием между идеями и вещами. Повод к такой оценке, кажется, дает сам Платон (или его ученики). Однако в его сочинениях присутствует и другая тенденция — монистическая. Но дело даже не в оценочных ярлыках: монист, дуалист или плюралист Платон? Суть вопроса здесь в том, что категории единого и многого являются про-

твояположными характеристиками самого бытия. Более того, философско-математическая экспликация бытия через оппозицию единого/многого есть способ если не разрешить, то, во всяком случае, выразить его парадоксальность. Последовательное развитие онтологической мысли естественно проходит собственные фазы монизма, дуализма, плюрализма. В одном контексте Платон дуалист, в другом – монист, в третьем – плюралист. Но важнее то, что ему удается обозначить переходы через эти фазовые состояния мысли.

Методология

Пифагорейцы, у которых Платон заимствовал арифмологический метод в применении к онтологии, учили, что вся действительность происходит от взаимодействия предела и беспредельного, которые они называли единицей и двойцей. Для пифагорейцев, как и для всей античной философской традиции, космос характеризуется определенностью, а хаос – неопределенностью. Эти противоположные состояния бытия они пытались выразить числами, которым придавался обособленный онтологический статус. С их точки зрения, числа есть порождающие структуры вещей. Пифагорейская диалектика единицы и двойцы оказалась определяющей для институционализации онтологии в учении Платона. Посредством этой диалектики он попытался описать отношения между идеями и вещами. Это и есть методологический аспект учения Платона. В целом его философию можно аттестовать как диалектический идеализм, что может восприниматься как триумф, если не вдаваться в смысловые сложности и парадоксальные тонкости этого оригинального сочетания. В онтологии снимается тривиальность отношений «первичность – вторичность» и «монизм – дуализм» в понимании бытия как динамического целого.

Результаты исследования

Центральная категория платоновской онтологии – понятие блага. Это же понятие является основным для этики. Еще Сократ связывал гносеологию и этику, определяя знание как высшую этическую добродетель. Платон пошел дальше, онтологизировав этику и этицировав онтологию, вследствие чего понятие блага стало концептуальным синонимом по-

нятия бытия. В диалоге «Государство» Платон постулирует бытие единого блага. Благо есть бытие само по себе. Оно находится «по ту сторону» частных вещей. Платон проводит аналогию: подобно тому, как видимое Солнце дает возможность видеть конкретные временные вещи, умопостигаемое единое благо есть принцип существования и умозрения вечных идей. Оно есть начало идей и вещей, но для него самого невозможны никакие иные начала. Поэтому единое благо является беспредпосылочным началом всего сущего. Это первопринцип платоновской онтологии.

В данном контексте Платон впервые вводит понятие трансцендентности в отношении к Абсолюту. Но здесь же, как и в других аналогичных случаях, у него обнаруживается двойственность. Если бытие единого блага абсолютно трансцендентно, то с точки зрения конечных вещей оно неразлично с небытием. Возникает парадокс: бытие есть небытие. Если же допустить обратное – имманентность Абсолюта относительно вещам, – прежний парадокс упраздняется, но возникает его зеркальное обратное отображение.

В концентрированной логической форме парадокс представляется следующим образом: нечто существует, если оно не существует, и наоборот. Так проявляется диалектика трансцендентности и имманентности, аналогично диалектике единицы и двойцы, в которой важно не закреплять догматически одну из крайностей, но следовать естественным тактовым переходам между состояниями «потусторонности» и «посюсторонности» бытия. Диалектическая развертка проблемы представлена Платоном в диалоге «Парменид» [1], главными действующими лицами которого стали именно Парменид и Сократ. Это не случайно: у первого Платон заимствует идею бытия, у второго – стремление выразить ее логосом.

Платоновские диалоги являются попытками подойти к возможности мышления бытия в различных его аспектах [2]. По форме изложения они являются открытыми системами. Как правило, диалог завершается не формулировкой окончательного ответа на тот или иной онтологический вопрос или безупречным способом решения задачи, а констатацией апории. Это касается ключевых платоновских диалогов, в которых представлены основные онтологи-

ческие проекции на конкретные области действительности. Так, в «Тимее» обсуждается бытие космоса, в «Государстве» — бытие человека и общества, в «Кратиле» — бытие слова, в «Теэтете» — условия познания бытия и пр.

На древнегреческом языке истина выражается словом «алетейя», что можно перевести как «незабвенность». Бытие есть именно то, что не может быть забыто человеком. И вместе с тем — здесь снова парадокс! — именно бытие человек постоянно забывает в силу собственной двойственной природы, состоящей из конкурирующих друг с другом души и тела, следствием чего в познавательном отношении является конкуренция между мнениями. Для разрешения данного парадокса Платон применяет, вслед за пифагорейцами, метод так называемого анамнесиса — припоминания душой вечных идей. Анамнесис есть способ опомниться в забытии.

Мифологема человеческого существования и познания бытия выражена Платоном в притче о пещере. Забывшие бытие люди уподобляются узникам в темной пещере. Припоминание бытия и возвращение к нему описываются в этом мифе как спонтанный выход (экстазис) из темноты в пространство самоочевидных идей в свете единого блага. Бытие есть самораспространяющийся свет. Его постижение доступно для человека, согласно Платону, только в особом мистическом опыте. В VII письме из эпистолярного наследия Платона дается признание, что кульминацией познания на высшей (пятой) ступени является достижение озарения, уникального интуитивного состояния, в котором ум в событии новой встречи с бытием наполняется светом, воспроизводящим самое себя. Именно для озарения актуален парменидовский принцип тождества бытия и мышления. Все остальные уровни и формы познания являются приуготовлениями к нему. Гарантия истинного знания бытия не усердие познающего субъекта, а оно само. Импульс озарения является критерием истинности онтологии и жизненности самой философии.

Ученик Платона — Аристотель продолжил развитие онтологической парадигмы в античной философии, которое имело революционный характер, если понимать термин «*revolutio*» в его исходном смысле — «возвращение к первоначалу». Собственно говоря, онтология всегда революционна; ее установ-

ка — обращение и возвращение человека, забывшегося в небытии, снова к бытию. При таком понимании, с одной стороны, бытие есть новизна как таковая. Древние греки это выражали словом «Эон» (Αἰών), являвшимся божественным именем, мифологически персонафицирующим вечность, а в понятийном смысле означающим состояние непреходящей юности. С другой стороны, если противопоставлять революционности реакционность (в смысле борьбы старого с новым), то онтология в равной степени реакционна. Ее установка — консервация *status quo*, оставление всего так, как оно есть. Как выражался М. Хайдеггер, хранение истины бытия [3]. Онтология парадоксально сочетает в себе революционный либерализм и реакционный консерватизм: новое возникает только в усилии сохранить старое.

Гениальность Аристотеля заключается в том, что ему удалось вступить в фундаментальный спор со своим гениальным учителем Платоном [4]. Этот исторически необходимый спор в концентрированной форме вобрал в себя все предыдущие дискуссии и более четко обозначил их основной предмет пререканий — бытие [5]. Что дает импульс к этим спорам: столкновение интеллектуальных амбиций людей или само бытие так проявляется в их мире? Начиная очередную фазу онтологического диспута в истории, Аристотель формулирует его главный вопрос: что есть сущее как сущее? Такое вопрошание является принципиально философским, поскольку оно ставится рефлексивным разумом. Аристотель определяет философию как мышление мышления. Ее активная сила — мыслящий себя разум. Мышление здесь выступает одновременно как предмет и метод, как субъект и объект, познания самого себя. Рефлектирующий разум способен поставить вопрос о бытии так, как это сделал Аристотель. Для мыслящей себя мысли естественно вопрошать о сущем как сущем. Так у Аристотеля воспроизводится в режиме рефлексии парменидовский принцип тождества бытия и мышления. Его творчеством открывается очередной онтологический цикл, с одной стороны, повторяющий старую истину, но, с другой, самим фактом повтора придающий ей ценность новизны [6].

Способность к философской рефлексии основана на явлении автореференции, т.е. возможности соотноситься с самим собой. От-

ражающие автореферентную реальность рефлексивные понятия естественно приводят к парадоксам. Началом аристотелевской онтологической инициативы была реакция на старый элейский парадокс о том, что сущее не может возникнуть ни из сущего, ни из несущего, следствием чего был вывод о невозможности бытия, а стало быть, утверждение его покоя. Платоновская попытка решения данного парадокса привела к развитию диалектики, как это представлено в диалоге «Парменид». В общении его персонажей воспроизводится захватывающая игра ума с абстрактными понятиями (рефлексивными и автореферентными), цель которой – схватывание внезапных импульсов бытия (моментов «вдруг»).

Диалектика допускает движение бытия, но только за счет разрешения его противоречивости. У Платона синтезирующим противоположности покоя и движения стало понятие момента «вдруг» – странного, неуловимого и удивительного мгновения перехода от покоя к движению и обратно. Бытие, по Платону, мыслится вдруг, внезапно, всё сразу, мгновенно целиком. Иначе говоря, мышление бытия спонтанно и стихийно. Но этот миг невозможно однозначно выразить ни в категории покоя, ни в категории движения. Но Платон отдает онтологическое преимущество категории покоя, утверждая вечную неизменность идеи и оставляя движение как характеристику бренных вещей. Хотя следует отметить, что уже в диалоге «Софист» он признает равный онтологический статус понятий бытия, движения и покоя, тождества и различия. Однако дальнейшего развития этот сюжет у Платона не получил в силу ограниченности его метода. Именно на эту недосказанность в учении учителя, сказавшуюся на односторонности других аспектов и положений его философии, обращает свое онтологическое внимание Аристотель. Он позволяет себе выступить с критикой, весьма резкой, в адрес Платона. Это действительно критика, но не внешняя, а имманентная – признать правоту своего визави в постановке проблемы («Платон мне друг...»), но указать на недостаточность ее решения («...истина дороже»), предложив нечто новое и свое, альтернативное и оригинальное. Сократ определял мышление как диалог души с самой собой. Онтологический парадокс покоя-движения бытия разрешается в таком диалоге.

Как справедливо утверждают историки античной философии, Аристотель вводит в онтологию движение. Можно также сказать, что он онтологически оправдывает движение. Что он уже начал делать по-своему Платон, но на чем он всё-таки остановился. Что именно здесь имеется в виду и как это получилось у Аристотеля? Чтобы утвердить онтологический статус категории движения, сказав новое слово в истории по этому поводу, Аристотелю пришлось кардинально сменить философскую стратегию, по сравнению с Платоном, а также выйти на новый горизонт поисков, оставшийся за пределами внимания его учителя. Кроме этого, Аристотель для этой цели даже создает новый язык описания, вводя определенные неологизмы в качестве философских категорий. Выход в новое всегда приводит к коренной трансформации и перестройке всех режимов, однако новое как новое (сущее как сущее!) может быть опознано в соотношении со старым как старым. Попробуем рассмотреть, что получилось в результате, держа в фокусе внимания Аристотеля, но сохраняя в поле памяти Платона.

Итак, бытие покоится или движется? Возможно, что бытие не покоится и не движется, но в любом случае все эти возможности нужно обосновать. Что такое движение и где оно по своей сути прежде всего проявляется? Опыт чувственного восприятия реальности свидетельствует о наличии движущихся вещей. Однако это только первичный уровень познания, к тому же ненадежный в силу ограниченности чувственных способностей. Необходимо, как и завещали элеаты, перейти от уровня мнения к состоянию знания. Аристотель так формулирует методологический регулятив онтологического постижения движения бытия: перейти от понятного нам к понятному по природе. Этим девизом открывается аристотелевский трактат «Физика». Это первый научно-философский текст по физике в истории, хотя до Аристотеля уже сложился особый жанр сочинений «О природе», в которых развивались интуитивные модели космоса. Аристотель сделал попытку дискурсивной экспликации подобных интуиций на уровне собственно научного знания (эпистемы).

Движение бытия и есть сама природа или естество (*греч.* *physis*, *лат.* *natura*), взятое в целом. Конечные движения отдельных вещей –

это предмет чувствований, изменяющихся под воздействием изменяющихся же вещей, но природа в целом как движение самого бытия — это уже выход на уровень мысли. Поэтому Аристотель определяет физику именно как теоретическую (умозрительную) науку, наряду с математикой и философией, целью которых является знание ради знания. А теория как знание ради знания и есть постижение сущего как сущего, т. е. онтология. Он даже называл физику второй мудростью, хотя физика включает в себя и эмпирический уровень познания. Аристотель первым в истории определяет гносеологическое значение опыта (эмпирии), а также вводит принцип объективности научного познания: познать природную вещь не так, как она дается чувствам человека, а так, как она существует по своей природе, т. е. сама по себе. С этой точки зрения можно развенчать исторически сложившийся стереотип о том, что объективность — это чувственная воспринимаемость, — наоборот, объективное есть мыслимое.

Для разрешения парадоксальности движения-покоя и решения зеноновских апорий Аристотелю потребовалась организация особой фундаментальной науки. На вооружении у Платона такой науки не оказалось, хотя предпосылки этого имелись. Платоновская философия в большей степени созерцательна в своей установке на тайновидение трансцендентных идей. Аристотелевский же философский темперамент более соответствовал образу активного практика — оформителя конкретных и данных в опыте вещей. Именно с этой позиции Аристотель вступает в спор с Платоном, начиная с критики его учения об идеях, прежде всего в аспекте их онтологического статуса.

Повод для спора дает сам Платон, как бы вызывая огонь на себя, определив идею нарочито парадоксальным образом. С одной стороны, идея — это просто вид вещи (такова этимология древнегреческого слова «eidos», претворенного Платоном в ведущий концепт философии). С другой стороны, этот вид не есть вид для чувственного зрения. Идея, согласно Платону, видится умом. Поэтому он дает ей противоречивое определение: невидимый вид. Как тут не возникнуть если не спору, то, во всяком случае, критике?

Видение имеет разные степени и режимы — от зрительного ощущения вплоть до высшего

его состояния — так называемой теории, которую в Древней Греции понимали как зрелище ума. Предметом теоретического видения аристотелевской «Физики», таким образом, оказывается самодвижная природа (автомат, по-гречески). Ее внутренняя двоичность есть условие ее рефлексивности, без чего невозможно было бы обращение движения на самое себя. Природные противоположности естественно обращены в своих частных способах движения друг на друга и друг без друга быть не могут. Двоичность самодвижной природы у Аристотеля — это аналог пифагорейско-платоновской двоицы, однако он идет дальше.

Природа как движение бытия понимается не так, что она есть некое пустоеместилище отдельных движений отдельных вещей. Нет, автоматизм природы, т. е. ее самодвижность, есть согласованность всех движений под управлением из единого источника. Здесь Аристотель развивает интеллектуально-космологическую интуицию Анаксагора, выраженную в лаконичном изречении: «Ум управляет вселенной». Божественный ум вносит импульс в материальный хаос, заставляя упорядочиваться и циклически самоорганизовываться присущие ему стихийные движения и претворяя его в космос [7].

Так и у Аристотеля: импульс ума запускает стихийный природный автоматизм, цель — совершенство целостного космоса. Целью является именно целое. Русское двуаспектное слово «цель/целое», транслирующее греческое слово «telos», оказывается адекватным способом выразить онтологическую мысль в ее простоте. Процессы возникновения и уничтожения, т. е. импульсивные переходы из небытия в бытие и наоборот, происходят не вне природы, а осуществляются в ней самой как самовоспроизводящемся живом целом. Совокупность взаимобусловленных, хотя и противоположенных, процессов возникновения и уничтожения и есть сама природа как таковая.

Аристотель предлагает новую оптику физической теории, целью которой является интуиция движения бытия. Для описания этой оптики ему потребовалось ввести новые понятия, посредством которых организуется настройка данного способа видения. Здесь имеются в виду предложенные Аристотелем в философский категориальный аппарат неологизмы (проективные понятия): «энергия»

(лат. акт — действительность), «дьюнамис» (лат. потенция — возможность) и «энтелехия» (лат. имперфектохабия — осуществленность)¹, образующие категориальную триаду, посредством чего вводится принцип развития в онтологию. Движение есть переход от возможности к действительности. Актуально сущее возникает из потенциально сущего благодаря актуально сущему. Посредством этой же триады Аристотель разрешает традиционные онтологические парадоксы. В свете этой триады сущность природы интерпретируется как энергийная динамика целого.

Досократовский принцип всеединства и платоновская диалектика единого/многого у Аристотеля предстали как динамика автоматизма природы, инициированная энергийным импульсом неподвижного ума-перводвигателя. Ум-перводвигатель сам неподвижен — и здесь верна интуиция Парменида о покое бытия; природа является очевидной полнотой тотальных изменений — и здесь несомненна истина Гераклита о всетекучести бытия; ум и природа соотносятся друг с другом — и здесь прав Платон с его диалектикой покоя и движения. Что нового вносит Аристотель? С одной стороны, ничего, а с другой — обновлению подвергается всё, посредством погружения в оригинальный контекст онтологического мышления, упорядоченного в этой триаде категорий.

Структурными компонентами данного контекста являются следующие аристотелевские новшества: концепция четырех причин и система десяти категорий. Чтобы познать вещь, требуется указать на ее причины: формальную, материальную, движущую и целевую. Бытие есть целостность действия оформления материи, или материализации формы. Специфика аристотелевской онтологии заключается в телеологическом подходе к реальности и утверждении принципа деятельности. Вещь может действительно существовать и познаваться только как сущность (усия, субстанция). Сущность есть суть бытия вещи. Остальные девять категорий являются онтологическими признаками этой сущности: количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание.

¹См.: Проективный философский словарь. СПб.: Алетей, 2003.

Важным нововведением Аристотеля в развитии античной и последующей онтологии было его учение о сущности и о различии последней на два типа. Сущность как таковая есть то, что существует самостоятельно, бытие чего зависит только от себя, а не от чего-либо иного. Эта концепция в комментаторской литературе представляется двусмысленной и создающей проблемы для однозначной интерпретации. Во-первых, в трактате «Категории» Аристотель первую сущность определяет как отдельно существующий единичный предмет, опытно данный на уровне чувственного познания (т. е. это некое уникальное бытие самостоятельной вещи), а вторую — как род, то общее, в чем мысленно по форме объединяются отдельные единичные вещи (т. е. это универсальное бытие). Во-вторых, в «Метафизике» (в противоположность «Категориям») Аристотель называет первой сущностью форму как суть бытия вещи, не говоря уже о второй сущности. Здесь возникает проблема соотношения трактовок сущности в «Категориях» и «Метафизике».

Суть данной проблемы заключается в соотношении категорий единичного и общего, или уникального и универсального, в познании сущих вещей реального мира. В этом же контексте намечаются возможность и перспектива подхода к постижению бытия. Бытие есть нечто единичное или общее, оно уникально или универсально? Бытие познается на эмпирическом уровне так же, как чувственно воспринимаются конкретные вещи, или оно мыслится абстрактно как определенное общее понятие? Аристотель здесь не дает окончательного ответа, что породило дискуссии среди интерпретаторов, но он обозначил данной оппозицией крайние точки онтологического познания, сохранив возможность понимания бытия как уникальной универсальности или, наоборот, универсальной уникальности. Между сущим как таковым (уникальное) и сущим вообще (универсальное) имеется обращение. Именно это обращение и есть бытие. Сущее как сущее = уникальное как универсальное. Иначе говоря, бытие является уникальной универсалией именно потому, что оно универсально для всех уникальностей. И наоборот. Допуская возможность этой трактовки, можно так истолковать выражение парадоксальности бытия в аристотелевской онтологии. В средневековом споре об универсалиях на

новом витке исторической спирали снова будет воспроизведена подобная дискуссия о парадоксе бытия.

Таким образом, аристотелевский способ разрешения парадокса является энергийно-динамически-энтелехиальным. Энергия понимается Аристотелем как такая действительность, которая активно действует. Дюнамис истолковывается как такая возможность, которая имеет мощь действовать. Энтелехия понимается как то состояние совершенства, на которое нацелены в своем действовании природные сущности, способные его достичь. Сравнивая эту онтологическую концепцию с платоновской, можно сказать, что аристотелевская энергийная динамика целого утверждает возможность полного воплощения идеи в материальной вещи, т. е. переход идеи из трансцендентного состояния в имманентное для вещи. Платоновская идея преобразуется в аристотелевскую форму в акте движения бытия.

Аристотелевская «Физика» является второй мудростью, хотя в дидактическом порядке с нее начинается изучение его философии. Следующий шаг — переход к первой мудрости, к тому, что находится «после физики». Это выражение — «τὰ μετὰ τὰ φυσικά» — было избрано историей в качестве синонима самой философии. Содержание сочинения под этим именем включает принципиальный онтологический вопрос. Если «Физика» стала онтологическим оправданием движения, то в «Метафизике» осуществляется онтодицея (бытийное оправдание) покоя. Аристотелевская мысль совершает челночное движение от гераклитовской к парменидовской, «делая дозаправку» у Анаксагора. Отношение физики и метафизики парадоксально: первопричиной движения является покой.

Используя логический инструментарий, Аристотель в «Метафизике» доказывает бытие неподвижного перводвигателя. Первопричина движения сама не может быть подвижной, иначе мысль о ней будет уходить в дурную бесконечность или попадать в порочный круг. Эту часть «Метафизики» Аристотель определяет как теологию — учение о Боге как первопричине бытия. Им оказывается космический ум. Аристотелевская ноология (учение об уме) является именем его онтологии в аспекте покоя. Это — первый исторический прецедент онтотеологии, которая в дальнейшей истории была централь-

ной дисциплиной традиционной метафизики, главным сюжетом которой стало доказательство бытия Бога. Утверждается, что Аристотель вводит движение в учение о бытии, и это действительно так. С равным правом можно сказать, что он сохраняет покой в онтологии.

Для рассудочной мысли представляется странным и даже неприемлемым, что движение детерминировано покоем. Но это странно для конечного рассудка и в отношении частного конечного движения. Если же понять, что покой обеспечивает не просто движение, а именно его непрерывность и бесконечность, тогда всё становится на свои места — странность обосновывается как необходимость. Закономерности переходов между относительными покоем и движением изучают частные науки. Если же поставить вопрос об этом в абсолютном смысле, на что посягает философия, то мысль о покоящемся перводвигателе оправдана.

Согласно убеждению Стагирита, покой имеет собственную энергию, не сводимую к отличию потенциальной от кинетической энергии с точки зрения современной физики [8]. Именно абсолютный покой есть причина абсолютного движения. Энергия покоя заключается в неизменности импульса линейного движения, каждая точка которого и есть этот импульс. В такой точке (аристотелевский темпоральный момент «теперь») совпадают начало и конец движения, именно поэтому оно, однажды начавшись, уже не может остановиться. Но движение началось и существует в своем длении — это очевидный эмпирический факт, зафиксированный аристотелевской физикой, следовательно, существует и его неподвижный перводвигатель, бытие которого доказывается уже в аристотелевской метафизике. Вечность же есть это двуединство абсолютного покоя и абсолютного движения.

Таким образом, Аристотель создает систему философии и первую энциклопедию конкретных наук. Общая классификационная структура познания заключается в следующем. В центре находится онтология, трактуемая как теология и одновременно ноология — учение о бытии как о Боге в статусе неподвижного ума-перводвигателя. Периферия системы определяется комплексом естествознания, основанием чего является физика — иной модус онтологии как учения о бытии в качестве самодвижной природы. Природа здесь понимается именно как живая

природа, поэтому естественным продолжением физики является биология. Материя трактуется как саморазвивающийся лес (hyle), порождающий в себе имманентные формообразования. Науки делятся на теоретические, практические и творческие. Это классификационное деление соответствует онтологической триаде категорий «энергейя – дюнамис – энтелехия». Бытие постигается как теоретически (созерцательно), так и опытно-практически. Опыт – это не только определенность чувственного восприятия природных вещей, но и опыт умозрения – интуитивного постижения первоначал. Выражение истины бытия является творческим: логика, риторика и поэтика служат оправданию онтологии как осмысленного слова бытия.

Инновативность аристотелевской философии опознается в сравнении с учением Платона, комплексным сопоставлением ключевых онтологических концептов того и другого. Сравнительный анализ является указанием на пункты тождества и различия сравниваемых вещей, как в предметном отношении, так и методологическом. Представляется важным выявление смысловой переклички корреспондирующих платоновских и аристотелевских понятий: идея и форма, материя как хора и материя как хюле, диалектика и логика, благо и ум, демиург и перводвижитель, момент «вдруг» и момент «теперь» и т. д. При всей разности трактовок основных онтологических концептов, вплоть до их несоизмеримости или альтернативности, представляется, что их отношение взаимодополнительно.

Проведем вначале сравнение онтологических методологий Платона и Аристотеля. У первого ведущий метод – диалектика. Одним из оригинальных моментов аристотелевской онтологии является изобретенная им наука логики, если не сводить ее только к формальному аспекту. Необходимо учитывать, что для него логические категории суть отрефлексированные высказывания о сущем, извлеченные из естественного языка. Аристотель, создавая логику, одновременно ее онтологизирует (чего не скажешь о логиках, редуцирующих ее к абстрактной формалистике).

Если определять логику как науку о правильном мышлении вообще, а не только о его абстрактных формах, а также исходить из парменидовского принципа тождества бытия и

мышления, то логика априори есть онто-логика. Для Аристотеля законы логики (тождества, противоречия и исключенного третьего) – это и законы онтологии, определяющие исследование того мира, в котором естественно пребывает человек – живой природы целостного космоса. Логический органон – это орудие теоретического оформления данных, полученных в эмпирическом исследовании природы.

Предметом распри между диалектикой и логикой является отношение к противоречию: запрещать или разрешать его? Можно ли диалектику корректно выразить логически? И наоборот, способна ли логика к диалектическому развитию? Эти вопросы, заданные самим фактом противостояния Платона и Аристотеля, очертили еще один большой полемический горизонт в дальнейшей истории онтологии. Попытки ответов на эти вопросы встретятся в будущем. Яркий пример тому – диалектическая логика Гегеля. Эта проблема актуальна и по сей день.

Аристотелевский замысел логики заключается в том, что она необходима для решения парадоксов, а также разоблачения софизмов и исправления ошибок ума. Применение логических средств к описанию банальных ситуаций профанирует ее и приводит к трюизмам. В логике имеется собственный творческий потенциал. Поэтому она должна быть отнесена не только к теоретическим наукам, но и к пойкитическим (креативным). Логика есть поэтика понятий (логосов) и, таким образом, неотличима от диалектики.

Сопоставим классические философские категориальные оппозиции у Платона и Аристотеля: материи-идеи у первого и материи-формы у второго. Категория материи – это не только абстракция инертной реальности, пассивно воспринимающей извне воздействия трансцендентной идеи. Сама материя (hyle) является живой, способной к самопорождению. Согласно пониманию Аристотеля, материя есть самовоспроизводящаяся жизнь леса (дотерминологическое значение слова «hyle») [9]. Платон характеризует материю как «восприимницу» и «кормилицу» всего сущего (хора), подчеркивая метафорический смысл материи как материнского начала. В отличие от платоновской идеи, аристотелевская форма означает осуществленную целостность природной вещи, целевую причину и завершенное совершенство ее бытия,

которое обретается не где-то в потустороннем мире, а здесь и сейчас, для нее самой. Если платоновскую вечную идею нужно припоминать априори, то аристотелевская форма опытно достигается в акте совершенствования вещи как сущности во времени и пространстве. Форму можно понимать и как идею, отдавая дань традиции платоновского словоупотребления, но только не в трансцендентном, а имманентном значении для вещи. Впрочем, ум-перводвигатель, как форма форм, трансцендентен. Сущность любой целостной вещи, таким образом, есть двуединство материи и формы, активно-пассивное движение покоя бытия.

Сравнение онтологических моделей Платона и Аристотеля можно представить в таблицах научных специальностей, имплицитных их интуициями бытия. У Платона это прообраз будущих тривиума и квадравиума, а у Аристотеля энциклопедия знания центрирована метафизикой, из которой веером исходят естественные науки. Все конкретные науки направлены на разрешение того или иного аспекта парадокса бытия. Герменевтическая сложность при сравнении онтологических учений Платона и Аристотеля заключается в трудности взаимоперевода их концептов. Между ними — тождество и различие. Взаимооднозначного соответствия платоновских и аристотелевских терминов, вероятно, достичь не удастся. В истории философии до сих пор это не сделано, но она еще продолжается. Они разные принципиально. Они другие друг другу. Но только с другим как другом возможно вступить в подлинный спор вплоть до его кульминации — вражды. Слово «вражда» происходит от старославянского глагола «ворожить» — колдовать словами. В перспективе мифического видения, диспутирующие онтологи буквально ворожат друг против друга, сами будучи околдованными чарами бытия. Аристотель, сказав, что истина ему дороже, косвенно признается, что Платон для него враг. Так все-таки друг или враг? Друг-враг? Ф. Ницше в свое время молил судьбу, чтобы она подарила ему настоящего врага.

Дискуссия, кажется, идет о словах, превращаясь в абстрактную языковую игру (запрещенную в приличном научном сообществе), но если это бытийные слова, то, на самом деле, спор ведется о самом бытии — спор бытия с самим собой. Без наличия другого это невозможно. По-

этому бессмысленно искать истину в последней инстанции в претензиях отдельных мыслителей на доктрину. Правда — в риске спора между ними. Начиная с софистов возникла особая дисциплина — эристика, логическая наука об искусстве спора. Но это формальная сторона дела. Споры бывают разные: говорят, что в споре рождается истина, но в споре истину можно и загубить. В содержательном плане эристика должна восполняться эвристикой — созданием условий возможности для того, чтобы в споре открылось новое. Ведь новизна вообще и есть бытие как таковое. Платоновское завещание стало ветхим в тот момент, когда Аристотелю открылся новый завет мудрости. Каково же отношение старого и нового?

Общая история философии не должна зацикливаться на отдельных персонажах, она должна исходить из презумпции единой истории [10]. Критерий осуществленности онтологической мысли — степень кардинальности импульса, вносимого в заданный от века общий спор о бытии. Событиями в истории античной онтологии являются именны споры, ставшие легендарными, имеющие как свою диалектико-логическую структуру, так и мифическое оформление [11]. Чередование любви и вражды — это не только динамика взаимопереходов хаоса и космоса, согласно мифической интуиции Эмпедокла, но и энергетика развития онтологического познания, которое осуществляется в форме тактовых импульсов этих событий.

Аристотель в пору ученичества подружился с Платоном, потом, уйдя в самостоятельное плавание, стал враждовать с ним. Возвращается ли он снова к старому другу, пройдя испытание ненавистью? Как отмечал С.С. Аверинцев, позднеантичные философы пытались примирить Платона и Аристотеля уже посмертно. Удалось ли им это сделать? Или коллективная вражда только больше разгоралась? Говорят, что от любви к ненависти — один шаг; но для обратного требуется двойное усилие. Чтобы сделать из друга врага, достаточно одной ошибки ума. Чтобы враг стал другом, необходим подвиг мысли. Война завершается миром, когда мысль приносится в жертву бытию. Из таких событий состоит история онтологии, священная, потому что бытие понимается как излучение света.

Обобщая онтологические подходы Платона и Аристотеля и учитывая интеллектуальный

опыт их предшественников и последователей, можно реконструировать воображаемую модель бытия космоса (онтокосмологию) в следующем диалектическом и энергийно-динамическом мыслеобразе события, т. е. мифа [12]. Светящаяся точка единства покоящегося в вечности бытия вдруг распадается на двоицу противоположных друг другу линий движения сущего в пространстве и во времени. Время есть подвижный образ вечности (Платон), т. е. парадоксальное движение покоя. Время, отпадая от вечности, стремится закончиться, но не может этого сделать, так как по определению его конец есть его начало. Так оно становится бесконечным и в своей полноте в мгновении «теперь» снова возвращается в вечность. Так можно истолковать идею Ф. Ницше о мифе вечного возвращения, т. е. о возвращении мифа вечности. С топологической точки зрения сфера бытия космоса замыкается именно в силу своего постоянного размыкания в хаос.

Заключение

В античной традиции сформировалась парадигма онтологии в качестве образца постановки вопросов о бытии, смысловых паттер-

нов, интеллектуальных правил обсуждений и дискуссий, а также утверждения векторов поиска ответов на эти вопросы. В данный исторический период онтология вошла в режим самовоспроизводящегося коллективного процесса мышления [13]. После Платона и Аристотеля античная философия развивалась в том фарватере, границы которого задали именно они. Линии платонизма и аристотелизма, сплетаясь в двойную спираль, образовали генетический код философии. Уместность этой метафоры необходимо обосновать отдельно. Их последователи в течение нескольких веков заполняли содержание данной парадигмы, но этот процесс был экстенсивным ее расширением, хотя здесь было высказано много оригинальных идей в рамках сложившейся матрицы. Античную онтологию можно определить как особый культурно-исторический тип. Феномен античной философии не случайно называют событием древнегреческого чуда, т. е. мифом [14]. Революционная смена парадигмы произошла в переходе между эпохами. Онтология в Средневековье претерпела кардинальную трансформацию и тактовый переход. Бытие как постоянная новизна требует от мысли непрестанного обновления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009.
2. Романенко И.Б. Платоновская образовательная парадигма и Академия // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2002. Т. 2, № 2. С. 45–58.
3. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академ. проект, 2013.
4. Романенко Ю.М. Событие спора между платонизмом и аристотелизмом // XXV науч. конф. «Универсум платоновской мысли»: «Платон и античная наука» (Санкт-Петербург, 21–22 июня 2017 г.): тез. докл. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 128–129.
5. Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М.: Изд-во Рус. феноменол. об-ва, 1996.
6. Романенко И.Б., Романенко Ю.М. Аристотелевская философия образования // Аксиология массовой культуры. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 253–263.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / пер. и сост. А.В. Лебедева. М.: Наука, 1989.
8. Бибихин В.В. Энергия. М.: Изд-во Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
9. Бибихин В.В. Лес. СПб.: Наука, 2011.
10. Романенко Ю.М. Событийная история философии // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 307–314.
11. Лебедев С.П., Романенко Ю.М. Актуальность событийной онтологии // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 10–12.
12. Романенко Ю.М. Миф как наука о формах правильного воображения // Мифология и повседневность. СПб.: Изд-во РХГА, 1998. С. 78–83.
13. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: ЧеРо, 1998.
14. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.

РОМАНЕНКО Юрий Михайлович – Санкт-Петербургский государственный университет;
 yr_romanenko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] M. Khaydegger, *Parmenid [Parmenides]*, Vladimir Dal' Publ., St. Petersburg, 2009.
- [2] I.B. Romanenko, [The Platonic Educational Paradigm and the Academy], *Izvestiya: Herzen University J. of Humanities and Sciences*, 2 (2) (2002) 45–58.
- [3] M. Khaydegger, *Chto takoye metafizika? [What is metaphysics?]*, Academic project, Moscow, 2013.
- [4] Yu.M. Romanenko, [The event of a dispute between Platonism and Aristotelianism], in: [XXV Scientific conf. “Universum of Platonic Thought”: “Plato and Ancient Science”], St. Petersburg, June 21–22, 2017. Abstracts of reports], RKhGA Publ., St. Petersburg, 2017, pp. 128–129.
- [5] A.V. Akhutin, *Tyazhba o bytii [The Lawsuit about Being]*, Russian Phenomenological Society Publ., Moscow, 1996.
- [6] I.B. Romanenko, Yu.M. Romanenko, [Aristotle's Philosophy of Education], in: [Axiology of Mass Culture], St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great Publ., St. Petersburg, 2014, pp. 253–263.
- [7] *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [Fragments of the early Greek Philosophers. Pt. 1. From epic theokosmogony to the emergence of atomism]*, Nauka, Moscow, 1989.
- [8] V.V. Bibikhin, *Energia [Energy]*, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., Moscow, 2010.
- [9] V.V. Bibikhin, *Les [Forest]*, Science, St. Petersburg, 2011.
- [10] Yu.M. Romanenko, [Eventive History of Philosophy], *Emergency Reserve*, 3 (101) (2015) 307–314.
- [11] S.P. Lebedev, Yu.M. Romanenko, [The Relevance of the Event Ontology], *Society: Philosophy, History, Culture*, 6 (2015) 10–12.
- [12] Yu.M. Romanenko, [Myth as a Science of the Forms of Correct Imagination], in: [Mythology and everyday life], RKhGA Publ., St. Petersburg, 1998, pp. 78–83.
- [13] A.F. Losev, *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii [History of Ancient Philosophy in a Summary]*, CheRo, Moscow, 1998.
- [14] A.F. Losev, *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]*, Mysl', Moscow, 1993.

ROMANENKO Yuriy M. – St. Petersburg State University; yr_romanenko@rambler.ru

Received 31.03.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8308

УДК 101

**«ФИЛОСОФИЯ РАЗУМА» И «ФИЛОСОФИЯ СЕРДЦА»:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ГАРМОНИИ****Ч.С. Кирвель¹, О.Ч. Кирвель², Д.И. Кузнецов³**¹Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь²Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными, формами дорационального и внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанных с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. В начале 3-го тысячелетия перед человечеством встала грандиозная задача — сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Ключевые слова: гуманизм; экологический кризис; рационализм; технократизм; философия сердца; философия разума; технологическое общество; биосфера

Ссылка при цитировании: Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч., Кузнецов Д.И. «Философия разума» и «философия сердца»: трудный путь к гармонии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 77–89. DOI: 10.18721/JHSS.8308

**“PHILOSOPHY OF THE MIND” AND “PHILOSOPHY
OF THE HEART”: A DIFFICULT PATH TO HARMONY****Ch.S. Kirvel¹, O.Ch. Kirvel², D.I. Kuznetsov³**¹Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus²Belarusian State University, Minsk, Belarus³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

It is time to abandon the illusory hope for the unconditional primacy of rational consciousness over all other forms of pre-rational and non-rational perception of reality, to abandon rationalistic “pride” and estranged conception of history and Eurocentrism in order to ap-

proach other cultures where rationality would be the dominant form of relationship with the outer world. Now, at the beginning of the third millennium, the humanity faces the monumental challenge of creating a holistic worldview based on both rational and scientific and irrational (including figurative) perception of reality and of developing a cohesive worldview, where “the world”, “the space”, “the man” would be perceived as a living organic integrity. The rational and illogical perception of the harmoniously developed people is known to be in equilibrium; by the same principle, in human cognition in general, these two sources of knowledge should go hand in hand and complement each other.

Keywords: humanism; ecological crisis; rationalism; technocracy; philosophy of the heart; the philosophy of mind; technology society; biosphere

Citation: Ch.S. Kirvel, O.Ch. Kirvel, D.I. Kuznetsov, “Philosophy of the mind” and “philosophy of the heart”: a difficult path to harmony, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 77–89. DOI: 10.18721/JHSS.8308

*Кто движется вперед в науке,
но отстает в нравственности,
тот более идет назад, чем вперед.*
Аристотель

*Учитывая современную методологию наук,
мы не должны удивляться, что человечество
столкнулось с целым рядом кризисов,
обусловленных главным образом загрязнением
среды и экологическими проблемами.*
Н.У. Кауфман

Сейчас многие с тревогой заговорили о будущем человеческой цивилизации, о кризисе ее развития. Но при этом далеко не все задумываются о том, что корни этого кризиса (антропологического, экологического и т. д.) погружены в глубины европейской истории, что наиболее существенные предпосылки того тупика, в который сейчас попало человечество, были заложены именно Западной Европой, вытекают из своеобразия сформировавшихся в этом географическом регионе мировоззренческих ориентиров и ценностных установок, обусловлены внутренней архитектурой западной культуры в целом.

Если взять, например, основные принципы (ценностную систему координат), на которых базируется западноевропейская цивилизация, то первое, что ее кардинально отличает от всех других культур, — это стремление полностью подчинить чувства, обыденные представления и опыт логике и интеллекту, положить в осно-

ву всего и вся принцип чистого рационализма. Последний, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени, выдвинулся в Западной Европе в качестве основного принципа всего мировоззрения. Но если рационализм объявляется основополагающим, единственно верным отношением человека к окружающей действительности, то всё, что не укладывается в его границы и схемы (непосредственное созерцание, чувство, интуиция, эмоциональный порыв, любовь, мистическое озарение и т. д.), должно быть отброшено как обуза, рассматривается исключительно как чистый вымысел, субъективное человеческое переживание, построенное. В итоге весь мир становится бездушным и механическим («расколдованный» мир). Для рационально-логических категории и понятий непостижимо всё то, что носит неповторимый и уникальный характер. Категории и понятия схематизируют красочную полноту живой действительности. В ходе их вторжения в мир

богатство и бесконечное многообразие природы и человеческой жизни необычайно упрощается, скудеет и меркнет.

Для классической рациональности характерен редукционистский подход к действительности, согласно которому окружающие нас природные явления состоят из мира вещей и мира законов. А это означает, что свойства целого объясняются свойствами частного, что характеристики целого полностью определяются некоторой суммой характеристик его элементарных составляющих. В итоге классическая наука утратила берущий свое начало еще со времен Аристотеля целостный (холистический) взгляд на мир, перестала ориентироваться на системный характер явлений, на понимание того, что целое — это нечто большее, чем простая сумма частей, составляющих его, что связи и взаимодействия между частями целого важнее отдельного (напомним один из постулатов даосизма: «Вещи получают свое существование и свою природу посредством взаимозависимости и ничем не являются сами по себе»).

Игнорирование и непонимание традиционной аналитикой классического естествознания системного подхода, холистического взгляда на мир, где главенствуют процессы синтеза по сравнению с анализом, редукционистский подход к действительности, с его основополагающими понятиями материи и движения, в конечном итоге обернулись именно тем, что природа стала рассматриваться как машина, состоящая, как и любой механизм, из отдельных частей и описываемая раз и навсегда установленными законами науки.

Рационализм непосредственно смыкается с технократизмом, в основе которого лежит функциональный подход к миру и человеческой личности, недооценка человеческого фактора, примат частной цели над смыслом. Полюс деятельности технократического подхода является не человеческая история, а организация, не идея, обращенная к сознанию и совести людей, а техника, позволяющая эффективно управлять ими. Для технократа человек — это не личность, обладающая свободой выбора и чувством собственного достоинства, а обучаемый и программируемый компонент системы, средство, а не цель. Технократы ставят знак равенства между социальными и чисто техническими процессами, переносят закономер-

ности функционирования технических систем на социальную жизнь людей. «Техническая» рациональность отбрасывает как иррациональную категорию ответственности (и связанные с ней идеи вины, совести, покаяния и т. д.), в лучшем случае трактует ее как ответственность за воплощение в жизнь рациональной программы, идеи. Аморализм — неизбежное следствие такой рациональности.

Что касается нравственных оснований жизни в технологическом обществе, то здесь встает проблема колоссальной важности. Под давлением технических систем человек постепенно теряет моральный критерий в оценке своих действий. Дело в том, что категория морали применима лишь к действиям, направленным на живое, а человек в индустриальном (постиндустриальном) обществе имеет дело по преимуществу с неживым. Отсюда сужение сферы действия моральных норм и императивов. Моральные оценки, не опирающиеся на основные постулаты техноцентрической модели развития общества, воспринимаются как «субъективные», «эмоциональные», как малонадежные критерии при оценке нашего поведения, соответственно они легко уступают место аргументам, обращенным к идее «эффективности» и «целесообразности», «выгоды» и «пользы».

Мир идеальных сущностей, логицированные умозаключения позволяют исследователю (реформатору, революционеру, вообще преобразователю) концентрироваться на какой-либо ведущей идее, абстрагируясь при этом от всех сложностей и взаимодействий реального (природного и социального) мира, от всего «привходящего» и «привностного», брать явление, так сказать, в чистом, «незамутненном» виде. Сама логика построения идеализированной модели требует упростить явление, пренебречь всем «второстепенным» в нем, мешающим математической ясности, а таковым для модели, по определению, будет всё, кроме ведущей мысленной идеи, например скорости перемещения макротела в воздушном пространстве.

Собственно, так и возникают научные законы, которые первоначально существуют «в чистоте», в головах ученых, на бумаге. В действительности же они в чистом виде никогда не существуют. Реальность почему-то всегда осквернена бесчисленными «второстепенными» и «ненужными» деталями. В силу этого на-

учные (логицированные) законы вообще не могут быть по большому счету законами природы. В лучшем случае они являются фрагментами, отдельными моментами ее сложного и целостного бытия.

Хорошо бы эти очищенные от всего «второстепенного» и «привностного» законы оставались только на бумаге, выступали в виде мысленного эксперимента — но не тут-то было! Очень скоро метод абстрагирования и мысленного подтверждения стал активно внедряться в практику и давать практические результаты, которыми стало выгодно пользоваться. Спроецированная («натягиваемая», «напаяливаемая») на действительность стерильная аналитическая идея стремится во всей своей полноте стать реальностью (переход идеального в материальное), упростить эту реальность, уничтожив всякое ее отличие от себя. Ее глубинная интенция — схематизировать мир, потеснить и вытеснить в нем все непонятое и не объясненное ею, переработать по своим узким, ограниченно-фрагментарным меркам всю окружающую природу, превратить живой организм — в мертвый механизм, живое вещество с его бесчисленными взаимосвязями — в искусственный агрегат. Итог этого известен: исходя из надерганных законов-истин стал всё торопливее возводиться искусственный мир оружия, орудий, технологий, подчиняющий жизнь природы исключительно своим, ставшим самодостаточными потребностям и устремлениям. Так на вытесняемой жизненной основе людей (всего живого) был постепенно сконструирован и возведен «целерациональный», «целесообразный» синтетический мир.

«Классическая наука, на которую в основном опирается современная технократическая цивилизация, — пишет российский исследователь А.А. Колесников, — не учитывала такое явление, как жизнь. Более того, это было принципиально невозможно, ибо основания традиционной науки (обратимость и симметрия времени, консервативность классических динамических систем и др.) таковы, что там сама жизнь не может присутствовать по определению. Она представляет собой некую случайную и малозначимую аномалию в мире беспредельного господства второго начала термодинамики. Поэтому в классической науке человек отчужден от природы» [1, с. 728]. В самом деле,

для классической науки характерен редукционистский подход к действительности, согласно которому окружающие нас природные явления состоят из мира вещей и мира законов. А это означает, что свойства целого объясняются свойствами частного, что характеристики целого полностью определяются некоторой суммой характеристик его элементарных составляющих. В итоге классическая наука утратила целостный взгляд на мир.

Интересно, что сформулированных и получивших признание научных законов, до предела схематизирующих и разрывающих целостность действительности, оказалось вполне достаточно для строительства этого мира, мира инструментально-технического (технократического), внутри которого правота этих законов стала уже непререкаемой, даже несмотря на то, что этот мир с каждым своим новым шагом превращается в нечто всё более враждебное жизни. Незаметно произошел переход от безобидного стремления понять и объяснить устройство мира к его разрушению, к опасности экологического коллапса. Был «упущен момент, когда „мальчишеские шалости” науки переросли в преступление против самой жизни» [2, с. 180], когда она из малой «почемучки» обернулась Хиросимой, когда возвышенные теоретические конструкции превратились в глобального монстра подавления естественного, живого. В результате на наших глазах случилось перевертывание качества процесса, именуемого прогрессом.

Произошла подмена многомерного одномерным, бесконечного конечным, реальности — абстрактной схемой, ощущаемой поначалу как победа разума. Вся ложность избранного пути — в глубинной уязвимости аналитического подхода к действительности, расчленяющего целое, убивающего в нем душу, в эффективном поначалу методе упрощения реальности — ее идеализации, в аналитическом алгоритме. И это не какие-нибудь следствия случайных ошибок, недочетов или погрешностей данного метода — «неправомочен и порочен он сам как таковой, ибо изначально и сознательно обуживает истину до логической абстракции» [Там же. С. 181]. В действительности это закономерный итог развертывания большой науки, изначально в самой ее основе ложнонаправленности, по крайней мере в той ее части, в которой она

превращалась в инструмент преобразования мира, орудие внедрения в практику.

Некоторые могут возразить: при чем тут наука? Разве наука может быть в том виновата, что она стала жертвой человеческой агрессивности и алчности, иррациональных потребительских вожделий, экспансивности и хищничества государств и правительств, превращающих ее в инструмент войны? Разве ее подневольность и направляемость властью к достижению своих целей — это ее вина? И не финансировались ли всеми правительствами мира лишь по остаточному принципу те исследования, которые использовались в чисто человеческом измерении, помимо хищничества и войны? И так далее.

Однако факты нас убеждают в другом: чудовищное искажение практических результатов сравнительно с целями преобразования, сама глубина разрушения биосферы, его нарастающая скорость всё с большей очевидностью убеждают нас в тупиковости того пути развития, на который толкнуло человечество применение научных принципов аналитической (логизированной, математизированной) науки. Вся история XX в. с предельной наглядностью показала, что науке изначально присуща «взломная» функция в силу самой ее природы. В силу порочности самого научного анализа, разделяющего неделимое на части, отбрасывающего неведомое, изучающего произвольную, в сущности, абстракцию [2, с. 180].

Минувший век, нравится нам это или нет, показал всепланетарный провал (крушение) утвердившихся научных методов и научного знания как средств взаимодействия человека с окружающей природой и социальной средой. Оказалось, что практические результаты, достигнутые на основе этих методов и знаний не в частях, а в своей совокупности, несовместимы со спецификой живого, биосферы в целом.

Таким образом, та чуждость, будет правильнее сказать, враждебность синтетического мира живому миру (а стало быть, и человеку), с которой столкнулись люди в XX в., коренится в самих основах утвердившегося научного стиля мышления и культивируемых методах науки. Или кто-нибудь еще не заметил, что в теле такого, возможно, абсолютно уникального явления, каким выступает наша природа, «зародилось и разрастается за ее счет нечто, развивающееся по чуждым ей законам, по законам некой *мерт-*

вой природы, тупо враждебное ей, слепо агрессивное и сильное» [3, с. 152].

В течение каких-нибудь двух с половиной столетий естествознание, а за ним и науки об обществе становились всё изощреннее и напористее в своей работе с абстракциями. Соответственно этому нарастало и пренебрежение «второстепенным», сложным, многозначным, выходящим за границы той или иной доминирующей идеи. Наконец обнаружилось следующее:

- «второстепенными» для научной модели электрификации оказались река Припять и озеро Севан, устье Дона и вся жизнь этой реки выше и ниже Цимлянска, Днепр и Волга, Енисей и Ангара;

- «второстепенными» для модели мелиорации — Аральское море и Мещера; для модели химизации — великое озеро Мичиган, Темза и Дунай, Байкал и Ладога; для космической научной доктрины — озоновый слой атмосферы; для «научной» военной (есть и такая) — Новая Земля и Синьцзян, Челябинск и Томск, все четыре океана;

- «второстепенными» для научной идеи социализма — крестьянская психология и весь крестьянский (христианский, в русской транскрипции) уклад России — основа русской государственности. И как результат в черноземной Тамбовской губернии возник неучтенный теорией мятеж против продразверстки, подавленный Тухачевским и Антоновым-Овсенко с применением отравляющих газов; при этом в десятках деревень были погублены крестьянские дети (частью расстреляны как заложники — впервые в писаной истории), погублены те, «во имя» кого внедрялась в реальность научная модель социализма;

- «второстепенной» для теории стала по-степенно жизнь на Земле [2, с. 177–178].

Иные скажут: да ведь нельзя извлечь пользу из применения неверного закона, а следовательно, есть верное научное предвидение и верное воспроизведение в теории окружающей действительности. Верное, но, к сожалению, неполное, фрагментарное, разрывающее целостность мира, а поэтому в конечном счете ложнонаправленное, не дающее во всей полноте и богатстве реальную картину мира. Вот что в связи с этим пишет российский исследователь М.А. Жутиков: «Да, справедливы Ом и Максвелл, против них — одна только гибель живо-

го в плотинах, турбинах, вблизи передающих антенн, одно нагромождение энергетических узлов, теснящих жизнь в резервации, которые сжимаются, как шагреновая кожа; справедливы Карно и Клаузиус, против них — только отравление воздуха выхлопами двигателей Отто и Дизеля, горящие нефтепроводы, опрокинутые танкеры и бьющиеся в нефти птицы; верны формулы Циалковского-Мещерского, против них — всего-навсего разрыв озонового слоя атмосферы Земли и облитые токсикантом гептилом норы сусликов и гнезда змей; „всесильно” учение Маркса, против него — лишь мучительная гибель многих миллионов безвинных, разорения хозяйств...» [3, с. 151].

Мы уже можем не видеть, что вследствие постепенного обрыва корней, привязывающих человека к живым истокам, он очень быстро ослабляется. Взрослые люди лишь ценой невероятного напряжения успевают приспособиться к нарастающим новациям века, а подрастающие молодые становятся всё менее здоровыми. Стало быть, темпы и характер перемен неприемлемы и для них.

Вспомним высказывание Б. Паскаля на этот счет: «Последним выводом разума должно быть признание, что существует бесчисленное множество вещей, его превосходящих. Слаб тот разум, который не доходит до этого сознания» [4, с. 152].

Природные объекты обладают бесконечной сложностью, и всякое сведение этой сложности до заранее заданных параметров технических объектов оказывается ничем иным, как профанацией. Замена эволюционно возникающих способов самоорганизации природного и культурного миров научно-техно-бюрократической организацией оказалась не только не перспективной, но и просто смертельно опасной. Здесь всё дело в том, что природная эволюция породила великое многообразие факторов, которые планирующий и констатирующий научный разум ни открыть, ни понять в принципе не способен. Смеем думать, что в истинную глубинную суть бытия не проникнуть не только созвездия выдающихся научных гениев, но и всему совокупному интеллекту нашей планеты эта задача не по зубам. А вот многое искалечить на Земле может оказаться по силам и отдельным энтузиастам.

Вся проблема заключается в том, что рациональное сознание — сознание преобразующее.

Его целью является не приспособление к окружающему миру, а измененное, ускоренное преобразование объектов. Вместе с тем это сознание очень редко поднимается до такого уровня своего развития или глубины проникновения в сущность вещей, чтобы оно могло просчитать и предвидеть все последствия своего преобразующего вмешательства в противостоящую ему природную и социальную среду. В результате процесс преобразований часто осуществляется вопреки природе объектов, внутренней логике их бытия.

Проект преобразования и рационализации мира, выдвинутый в свое время европейским модерном, противоречит известному кибернетическому закону необходимого разнообразия, сформулированному У. Эшби. На деле всякие претензии «рационализировать» эволюционно возникшие природно-биологические и социокультурные объекты и процессы, заменить их управляемыми искусственными системами оборачиваются бесконечным обеднением и упрощением мира. Как отмечает О.Ф. Шибаров, «в искусственных системах порядок и разнообразие противостоят друг другу. Их создание основано на подавлении „помех” по принципу „отсечения” лишнего» [5, с. 29]. Заметим в связи с этим, что крылатая фраза Н. Коперника: «Природа довольствуется простотой и не терпит пышного великолепия причин», положенная в качестве одного из кирпичиков в фундамент европейской науки, таила в себе многие опасные интенции и разрушительные силы, которые себя обнаружили лишь в XX в. Мы, умудренные этим «веком внедрения», не можем не видеть симптомов качественной деградации практических успехов науки, ее глубинной неправоты в человекообразном смысле. Мы не можем уже не заметить, что при очередном внедрении вновь открываемых закономерностей в практику с нарастающей силой происходит подрыв жизненных сил природы, что в «гладких формулах научных обоснований скрывается извращенная целевая установка, полная холодной жестокости, подлого расчета и агрессии к природе» [3, с. 151]. Нам становится всё яснее, что по мере углубления знания наука не просто предвидит не всё: она предвидит всё менее. Ее развитие начинает всё с большим трудом поспевать за сложностью и опасностью ею открываемого. У нас уже нет сомнения, что

для своей искусственной жизни синтетический мир непрерывно востребует новой энергии, новых площадей, новых искусственных материалов и т. д., во всеоружии логики наполняя и далее на беззащитную земную жизнь.

Недооценка сложности объектов, подлежащих научно-техническому перевоссозданию и преобразованию, стремление насильственно снизить эволюционно сложившееся разнообразие мира во имя его лучшей управляемости, всеми силами насадить одномерность и однозначность – вот главные угрозы, которые представляет для человека как вида современная инструментально-техническая и безудержно потребительская цивилизация. Интересно, что адепты этой цивилизации (поклонники западноевропейского модерна) подходят к непонятной им сложности мира, не укладывающейся в априорные схемы модных учений, с болезненным недоверием: то, что непонятно и «избыточно», рассматривается как помеха, подлежащая немедленному устранению, квалифицируется как сопротивление прогрессу. Не из этих ли посылок исходят приверженцы однополярной глобализации мира, готовые во имя упрощающих рационализаций устлать путь прогресса жертвами народов и государств, не укладывающихся в абстрактную схему «нового мирового порядка»?

Поэтому, как бы нам тяжело ни было расставаться с привычными взглядами, мы должны согласиться с современной глобалистикой, показывающей на основе цифр и фактов, что продолжение сложившихся тенденций развития современной техногенной цивилизации уже в недалеком будущем – возможно при жизни родившегося поколения – будет непременно пресечено. К тому же теперь стало ясно, что проблемы, порожденные развитием техники, принципиально нельзя решить с помощью самой же техники, пусть даже еще более совершенной, что новая эффективная техника очистных сооружений, энергосберегающие технологии и другие достижения научно-технического разума не помогут избежать экологического коллапса, что при любых сценариях технического развития планета не выдержит техногенной перегрузки. Ибо глубинные корни экологического кризиса лежат в вытеснении техническим, искусственным естественного, натурального, в выхолащивании души и тела

человека, в превращении его в некое подобие робото-компьютерного устройства. Все дело в том, что технический прогресс воспроизводит на Земле процессы, к которым эволюционно не приспособлены ни окружающая природа, ни сам человек. Ведь в естественных условиях на Земле нет источников атомной энергии, термоядерных реакций, нет природных квантовых генераторов, не происходит в короткий промежуток времени массового образования материалов с новыми химическими свойствами, макротела не передвигаются со сверхзвуковой скоростью, не взлетают в космос многотонные массы и т. д. Все эти процессы являются инородными в макром мире Земли, нарушают эволюционно установившееся природное равновесие, создают эколого-кризисные состояния. Сегодня ставка на либеральную программу всемирной вестернизации на деле представляет собой губительную планетарную авантюру. Такая ставка превращает нас в людей, похожих на пассажиров «Титаника», абсолютно уверовавших в безопасность своего путешествия на этом чуде техники и поэтому суетно продолжающих выяснять отношения друг с другом, добиваться переселения из одной каюты в другую, хитрить и обманывать один другого.

Следует особо подчеркнуть, что все по сей день имеющие широкое распространение упования на прорыв в новую техническую эру, надежды на разрешение всех проблем современности путем новых научно-технических достижений представляют собой не что иное, как наивное самообольщение технического разума. Или не западноевропейские страны, сформировавшие фаустовскую культуру и прометеева человека – покорителя природы, повергли мир в пучину глобального экологического кризиса? И не от «западной» ли идеи сегодня исходят импульсы откровенной культуурофобии и техно-бюрократической унификации мира? Все теории «догоняющего развития» игнорируют главное – моральную устарелость техноцентрической модели развития, которая, хотя и обеспечивала в свое время мощный рывок Запада, сегодня ведет весь мир к тотальной экологической катастрофе.

Человеческая жизнь и деятельность гораздо шире и богаче рационализированных ее форм. В ней присутствуют внерациональные и даже иррациональные моменты, которые нуж-

даются в иных экспликациях, чем это характерно для науки с ее формами и критериями рациональности. Как бы нам не представлялась верной и «красивой» теоретическая схема получения путем «вырывания» и «выведывания» секретов у природы, но обратное ее «напяливание» на природу почему-то всегда оказывается невозможным без разрушения сложившейся в течение миллионов лет ее взаимосвязанной целостности и органичности. И это фактически обесценивающее научный анализ обстоятельство вытекает из того, что в живом мире нет «второстепенного», «лишнего», «ненужного».

На практике интенция ко всеобщему изменению мира всегда оборачивалась авторитарно-принудительной, насильственной направленностью политических лозунгов и действий, открывала путь последователям доктрины к волюнтаризму и экстремизму. В сущности, такой подход к действительности представлял собой противоестественную, нереальную задачу, таил в себе опасность деструкции, насилия и катастрофы. Не случайно сегодня многие авторы связывают учение К. Маркса и Ф. Энгельса о насилии как важнейшем средстве утверждения коммунистического идеала с их рационалистическими установками, видят в них основание данного учения.

Факты свидетельствуют, что глобальные проекты рационализации общественной жизни способны привести к беспрецедентному порабощению человека. Такие крупные исследователи, как Н. Бердяев и Х. Ортега-и-Гассет, уже давно отмечали, что тоталитаризм как жесткая система всеохватывающего контроля над жизнедеятельностью людей связан с вторжением в общественную и личную жизнь фактора техники. С их точки зрения, тоталитаризм в широком смысле есть власть техники, механизация социальных отношений, технизация стиля мышления и «машинизация» человека. Ни диктатура римских рабовладельцев, ни восточные деспотии не обладали возможностью такой концентрации бесконтрольной власти, которая появилась у современных государств благодаря развитию техники. Диктаторы нашего времени, в том числе и советские лидеры, смогли воспользоваться вкладом современной технологии в искусстве деспотии. По сравнению с тиранией техники, считают некоторые современные исследователи, в частности французский фи-

лософ Ж. Эллюль, все диктатуры выглядят пустячной забавой.

Некоторые противники критики рационализма утверждают, что, напротив, все наши беды от недостатка рационализма. Действительно, если иметь в виду некий идеальный, доведенный до совершенства рационализм, который в состоянии охватить бытие мира и человека в целом и во всех частностях, предвидеть всё, включая даже самые отдаленные последствия своего вмешательства в окружающую природную и социальную среду, который может всё уладить и разумно устроить на Земле, то они правы. Но такого рационализма история, к сожалению, не знала. А та рациональность, которая нам известна, далека от совершенства, таит в себе многие угрозы и опасности. Хотя человек посредством ее может оказывать определенное, даже очень сильное целевое воздействие на мир, но в целом окружающая действительность остается для него пока непредсказуемой и неподконтрольной.

Издержки рационалистического подхода к миру осознаются давно. Многие мыслители прекрасно понимали всю опасность притязаний. Так, критическая оценка разума имела место одновременно с развитием идей философии Просвещения в работах Д. Юма и Дж. Свифта. Реакция «справа» на буржуазно-демократическую революцию XVIII в. во Франции вызвала к жизни течение контрпросвещения в лице Берка, де Местра, Мен де Бирана и др., а также со стороны немецких романтиков, в том числе Шлейермахера. Х. Лео объявил просвещение «делом сатаны».

Вообще, сомнения в силе человеческого разума были, конечно, и раньше. Образ человека — властелина природы или меры всех вещей неизменно соперничал с образом человека — «ничтожного червя», игрушки судьбы, случайных обстоятельств и собственных страстей. Здесь достаточно напомнить об ужасе перед бесконечностью Вселенной Паскаля, который, в отличие от оптимизма философов эпохи Возрождения и их многочисленных последователей, впал в крайний пессимизм, в неверие в возможности человеческого разума, со всей остротой поставил вопрос о границах «научности», указывая при этом на превосходство «доводов сердца» перед «доводами разума». Можно также обратить внимание и на сомнения относительно

силы разума в трудах Шефтсбери и Хатчесона, которые разуму и трезвому расчету противопоставили бескорыстные «высших чувств», а образом подлинного постижения сущности бытия рассматривали не науку, а искусство. Сильный удар по просветительскому рационализму нанес Руссо, который, хотя и принадлежал организационно к энциклопедистам, явился весьма последовательным критиком многих интенций и установок просветительского сознания. Вслед за Руссо с всесторонней критикой рационалистических идей эпохи Просвещения выступил выдающийся немецкий философ И. Кант. Свою критику просветительского рационализма Кант дает в весьма широком социальном контексте. Так, на вопрос о том, можно ли ставить перед человечеством задачу преобразования общества на основе требований разума, как это пытались сделать философы-просветители, Кант отвечает отрицательно – нельзя. Слишком ограничен человеческий разум, слишком он привязан к сиюминутной выгоде, к миру явлений и ко множеству частных ситуаций, чтобы выступить основой программы общественных преобразований. В такого рода устремлениях разум принесет людям больше вреда, чем пользы. Что же тогда остается делать человеку? Ему остается сделать нравственный выбор только за себя и только на своем месте, прислушиваясь к голосу совести и действуя в соответствии с ней, полностью неся ответственность за каждый свой поступок. В своей философской системе Кант вынужден был ограничить разум верой, противопоставить теоретическому разуму практический. А многие русские религиозные философы пытались, к примеру, соединить рациональное знание с совестью, любовью и т. д.

Такого рода ситуация стимулировала интенсивный пересмотр и переоценку генетически связанных с просветительским рационализмом сциентистско-технократических концепций, в которых наука и техника выступают чуть ли не единственным фактором общественного прогресса, силой, способной обеспечить счастье и процветание людей. В противовес этим концепциям в современных индустриально развитых странах получило необычайно широкое распространение антисциентистское мировоззрение, носители которого, напротив, видят все беды века в развитии науки и техники, в бесчеловечной «рациональности». Так, например,

известные представители франкфуртской школы Адорно и Хоркхаймер в работе «Диалектика просвещения» (1947) предприняли попытку полностью развенчать просветительский рационализм как основной принцип философствования. Они истолковали просветительский взгляд на мир как укорененную во всех временах мертвецкую «рассудочную расчетливость», вырождающуюся ныне в античеловеческое господство «идеологии науки и техники» над общественной жизнью людей. После выхода в свет «Диалектики просвещения» критика традиционного для западноевропейского рационализма сциентистско-технократического мировоззрения только усиливалась. Так, современный западный исследователь Дж. Грей, выступая против инструментальной рациональности Просвещения, говорит о саморазрушительности «проекта» Просвещения: «Сегодня мы живем среди смутных руин проекта Просвещения, который был господствующим проектом современного периода. Если проект Просвещения... оказался саморазрушительным, то этот факт говорит о завершении современного периода, наследниками которого мы являемся» [6, с. 145].

Если поставить вопрос: имеет ли под собой в принципе основания критика просветительского рационализма за его стремления к безграничной сознательной и целенаправленной переделке природного и человеческого мира, то придется, учитывая трагический опыт XX в., ответить на него положительно.

В утверждении нового подхода к окружающей действительности призвана, как нам представляется, сыграть существенную роль формирующаяся в последнее время новая (постнеклассическая) рациональность, которую можно определить как *гуманистическую рациональность*.

Оптимальной для гуманистической рациональности может стать лишь та стратегия, которая предполагает осознание личной ответственности человека за совершенный им выбор, включает в себя рефлекссию над содержанием и мерой ответственности. В этом случае рациональность (как и разум в целом) становится средством осознания изначальной ответственности человека за свои поступки. Рациональность и ответственность как бы меняются местами: ответственность становится первичной по отношению к рациональности. Это означает

попытку установить пределы вмешательства человека в естественную динамику природы, общества, культуры, поставить наряду с вопросами «как?» и «почему?» телеологический вопрос «зачем?». Речь, собственно, идет об утверждении сферы духа — пневмосферы (термин П.А. Флоренского, которым он в своем письме В.И. Вернадскому предложил заменить понятие ноосферы), об обуздании антропоцентризма, коллективного и личного эгоцентризма, потребительского отношения к миру. Здесь важно исходить из того, что гуманизм не исключает сопротивление злу силой, что гуманитарное развитие общества невозможно, если не поставить преград на пути духовного растрепания всё возрастающего числа людей, совершающегося как ради получения сверхприбыли, так и ради извращенного самовыражения.

В той же мере, в которой исторический выбор необратим и его последствия не могут быть до конца просчитаны, необходимо знание запретов на некоторые социальные действия, потенциально содержащие в себе возможность катастрофических последствий. Вопрос заключается в том, чтобы преодолеть «хищническо-механические» устремления современной цивилизации и утвердить ориентацию сознания на постепенность, преемственность осуществляемых изменений, когда учитывается цена преобразований, революций, радикальных реформ. Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы непременно учитывать нравственно-практическую составляющую человеческой духовности как при определении целей, так и при выборе способов и путей ее достижения.

Подлинная гуманитарность должна освободиться от ограниченности антропоцентризма. Исторически получилось так, что понятие «антропоцентризм» весьма часто отождествляется с понятием «гуманизм». И для этого, на первый взгляд, есть основания: усматривая в человеке «властелина мира», «венец творения», антропоцентризм делает акцент на его самоценности, как бы возвеличивает человека. Однако это псевдогуманизм. В действительности подлинная гуманность связана с признанием не только самоценности человеческой индивидуальности, но и самоценности природы, т. е. с признанием принципа онтологического равенства человека и космоса. В сказанном нас убеждает печальный опыт XX в., который воочию показал, что ра-

зум как самое эффективное средство покорения мира и гуманность — это вещи всё реже и реже сопряженные. В системе мировоззрения и поведенческих реакций современного цивилизованного человека гуманистическая ориентация выступает отнюдь не как первостепенная. Выяснилось, что с цивилизацией вполне уживаются дикость, варварство и вандализм. В недалеком прошлом цивилизованные европейцы с целью насильственного захвата капитала не останавливались перед уничтожением сотен тысяч невинных людей из колонизируемых стран Азии, Африки и Австралии. А сегодня цивилизованные американцы не остановились во имя своих эгоистических и захватнических интересов перед применением в Ираке кассетных и вакуумных бомб, разрушением уникальных музеев и древнейших памятников культуры. Впрочем, это в традиции американцев. Это они в свое время впервые в мире применили чудовищное ядерное оружие в войне с Японией. Воистину, «цивилизованная дикость — самая худшая из всех дикостей» (К. Вебер).

Сегодня есть все основания предположить, что XXI в. станет временем труднопримиримой, жесточайшей борьбы за будущее, в которой многие участники будут сходиться с исторической арены, проваливаясь в историческое небытие. Похоже, всем здоровым силам современности, всем честным людям уже не избежать этой изнурительной борьбы, борьбы за гуманизацию социальной эволюции, за сохранение *homo sapiens*, за самоценность человека, который, не исключено, представляет собой совершенно уникальное явление во всей Вселенной.

Главный импульс борьбы за альтернативное будущее человеческого сообщества лежит в следующей плоскости: доминанта духовного над материальным, идей и духа против доминанты денег и паразитарного потребительства, стремлений к установлению на нашей планете принципов международной и социальной справедливости против устремлений к мировому господству сверхбогатых людей и к созданию всепланетарной империи капитала, к подчинению человечества глобальной власти денег в мировом масштабе.

Конечно, новые модели развития социума рождаются в ходе самих трансформационных процессов, в практике жизни, в сопротивлении злу, в борьбе добра со злом. И эта борьба уже

развернулась во всю горизонталь. Происходящие на наших глазах метаморфозы и тектонические сдвиги в общественном бытии людей уже не позволяют нам остаться в стороне, уклониться от осмысления проблемы адекватного объективным обстоятельствам исторического выбора, от определения новых целей, выдвижения альтернативных проектов и сценариев дальнейшего развития социума и от участия в борьбе за их реализацию.

Какой же выбор сегодня должен быть сделан?

На данный момент главное – избежать погружения человечества в новые «темные века», разрушения национальных государств, семьи, образования, науки, здравоохранения, не допустить вселенского всесмешения и реализации глобального проекта электронного концлагеря, т. е., по сути дела, предотвратить наступление нового цивилизационного варварства, новой варваризации.

Ныне многие мыслители как в России, так и за рубежом считают, что «достойным цивилизационным выбором человечества может стать *реальный гуманизм* – концепт, предложенный Марксом в ранних произведениях (до завершения формирования его взглядов как собственно марксистских) и заключающий в себе мировоззренческие предпосылки будущей, гуманистически более высокой цивилизации, которую можно назвать *цивилизацией реального гуманизма*, отвечающей интересам всех трудящихся во всех странах» [7, с. 11].

Действительно, сегодня человечеству необходим как воздух идеал «реального гуманизма» как цивилизации, возможной и желаемой для большинства населения Земли. Созидание такой цивилизации – длительный исторический процесс комплексных изменений, который можно предположить как следующую, *третью стадию* уже совершающейся модернизации человеческой цивилизации – ее *гуманистическую модернизацию*. В настоящее время можно говорить лишь о *возможности* и желательной подготовке такой модернизации. Участие или неучастие в ее подготовке – это и есть ее *реальный цивилизационный выбор*, который *может сделать* каждая страна, цивилизация или субцивилизация, каждый человек, гражданин и просто житель планеты Земля. Конечно, с учетом культурно-исторического своеобразия каждого такого субъекта» [Там же. С. 13].

Сегодня важно четко представлять, какие ценности культивировать, от каких отказываться и как всё это скажется на процессе гуманизации общественной жизни. Сравнительный анализ систем ценностей, сначала в теоретическом, а затем и практическом плане, – важнейшая потребность современности. Гуманитарное развитие к имеющимся видам контроля и экспертизы добавляет еще и аксиологическую экспертизу. Этот новый вид экспертизы должен выявлять и культивировать наиболее соответствующие гуманным векторы духовного развития человечества.

Чтобы сохранить себя, человечество должно решить две взаимосвязанные задачи:

1) обезопасить себя от духовного вырождения и деградации, саморазрушения себя изнутри в результате эрозии «экологии души», утери человеком человеческого;

2) обезопасить себя от разрушения внешней среды обитания, коллапса биосферы, эрозии «экологии природы».

В этом, возможно, и есть **смысл истории**.

Важнейшей предпосылкой гуманизации общества является социогуманитарное образование. Социогуманитарное общество – это *формирование человека в соответствии с некоторым образом, идеалом, выступающими концентрированным выражением – мировоззрения, доминирующего в той или иной культуре* [8, с. 77].

Из всего сказанного следует, что сегодня пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными, формами до-рационального и внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанных с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. Теперь, в начале 3-го тысячелетия, перед человечеством со всей остротой встала грандиозная задача – сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. Поэтому гуманистическая рациональность будет соответствовать

современным потребностям только в том случае, если она сможет вобрать в себя и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. *В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.*

К сожалению, люди пока еще в большинстве своем весьма далеки от понимания всего этого. Да и ход истории, в целом, пока не дает ответа на вопрос: какое направление развития человечества возобладает — тенденция духовного подъема или тенденция деградации? Не исключено, что людям предстоит тяжелые испытания, прежде чем они смогут осознать, что нынешние интересы (финансовые, потребительские и т. д.) человека должны быть согласованы с интересами его совместной выживаемости с окружающей природой. И здесь, кстати сказать, могут оказаться весьма полезными возросшая роль субъективного фактора истории, расширившиеся возможности современного социального субъекта. Ведь в конце концов мощь и сила субъективного фактора истории может быть направлена не только на разрушение и деструкцию, но и на созидание,

на утверждение гуманистических начал в развитии социума. И это в принципе возможно на любом этапе современного исторического процесса. Ибо история, как это нам хорошо известно, не запрограммированный, окончательно предзаданный процесс. Она всегда так или иначе открыта для исторического творчества. В ситуации, когда нет альтернативы от скатывания в пропасть, когда ни одна из реальных возможностей не в состоянии удовлетворить, активный социальный субъект может осуществить творческий прорыв, который следует интерпретировать как «возможивание невозможного» (С.А. Левицкий). Тому есть, кстати сказать, немало исторических примеров. Так, в частности, известный российский исследователь Л.Н. Гумилёв, исследуя проблему этногенеза, указывает, что бывают ситуации, когда ценности и идеи какой-либо группы единомышленников (консорции), стоящих у истоков нового этноса, а шире сказать — новой организации социума, оказываются способными весьма быстро овладеть «критической массой» и «развернуть» ход истории самым неожиданным образом [См. 8, с. 79].

И действительно, человек по сути своей — не марионетка внешних обстоятельств (сложившихся экономических отношений, «дискурсивных практик»), но существо творческое, субъект исторического выбора и действия. Поэтому будущее в значительной степени станет таким, к которому он будет стремиться и за которое он будет бороться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесников А.А. Когнитивные возможности синергетики // Вестн. Рос. акад. наук. 2003. Т. 73, № 8.
2. Жутиков М.А. Этюд о простоте // Москва. 2002. № 10.
3. Жутиков М.А. Технологическая цивилизация: смена знака // Москва. 2001. № 7.
4. Паскаль Б. Мысли. М., 1994.
5. Шибаров О.Ф. Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход): дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998.
6. Gray J. Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the close of the Modern Age // Routledge. 1995. No. 9.
7. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4.
8. Сагатовский В.Н. Что такое гуманистическое развитие общества // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 3.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович – Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; dkuznec@list.ru

КИРВЕЛЬ Ольга Чеславовна – Белорусский государственный университет; o.kirvel@gmail.com

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Иванович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; dkuznec@list.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] A.A. Kolesnikov, [Cognitive possibilities of synergetics], Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 73 (8) (2003).

[2] M.A. Zhutikov, [Etude of Simplicity], Moscow, 10 (2002).

[3] M.A. Zhutikov, [Technological civilization: change of sign], Moscow, 7 (2001).

[4] B. Paskal, Mysli [Thoughts], Moscow, 1994.

[5] O.F. Shibarov, Effektivnost' politicheskogo upravleniya (sistemno-kiberneticheskiy podkhod) [The effec-

tiveness of political management (the system-cybernetic approach). Doct. diss.], Moscow, 1998.

[6] J. Gray, Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the close of the Modern Age, Routledge, 9 (1995).

[7] N.I. Lapin, [Fundamental values of the civilizational choice of mankind in the 21st century], Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 4 (2015).

[8] V.N. Sagatovskiy, [What is the humanistic development of society], Sotsial'no-gumanitranoye znaniye [Socio-Humanitarian knowledge], 3 (2002).

KIRVEL Cheslav S. – Yanka Kupala State University of Grodno; dkuznec@list.ru

KIRVEL Olga Ch. – Belarusian State University; o.kirvel@gmail.com

KUZNETSOV Dmitriy I. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; dkuznec@list.ru

Received 15.06.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8309

УДК 17, 122/129

ДОСТОИНСТВО КАК ПЕРВОПРИНЦИП КУЛЬТУРЫ ИЛИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ЭГОИЗМА»

В.В. Кузнецов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается одно из наиболее существенных противоречий во всей проблематике достоинства – между нравственной ценностью личности и социальной значимостью индивида. Целью работы является очерчивание контуров данного противоречия, позволяющее рассматривать новые горизонты смыслогенеза. В качестве методов исследования выступают метод системного анализа, принцип единства исторического и логического, метод культурно-исторического сравнения. Автором предложен иной, смещенный взгляд на казалось бы очевидные вещи и сюжеты. Единство и противоположность между достоинством как первопринципом культуры и достоинством как проявлением законов социальности является одной из форм фундаментального противоречия между достоинством как жизнью и жизнью как достоинством. Разрешение данного противоречия может предполагать как отрицание достоинства, так и его утверждение. И то, и другое в равной степени доказательно и опровержимо. Результаты работы – артикуляция как тождества, так и различия между первопринципом культуры и социальным законом «экзистенциального эгоизма»; выявление следующего парадокса: всё то, что безусловно осуждается культурой как нарушение ее первопринципа, как недостойное поведение (лесть, угодничество, карьеризм, подсиживание, наушничество, доносы), на самом деле есть социальная норма как проявление законов социальности, и наоборот, то, что превозносится культурой (героизм, подвижничество, святость), является исключением из нормы, бросающим вызов «нормальной повседневности». Но именно принцип достойного существования – необходимая стратегия позитивной сборки, он стягивает, собирает и удерживает культуру. Именно это соединяет и сплачивает, собирает и удерживает.

Ключевые слова: культура; достоинство; первопринцип культуры; законы социальности; закон «экзистенциального эгоизма»; социальная норма; ресентимент; элита; масса

Ссылка при цитировании: Кузнецов В.В. Достоинство как первопринцип культуры или как проявление закона «экзистенциального эгоизма» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 90–100. DOI: 10.18721/JHSS.8309

DIGNITY AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF CULTURE OR AS A MANIFESTATION OF THE LAW OF THE “EXISTENTIAL SELF”

V.V. Kuznetsov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with one of the most significant contradictions in the whole issue of dignity: between the moral value and social significance of the individual. The goal of this

study is in outlining this contradiction, allowing to consider new horizons in the genesis of sense. The research methods are the method of system analysis, the principle of historical and logical unity, the method of cultural and historical comparison. The author proposes a different, shifted look at the seemingly obvious objects and themes. The unity and contrast between dignity as a fundamental principle of culture and dignity as a manifestation of the laws of sociality is a form of fundamental contradiction between dignity as life and life as dignity. The resolution of this contradiction can imply both a denial of dignity, and its confirmation. Both are equally provable and disprovable. The result of the study is in establishing the equality and differences between the fundamental principle of culture and the social law of the “existential self.” Another result is the following paradox. Everything that is unequivocally condemned by culture as a violation of its fundamental principle, as misbehavior – flattery, servility, careerism, scheming, slander, denunciation – all of this is actually the social norm, as a manifestation of the laws of sociality. Conversely, something that is glorified by culture – heroism, asceticism, holiness – is an exception to the norm, challenging the “normal everyday life.” But it is the principle of worthy existence that is a necessary strategy for positive assembly, pulling, collecting and holding the culture. This is what connects and unites, collects and holds.

Keywords: culture; dignity; a fundamental principle of culture; the laws of sociality; the law of the “existential self”; social norm; resentment; elite; mass

Citation: V.V. Kuznetsov, Dignity as a fundamental principle of culture or as a manifestation of the law of the “existential self”, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 90–100. DOI: 10.18721/JHSS.8309

Введение

Достоинство человека есть феномен культуры, так как именно в пространстве культуры происходит его формирование. Основанием становления личностного достоинства является причастность индивида к культуре, несение человеком в себе ее образа. Культура формирует высокие идеи и смыслы, значимые нравственные ценности, составляющие тот самый высший человеческий уровень, уровень «первородства», возвышающий человека над присущим ему животным содержанием, т. е. над уровнем «чечевичной похлебки». Культура предлагает индивиду личностные образцы, достойные подражания, и модели достойного поведения. Следуя достойным жизненным примерам, одухотворяясь высокими идеями, ценностями и смыслами, человек становится личностью, субъектом, преодолевая состояние объекта.

Средоточие культуры, ее первопринцип есть принцип достойного существования. Этот принцип конституирует саму культуру, стягивает, собирает, удерживает ее. Это и есть столь необходимая сейчас стратегия позитивной сбор-

ки в противовес стратегиям сборки негативной, таким как страх мировой термоядерной войны, террора, глобальных катастроф. Необходимо то, что соединяет и сплачивает, что держит и утверждает. Личностное достоинство формируется как соответствие человеческого поведения данному принципу. Социальная стратификация в идеале выстраивается в соответствии с древним нравственным принципом воздаяния почета и славы героям и позора – трусам [1], впоследствии интерпретированным П.А. Сорокиным [2] как «преступление и кара, подвиг и награда». В соответствии с данным принципом, выше в социальной иерархии находится тот, кто имеет большие заслуги перед родом, народом, Родиной. Именно принцип достойного существования делает нравственно оправданным «пафос дистанции», выделяющий лучших людей из остального общества. Ф. Ницше прав в том, что данный пафос «рождает более таинственный пафос внутри самой души» [3, с. 717].

Впервые то, что мы называем первопринципом культуры, было сформулировано Аристотелем, который представил в своих трудах блестящий анализ чести [1]. В дальнейшем

сама идея поощрения различными формами культуры достойного поведения и порицания нравственно недостойного поведения затрагивалась в работах такого мыслителя, как Н. Макиавелли [4], русско-американского социолога П.А. Сорокина [2], других авторов. Но недостаточно только сформулировать принцип, т. е. буквально «начало». Необходимо развить его в систему, исследовать культуру как таковую, т. е. культуру в гегелевском смысле, с точки зрения того, что сама культура учреждается своим первопринципом – принципом достойного существования. Одновременно культура решающим образом формирует личностное достоинство членов социума. Затем возникает следующая проблема. Необходимо понять, что же препятствует реализации первопринципа культуры? Существуют ли пределы возможностей его реализации? Постепенно формируется исследовательская традиция, представленная такими авторами, как Н. Макиавелли [4], Т. Гоббс [5], Б. Мандевиль [6], Ч. Дарвин [7]. Свое логическое завершение данный исследовательский подход получил в новом оригинальном научном направлении, впервые разработанном А.А. Зиновьевым [8] и получившем у него наименование «логическая социология». Суть данного подхода – выявление и обоснование социальных законов, ядром которых является закон «экзистенциального эгоизма». Соответственно мы проводим различие между культурой и социумом, основываясь как на тождестве, так и на противопоставлении первопринципа культуры социальному закону «экзистенциального эгоизма».

Постановка проблемы и цели исследования

В основу западного теоретизирования и соответственно западного проекта науки была положена не парадигма совершенства, разработанная Аристотелем, а парадигма свободы (свободы воли), разработанная софистами.

Как показывает современный исследователь Н.М. Чуринов (одним из первых в XX в. это сформулировал А.Ф. Лосев [9]), именно Аристотель «впервые поднялся до уровня различения двух типов теоретизирования и выявления для каждого из двух типов фундаментальных оснований. С одной стороны, перед ним представляли фантазмы, т. е. теоретические химеры софистов, нечто мыслимое без соотнесения с

внешним миром, изобретенное, преследующее идеалы принципиальной непознаваемости мира, отсутствующее необходимость познания мира, защищающее возможность произвольного переустройства мира. С другой стороны, существовало убеждение в необходимости и возможности познания законов естества природы и общества и деятельном совершенстве следования этим законам. Перед Аристотелем развертывалась диалектика, раскрывающаяся явлениями совершенства, гармонии и красоты, а также явлениями всеобщей связи, единства мира и т. п. Аристотель, во-первых, различил две эти стороны теоретического освоения человеческого мира; во-вторых, он следовал представлению о том, что мир познаваем, и, в-третьих, отдал предпочтение диалектическому (космическому) проекту науки» [10]. Таким образом, Аристотель сформулировал принцип совершенства, лежащий в основе космического проекта науки, согласно которому в процессе познания необходимо соединить лучшее и совершенное, когда лучшее получает свое завершение в совершенном. Данная стратегия познания, разработанная Аристотелем, сейчас способна выступить альтернативой господствующему западному способу теоретизирования и западной науке в целом, имеющей целью завоевание господства над природой и обществом. Эта стратегия, с одной стороны, дала поистине грандиозные научно-технические результаты, с другой стороны, породила нынешние глобальные проблемы, которые в принципе не могут быть решены, если мы остаемся на позициях западного способа теоретизирования. Если (западная) наука сохранит прежний вектор своего развития, то это с необходимостью приведет к уничтожению человечества.

Философская позиция, согласно которой достоинство есть первопринцип культуры как принцип достойного существования, соответствует парадигме совершенства, лежащей в основе аристотелевского космического проекта науки. Позиция же, согласно которой достоинство есть проявление социального закона «экзистенциального эгоизма», соответствует парадигме свободы воли, лежащей в основе западного, по своей сути софистского, проекта науки. Целью нашего исследования является понимание сущности достоинства, рассматриваемого в оппозиции двух исследовательских

парадигм – принципа совершенства и основанного на нем космического проекта науки, иными словами – «этики любви», и принципа свободы (воли) ученого и основанного на нем западного универсалистского проекта науки или «метафизики своеволия» (в терминологии Ю.Н. Давыдова [11]).

Методология

Методологический принцип нашего исследования – единство логоса и этоса. Это значит, что философия должна явить себя в своей ответственности не только за истину познания, но за истину, способную определить стратегию достойного человеческого существования. Философия, как «строгая наука», есть методология, т. е. учение о (правильном) способе достижения истины. При постановке вопроса «что есть истина?» в данной логике с необходимостью следует ответ, что истина есть то, к чему приходит наука, руководимая правильной методологией, т. е. истина есть то, к чему с неизбежностью ведет (правильное) мышление. При этом вне нашего рассмотрения оказывается нравственный аспект истины [См.: 11]. Наука как таковая, предоставившая человеку огромные возможности покорения природы и общества, оказалась не в состоянии сделать человека лучше, породив глобальные проблемы, угрожающие самой жизни на Земле. Эти проблемы в принципе не могут быть решены в рамках ныне господствующего проекта науки и соответствующих этому проекту стандартов рациональности. Значит, надо осуществить иной проект науки, нужен иной способ теоретизирования. Необходимы постепенное (диалектическое) *снятие* самого западного способа теоретизирования, т. е. его *отмена*, и одновременно *сохранение* (его лучшего и наиболее достойного содержания). Необходимо возвращение к собственно человеческому, т. е. нравственно ориентированному мышлению. Это значит, что одной из главных задач современной эпохи является осуществление консервативной научной революции в самом строгом смысле, т. е. отрицание западного способа теоретизирования с одновременным сохранением его великого содержания. При возвращении к первоначальному (истинному) значению концепта «революция» эпитет «консервативная» представляется излишним. Революция есть уничтожение ложного содержания

и ложной формы и возвращение (что показывает частица *ре-*) к истинному содержанию и истинной форме, утраченным в ходе исторического развития.

Различные же вариации философии как «строгой науки» исходят из того, что истина есть гносеологическая категория. Соответственно, рассуждая логически, мы определяем высказывания как истинные, ложные и неопределенные. Но при постановке проблемы своей онтологической укорененности человек приходит к иному пониманию истины. Истину нельзя знать, скажет С. Кьеркегор, в ней можно только быть. Сначала быть, потом действовать и уже потом из бытия и из рискованного действия – знать (так сформулировал подлинный метод философии И.А. Ильин). Именно таков был путь Сократа, который впервые поставил античному миру вопрос: изучима ли и определима ли вообще добродетель? По мысли Ильина, данный вопрос до сих пор сохраняет свое значение, причем для всей философии. Ответ на него заключается в том, что философ, «желающий успешно исследовать свой предмет, должен реально-опытно переживать его и тем самым осуществлять его».

Соответственно истина не есть гносеологическая категория. Истина есть то, что определяет нашу укорененность в бытии, стратегию достойной разумной жизни. Истина – это знание, определяющее человеческую жизнь. Это и есть Логос как универсальный закон бытия. Подобным образом понимаемая истина являлась главным предметом русской философии. Именно вопрос об источнике истины, той истины, без которой человек не может жить, – основной вопрос русской философии. Современная философия должна развиваться как этический проект, что предполагает *возобновление* развития содержания античной философии как способа достойной жизни. В гегелевском смысле это значит одновременно *возвращение* к содержанию античной философии как образу жизни и *обновление* этого содержания в условиях современной реальности. Это и есть подлинный метод философии, совпадающий в гегелевском смысле с ее предметом.

Каково социокультурное содержание принципа чести и достоинства? Выживание рода, народа, Родины требует прежде всего вооруженной защиты, т. е. войны. Поэтому культу-

ра начинается с армии, в частности, по оценке В.В. Кожина, «русская культура началась в дружине». Выживание и, тем более, экспансия требуют всеобщего вооружения рода, племени, народа. При этом из всех вооруженных мужчин происходит выделение касты отборных воинов. Именно они и составляют аристократию как власть лучших людей. Поэтому именно боевой порядок есть основание социального порядка как такового. Именно принцип чести, будучи первоначалом культуры, находится в основании космоса. Нравственно достойным является то, что способствует успешной вооруженной защите рода, народа и Родины, а безнравственным и недостойным — всё то, что способствует поражению своего народа. Значит, необходимость обороны предопределяет изначальность *долга* перед народом и Родиной, являющегося основой чести и достоинства. Достойный человек — это человек, добросовестно исполняющий свой долг. Иначе можно сказать, что должное это и есть хорошее, достойное. По отношению к членам рода это в первую очередь необходимость воевать. Это принцип служения. Подчиненное положение по отношению к военному делу в иерархии служения занимают мирные обязанности: учить, лечить и строить.

Можно сказать, что честь и достоинство есть «олицетворенный долг». Таково понимание человека в святоотеческой традиции. Первопринцип культуры проявляется в необходимости рисковать жизнью, терпеть страх боли и страх смерти в пределе, терпеть страх и боль пытки за пределами. Изначально существует замкнутость долга перед общиной на значимость индивида. Должное есть необходимое, значит, требуемое возможное, иногда требуемое невозможное, становящееся возможным. Исполнение должного, необходимого и достойного проявляется в высоком самоуважении и уважении других. Итак, человек значим, если он достойно исполняет свой долг, ничтожен, если проявляет слабость и малодушие при выполнении «общего дела». Чувство и сознание собственной значимости многократно возрастают благодаря сакрализации долга: это не только почетная, но и священная обязанность. Достойное поведение освящено и прославлено, соответственно недостойное предается как позору (так работает механизм чести), так, в пределе, и проклятию (здесь свою роль играет сакральная традиция).

Но необходимо различать достоинство как моральное качество личности и достоинство как социальную значимость человека. Эта значимость формируется не только в аспекте следования первопринципу культуры, но и в аспекте реализации индивидом законов и принципов коммунальности (социальности, в терминологии А.А. Зиновьева). В этом контексте достоинство человека — это чувство и сознание социальной значимости его общественной позиции. Это может быть чувство и сознание превосходства своего социального статуса. Люди испытывают уважение к высокой социальной позиции как таковой. Человек, занимающий высокую позицию, признается успешным и соответственно достойным. Общественное сознание уважает социальный успех в силу самого факта этого успеха: «победителей не судят». Религия, например христианство, также предписывает уважение к начальнику, ибо он «не зря носит меч». Индивид получает почет и материальные блага, соответствующие престижности его социальной позиции.

Проблема, которая при этом возникает, заключается в следующем. Являются ли мораль, религия, право детерминантами поведения или они не более чем некоторое ограничение законов и принципов социальности? [8, с. 14–15]. Социальные законы проявляются в том, что каждый индивид стремится занять более высокую социальную позицию, по возможности улучшить ее и, по крайней мере, не утратить. Что такое ресентимент с точки зрения проявления законов социальности? Если человек всегда стремится занять высокую социальную позицию, то это означает фактическое доминирование морали ресентимента. Ведь человеку свойственны чувство зависти и желание мести более удачливому сопернику на занятие выгодной социальной позиции. Это и есть «человеческое, слишком человеческое», если использовать выражение Ф. Ницше. Это может быть месть воображаемая, идеальная: воля Бога или естественный порядок вещей приведут к многократному унижению наших счастливых соперников и обидчиков. Их неизбежное унижение совершится «здесь и теперь» или «по ту сторону» существования. Таково изначальное понимание ресентимента у Ницше. Это может быть моя собственная воля, когда я сам сумею должным образом в реальной жизни унижить

своего врага, видя в этом торжество «высшей правды». В той же степени, что и массам, ресентимент свойственен и элитам. Это проявляется и в стабильные периоды, и во время кризисов. Революцию можно анализировать как взрыв ресентимента. Таким образом, ресентимент есть психологическое проявление действия законов социальности. Он не уродливое исключение, а норма, закон. Ресентимент проявляется как комплекс зависти, ненависти, обиды и мстительности по отношению к другим индивидам, которые более преуспели в реализации закона «экзистенциального эгоизма». Это не только черта «низов» общества. Проявления достоинства, чести, жертвенного героизма номинально превозносятся, но реально существование достойного подобно «белой вороне», которая служит вызовом нормальному проявлению законов социальности. Данные законы постепенно выдавливают всё достойное. Это особенно справедливо для современного мира.

Но статус индивида всё же зависит и от заслуг, первоначально прежде всего от заслуг рода, в Новое время главным образом от личных заслуг. Аристократия исторически есть первая форма меритократии (т. е. власти заслуг). Социум предполагает иерархическую дифференциацию. Поэтому проблема заключается в отношении первопринципа культуры к законам социальности. В соответствии с принципом чести достойные люди благодаря своим заслугам имеют более высокий статус, почет и долю общественных благ. Реальные достижения получают заслуженное общественное признание. В этом, собственно, и проявляется меритократия как власть (достойных) качеств. С другой стороны, существуют законы социальности, определяемые А.А. Зиновьевым как законы «экзистенциального эгоизма» [8, с. 14]. Это уже иной принцип: более высокий статус имеют талантливые карьеристы, интриганы, люди изворотливые, более ловкие. Побеждает здесь не деловой аспект, в котором объективно сильнее самый храбрый воин, умелый военачальник, искусный дипломат, опытный лекарь. Не менее важен в социуме так называемый коммунальный аспект. Здесь уже иные основания для успешной деловой карьеры, более удачлив тот, кто ближе к вождю, старейшинам и жрецам. Здесь побеждает «гений общения», причем часто независимо от своих деловых качеств.

Поэтому возможное решение проблемы можно сформулировать так: честь и достоинство — это первопринцип культуры, конституирующий саму культуру, но честь и достоинство — это и проявление социального закона «экзистенциального эгоизма».

В период архаики лучшим воинам, в сражениях убивавшим врагов, доставалось наибольшее количество женщин (естественно, лучших) и свиней (тоже лучших). Воинам, находившимся в битве в более безопасном месте и не убивавшим врагов, были положены только одна жена и одна свинья, да и тех лучшие воины могли у них отобрать, и первые не имели права этому сопротивляться [12]. А.С. Пушкин выразил данную первобытную интуицию так: кто боя не знал, тот «милых жен лобзаний не достоин». Это древнейший принцип, во многом справедливый. Можно жить, постоянно уклоняясь от опасностей, но тогда не надо обижаться, что плохому воину положена только одна жена и одна свинья, да и тех могут отобрать в любой момент.

Аристотель сформулировал древний принцип предельно просто: «Слава героям, позор трусам». У П.А. Сорокина он интерпретирован как «преступление и кара, подвиг и награда». Поощрение и наказание, одобрение и порицание, наказание и награда, почет и позор, отверженность и спасение как воздаяния за границами существования, слава и хула (порушение), память и забвение выступают в качестве проявления первопринципа культуры.

Но следует признать, что существуют дисциплинарные пространства культуры, в которых достоинство как первопринцип не работает. Различны ад ленинградской блокады и ад колымских лагерей, описанный В. Шаламовым. В условиях чудовищного голода ленинградцев поддерживала идея «общего дела» — чувство и сознание необходимости выстоять вопреки всему, дать отпор врагу, для которого голод был «смертью, засланной им в город», по выражению блокадников [13]. Это объединяло практически всех, по крайней мере большинство, и давало силы и смысл для личного сопротивления. В условиях колымских лагерей не было такого «общего дела», объединявшего усилия всех и дававшего силы каждому. Не было и чести как верности «общему делу». Оставалась только личная честь — не стать стукачом, лагер-

ной Шехерезадой, палачом. Была единственная стратегия сборки, объединявшая всех, но сугубо негативная – желание выжить любым способом. Здесь не «общее дело», здесь работает другой принцип – «умри ты сегодня, а я завтра». Здесь работают именно законы социальности в своем чистом виде, мало ограниченные религией, моралью, правом. Здесь и войну воспринимали совершенно иначе, чем на Большой земле. Например, услышав известие о Победе, Андреев, герой рассказа Шаламова [14], просто «отвернулся к стене – у него поднялась температура». По сути, Шаламов противопоставляет две правды – правду Великой Победы и правду Колымы. Как можно выдержать подобное противопоставление? Возможно ли их соединить? Тюрьма, зона – это совершенно особый мир. В работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко описывает всё это пространство как то, что культура «выбрасывает» из себя. Но исследуя именно то, что культура «выбрасывает», можно понять, что представляет собой сама культура.

Итак, законы «экзистенциального эгоизма» находятся в сложном единстве с первопринципом культуры. Человек у Зиновьева есть индивид, социальный атом, полностью подчиненный неумолимым социальным законам. Тем не менее достоинство всё же есть социальная, культурная, нравственная норма. Культура – это совокупность норм, запретов, императивов. Система норм образует социальный порядок. Нравственные нормы восходят к табу, изначальным запретам. При этом самое страшное табу отнюдь не половое [15]. Самое грозное табу – запрет предавать. В позитивном смысле принцип достоинства проявляется в модусах признания, наград, почестей, славы, бессмертия. Сама воля к жизни многократно усиливается в векторе воли к достойной жизни. В негативном смысле принцип конституируется как страх главного смертного греха – предательства, а отнюдь не гордыни. Именно предательство считалось главным грехом у первых христиан [16]. Первое и главное табу не инцест или иное, например половой запрет, не запрет убийства своего сородича, важнейший для выживания общности, но предательство. Это самая фундаментальная норма – не предать свой род, народ, Родину. В позитивной форме в виде императива это формулируется в жесткое и безусловное требование верности. Это основа вы-

живания рода, народа, Родины как целого. На уровне социальной физики любая общность во враждебном мире решает двойственную задачу выживания и экспансии. Главный принцип спасения целого – жертвенное усилие каждого представителя общности. В зависимости от степени данного усилия выстраивается иерархия общности. Именно поэтому законы социальности в очень существенном смысле ограничены принципом чести и достоинства как законом выживания социальной общности.

В работе «О военном искусстве» Н. Макиавелли отмечает: «В древности могучим средством удерживать солдат в повиновении были религия и клятва верности, произносившаяся перед выступлением в поход; за всякий проступок им грозила не только человеческая кара, но и все ужасы, какие может ниспослать разгневанный Бог. Эта сила, наряду с другими религиозными обрядами, часто облегчала полководцам древности их задачу и облегчала бы ее всюду, где сохранился страх Божий и уважение к вере. Серторий уверял свои войска, что победа обещана ему ланью, которая общается с богами; Сулла толковал им о своих беседах со статуей, увезенной из храма Аполлона; а во времена отцов наших французский король Карл VII, воевавший с англичанами, говорил, что ему подадут советы девушка, ниспосланная Богом, которую всюду называли Девой Франции и которой приписывали победу» [17, с. 162].

Верность в пределе соблюдается жертвенной гибелью. Предатель же одновременно презираем с точки зрения принципа чести и проклят с точки зрения достоинства как предостояния. И то, и другое формируется в культуре изначальное. Человеческие объединения, не утвердившие и не соблюдавшие данный базовый принцип, прекратили свое историческое существование. Не предать, «тотальная решимость идти до конца» в японской традиции – мэцкей сутеми, в православии «будь верен до смерти», «претерпевший до конца спасется» – таковы различные формы проявления принципа достойного существования. Именно успешное осуществление данного принципа обеспечило силу и жизнеспособность великих империй и блистательных культур. Девиантное (отклоняющееся) поведение по отношению к данной норме – залог гибели некогда великих цивилизаций.

Предательство – главный грех. На этом негативном основании строятся культура в целом и ее сакральное «ядро». Нельзя предать своих: род, семью, Отечество, церковь. Поэтому рискованное и жертвенное поведение в негативном смысле основывается на стыде, в пределе – позоре как публичном презрении к отступнику, трусу, предателю. Он более не признается в качестве человека, но в качестве ничтожества, что является, по справедливой оценке П.Я. Чаадаева, «самой тяжелой мукой для человека разумного». Но качественно сильнее даже позора как морального «дна» «бездна» проклятия. В соответствии с первопринципом культуры строится и космос загробного мира Данте Алигьери [18]. В самой сердцевине ада находятся предатели как «обманувшие доверие», «предатели друзей», «предатели родины», «предатели величия и славы». В объятиях Люцифера – Иуда Искариот. Самым презренным пороком поэт считал трусость.

Итак, принцип чести и достоинства сакрален. Предательство есть одновременно позор и святотатство. А есть ли шанс у предавшего вернуться к своим, вновь встать на истинный путь или отречение окончательно и бесповоротно делает человека отверженным на «веки вечные»? Это сложный вопрос. С точки зрения последовательно проведенного принципа чести одновременное отречение всех или большинства воинов не оставляет никаких шансов армии и народу. Предательство необратимо. Пути назад навсегда отрезаны. С другой стороны, с точки зрения непреклонной чести оступившемуся предоставляется возможность кровью искупить свою вину перед родом, народом, Родиной. Православная традиция исходит из того, что шанс искупить великую вину предательства Христа был даже у Иуды. Как это формулирует М.М. Бахтин, человек жив, пока не сказал своего последнего слова.

Если рассматривать значение культуры с точки зрения принципа достойного существования, то культура решает задачу воспроизводства элит, соответствующих изначальному смыслу данного понятия. В противном случае невозможно позитивное развитие страны и вполне вероятны ее деградация и гибель. Поэтому необходимо воспитание новых достойных поколений на примере героев, святых, гениев, мучеников. Культура решает задачу утвержде-

ния человеческого достоинства как сильных духом, так и слабых, каждый должен найти свое достойное место. В этом смысле достойные образцы, существующие в культуре, моделируют достойное поведение новых поколений. Культура создает достойные личностные образцы, моделирует поведение молодежи в соответствии с этими образцами. Героические примеры воспламеняют дух молодых бойцов, высокохудожественные произведения искусства возвышают души их читателей.

Проблема разрешается следующим образом. 1. Культура воспитывает различные типы достойных людей и решает задачу воспроизводства элит, без которых немислимо никакое развитие. Первопринцип культуры проявляется не только в признании заслуг за воинский героизм, но и иных человеческих свершений, таких как научный гений, конструкторский талант, художественная одаренность, спортивные рекорды. 2. Культура также формирует человеческие типы, угодные власти, реализуя тем самым законы социальности. Вторую позицию сформулировал М. Фуко, показавший, что социум «интегрирован в самые потаенные уголки сознания и бессознательного». В этом случае власть получает не поколения, обладающие достойными качествами, а людей, послушных власти, удобных, конформных, к которым легко применимы манипулятивные технологии. Поэтому происходит уже не «восстание масс» [19], а «восстание элит» [20]. Наступающий век действительно становится веком «толп», и мы близки к постчеловеческой ситуации, предполагающей не наступление сверхчеловека, а тотальную деградацию человеческого типа.

В реальности культура одновременно вынуждена решать обе данные задачи. Формируются достойные люди в деловом аспекте, в то же время управляемые индивиды в аспекте коммунальном. Главная беда приходит тогда, когда вполне необходимый в обществе аспект подчинения раздувается до такой степени, что, безусловно, преобладает послушный, угодливый и конформный тип человека, которым удобно управлять, но он совершенно беспомощен в деловом аспекте.

Результаты исследования

Итак, в негативном смысле принцип достойного существования конституируется как

страх главного смертного греха – предательства, а отнюдь не гордыни. Именно так было у первых христиан. Первое и главное табу не инцест или иное, например половой запрет, не запрет на убийство сородича, важнейший для выживания общности, но предательство. В позитивном смысле принцип достоинства проявляется в модусах признания, наград, почестей, славы, бессмертия. Собственно достоинство мы определяем как реализацию высоких идей, смыслов и ценностей, которые в библейском смысле образуют уровень «первородства» в отличие от базовых жизненных потребностей, образующих уровень «чечевиной похлебки», т.е. уровень самосохранения индивида.

Достоинство есть первопринцип культуры. Но достоинство – это и проявление социального закона «экзистенциального эгоизма». Сам этот закон проявляется, с одной стороны, в ловкости и изворотливости в стремлении к выживанию, в том числе и к выживанию любой ценой, что предполагает полную утрату достоинства. Значит, первопринцип культуры и данный социальный закон противоположны. Но, с другой стороны, «экзистенциальный эгоизм» предполагает и совершенно иное – рискованное и жертвенное поведение, реализующее первопринцип культуры. Цель такого поведения – личностное самоутверждение. Значит, «экзистенциальный эгоизм» не является сам по себе проявлением непременно низкого, тем более низменного человеческого содержания. Он сложен и двойственен. Закон «экзистенциального эгоизма» предполагает следование первопринципу культуры. Человек стремится выжить, боится смерти, но более всего страшится бесчестия, которое является результатом предательства. Человек более всего страшится быть ничтожеством, поэтому и сохраняет честь в невероятных испытаниях, но страшится он, именно проявляя тем самым «экзистенциальный эгоизм». Таким образом, как в выживании любой ценой, так и в жертвенности проявляется один и тот же закон «экзистенциального эгоизма». Значит, данный социальный закон и достоинство не только противоположны. Они также и едины. Закон «экзистенциального эгоизма» и первопринцип культуры есть одно.

Реальная стратификация общества – это проявление сложного единства и одновременно противоположности принципа культуры и законов социальности. Социальный отбор осуществляется в соответствии как с деловым аспектом, предполагающим приоритет достойных качеств, так и с коммунальным аспектом, предполагающим приоритет «закона экзистенциального эгоизма». Значит, культура в целом воспроизводит, с одной стороны, подлинную элиту в соответствии с принципом достойного существования, а с другой – тип человека, удобный власти. Таким образом, ни принцип достойного существования, ни законы социальности не побеждают в чистом виде. Реализуется их сложное и противоречивое единство в пределах социума.

Заключение

Первопринцип культуры выступает одним из главных социальных регуляторов, структурирующих человеческое поведение. Принцип достойного существования находится в сложном и противоречивом единстве с социальным законом «экзистенциального эгоизма». Отношение к данному принципу является основанием самоопределения человека. Значимы не только достоинство и честь личности, но и тюмос рода, народа, Родины, цивилизации, человеческого рода.

Иерархическая структура рода, народа, Отечества в идеальном смысле выстраивается в соответствии с принципом достойного существования. В реальности выстраивание данной иерархии – это сложное и противоречивое единство принципа достойного существования и социального закона «экзистенциального эгоизма». Соответственно принцип культуры реализуется двумя способами: как самоутверждение и как служение. Это проявляется в оппозиции этике достижений, в основе которой лежит идея служения, и морали успеха, основанной на стратегии индивидуалистического самоутверждения. В дальнейшем логика исследования данной проблемы ведет к необходимости выявления как негативных, так и позитивных оснований формирования личностного достоинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Никомахова этика // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. **Сорокин П.А.** Преступление и кара. Подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 618 с.
3. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла: сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 848 с.
4. **Макиавелли Н.** Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.
5. **Гоббс Т.** Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1991.
6. **Мандевиль Б.** Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М.: Наука, 2000. 291 с.
7. **Дарвин Ч.** Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб.: Наука, 1991. 540 с.
8. **Зиновьев А.А.** На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.
9. **Лосев А.Ф.** Бытие, имя, космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
10. **Чуринов Н.М.** Совершенство и свобода: философские очерки. Красноярск: Изд-во СИБУП, 2003. 515 с.
11. **Давыдов Ю.Н.** Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. М.: Молодая гвардия, 1982. 287 с.
12. **Эфроимсон В.П.** Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
13. **Адамович А., Гранин Д.** Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1984. 543 с.
14. **Шаламов В.Т.** Воскрешение лиственницы: рассказы. В 2 кн. М.: Худож. лит., 1990.
15. **Бородай Ю.М.** Эротика, смерть, табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис : Изд-во Рус. феноменол. об-ва, 1996. 416 с.
16. **Антоний,** митр. Сурожский. Воспитание души. М.: Аст, 2016. 336 с.
17. **Макиавелли Н.** О военном искусстве [пер. с итал.]. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с.
18. **Данте А.** Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. М.: Правда, 1982. 628 с.
19. **Ортега-и-Гассет Х.** Избранные труды / пер. с исп. А.М. Гедескула. М.: Весь мир, 1997. 704 с.
20. **Лэш К.** Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. К. Голубович. М.: Логос : Прогресс, 2002. 224 с.

КУЗНЕЦОВ Владимир Викторович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; volodiakuznetzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] Aristotel, Nikomakhova etika, in: Sochineniya [Works], in 4 vol., of vol. 4, Mysl', Moscow, 1984.
- [2] P.A. Sorokin, Prestupleniye i kara. Podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali [Crime and punishment. Feat and reward: the sociological etude about the main forms of public behavior and morality], Astrel, Moscow, 2006.
- [3] F. Nitsche, Po tu storonu dobra i zla: sochineniya [Beyond good and evil: Essays], Eksmo-Press, Moscow; Folio, Khar'kov, 2001.
- [4] N. Makiavelli, Gosudar' [Sovereign], Planeta, Moscow, 1990.
- [5] T. Gobbs, Sochineniya [Works], in 2 vol. Mysl', Moscow, 1991.
- [6] B. Mandevil, Basnya o pchelakh, ili Poroki chastnykh lits — blaga dlya obshchestva [The Fable of the bees, or private Vices of individuals is good for society], Nauka, Moscow, 2000.
- [7] Ch. Darwin, Proiskhozhdeniye vidov putem yestestvennogo otbora, ili Sokhraneniye blagopriyatnykh ras v bor'be za zhizn' [Origin of species by means of natural selection or the preservation of favoured races in the struggle for life], Nauka, St. Petersburg, 1991.
- [8] A.A. Zinovyev, Na puti k sverkhobshchestvu [On the way to the super society], Tsentrpoligraf, Moscow, 2000.
- [9] A.F. Losev, Bytiye, imya, kosmos [The Genesis of the name space], Mysl', Moscow, 1993.
- [10] N.M. Churinov, Sovershenstvo i svoboda: filofskiye ocherki [Perfection and freedom: Philosophical essays], SIBUP Publ., Krasnoyarsk, 2003.
- [11] Yu.N. Davydov, Etika lyubvi i metafizika svoeyevoliya: problemy нравstvennoy filosofii [Ethics of love and metaphysics of self-will: the problems of moral philosophy], Molodaya gvardiya, Moscow, 1982.
- [12] V.P. Efroimson, Genetika etiki i estetiki [Genetics of ethics and aesthetics], Talisman, St. Petersburg, 1995.
- [13] A. Adamovich, D. Granin, Blokadnaya kniga [Blockade book], Lenizdat, Leningrad, 1984.

[14] V.T. Shalamov, Voskresheniye listvennitsy [The resurrection of the larch: the Stories], in 2 vol., Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1990.

[15] Yu.M. Boroday, Erotika, smert', tabu: tragediya chelovecheskogo soznaniya [Eroticism, death, taboo: the tragedy of human consciousness], Gnozis, Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo Publ., Moscow, 1996.

[16] Mitropolit Surozhskiy Antoni, Vospitaniye dushi [Education of the soul], Ast, Moscow, 2016.

[17] N. Makiavelli, O voyennom iskusstve [On the art of war], Azbuka-klassika, St. Petersburg, 2010.

[18] A. Dante, Bozhestvennaya komediya [The divine Comedy], Pravda, Moscow, 1982.

[19] Kh. Ortega-i-Gasset, Izbrannyye trudy [Selected works], Ves' mir, Moscow, 1997.

[20] K. Lesh, Vosstaniye elit i predatel'stvo demokratii [The Revolt of the elites and the betrayal of democracy], Logos, Progress, Moscow, 2002.

KUZNETSOV Vladimir V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; volodiakuznetzov@yandex.ru

Received 12.02.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8310

УДК 973.03

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПРОЕКТ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ ДЖОНАСА ХЭНВЕЯ

С.А. ВасильеваАкадемия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Рязань, Российская Федерация

В статье рассматривается неизвестное в отечественной историографии произведение английского путешественника, публициста, общественного деятеля и филантропа Джонаса Хэнвея «Одинокое тюремное заключение», написанное в 1775 г. На основе методологических принципов «новой культурно-интеллектуальной истории» проведен дискурсивный анализ текста эссе, позволяющий комплексно рассмотреть проблему назревшего реформирования английской системы исполнения уголовных наказаний XVIII в. и ее отражение в общественном сознании того времени. Хэнвей в своей работе анализирует причины возраставшей криминализации современной ему Англии и приходит к выводу: главная проблема заключается в падении роли религии и связанном с этим пренебрежении к гражданским законам. В качестве способа «излечения социальной язвы» преступности Хэнвей предлагает кардинальную реформу системы уголовных наказаний, представил проект тюрьмы, основанный на принципе изоляции, религиозном воздействии на арестанта и приучении его к труду. Он вводит понятие «пространство между двумя мирами», представляя одиночную камеру местом, где должны быть созданы условия для возникновения у преступника глубокого раскаяния, желания искупить свою вину и вернуться в общество честным гражданином. Материалы статьи могут использоваться для дальнейшей реконструкции истории повседневности, социальных и культурных практик Англии Нового времени, а также для развития парадигмы «новой культурно-интеллектуальной истории» в современной отечественной исторической науке.

Ключевые слова: Великобритания; XVIII век; Джонас Хэнвей; пенитенциарные реформы; одиночное тюремное заключение

Ссылка при цитировании: Васильева С.А. Пенитенциарный проект английского просветителя Джонаса Хэнвея // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 101–112. DOI: 10.18721/JHSS.8310

JONAS HANWAY PRESENTS THE SOCIAL PROJECT OF THE PERFECTED PRISON

S.A. Vasileva

Academy of Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

The paper presents the opus “Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention” (1775), by English philanthropist, traveler and publicist Jonas Hanway, that is unknown in Russian historiography. Based

on methodological principles of the ‘new cultural and intellectual history’, the author analyzes the discourse of the problem, which makes it possible to examine the overdue reform of the English penal system comprehensively and to identify its reflection in the public consciousness. The English enlightener discusses the causes of the increasing criminalization of society and comes to the conclusion that the main problem lies in ‘infidelity and neglect of religion’ and ‘disobedience of the laws of our country’ as a result. As a way to ‘cure moral disease’, Hanway offers a radical reform of the penal system. He disapproves the methods of criminal repression (death penalty, transportation overseas), because that does not solve the problem of increasing criminalization and does not introduce good morals and support religion. Jonas Hanway presents his social project of the perfected prison (he calls it ‘the reformatory’), based on the principles of solitary confinement, religious authority and correctional labor. The enlightener introduces the concept of ‘the intermediate state between both worlds’, and represents solitary confinement as a location and a condition for deep reflection and desire to make amends and to render life useful and beneficial to society. The theoretical and methodological basis for Hanway’s penitentiary project is in the ideals of the Enlightenment and Christian ethics, which is supposed to prepare offenders and criminals to achieve harmony in both worlds. Hanway draws the attention of authorities and society to the danger of further marginalization of the inhabitants of the metropolis. In conditions of practical absence of the police, he appeals to morality and religion as the only way to ‘preserve the people, in the enjoyment of the genuine fruits of liberty and freedom from violence’. In the essay, Hanway reflects on the progressive idea to revise the purpose and goals of the prisoners’ work: from punitive and convict labor to correctional labor leading to honest life. The author of the paper comes to the conclusion that the particular spiritual development of English society at the turn of the Middle Ages and modern times, as well as the religious quest of English Protestantism, led to the direct dependence of the penal reform on the religious factor. The paper aims to develop the paradigm of the ‘new cultural and intellectual history’ in modern national historical science.

Keywords: United Kingdom; eighteenth century; Jonas Hanway; prison reform; solitary imprisonment

Citation: S.A. Vasileva, Jonas Hanway presents the social project of the perfected prison, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 101–112. DOI: 10.18721/JHSS.8310

Введение

Удивительный век Просвещения породил удивительную страту образованных людей, осуществляющих лидерскую роль интеллектуального, художественного, социального или политического авангарда, — интеллигенцию¹. Современный историк-англовед Т.Л. Лабутина, подчеркивая «мощное интеллектуальное воздействие британской культуры» в эпоху Просвещения, провела интересный анализ трансферта передовых идей английских просветителей через

политическую элиту США, Франции и России в идеологию и культуру этих стран [1, с. 152]. Идеинный багаж английского Просвещения — неиссякаемый источник исследования для историка, правоведа, философа, социолога и педагога. Большинство английских просветителей XVIII в. уже нашли своих биографов, почитателей, подражателей, апологетов и критиков в российской научной мысли. Их наследие скрупулезно изучено, положено в основу классических и фундаментальных теорий, на его основе построены учебники и до сих пор защищаются серьезные диссертации. В связи с этим ценной находкой для отечественного исследователя становится возможность открыть современному

¹ Данное определение интеллигенции предлагает Уэбстеровский словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intelligentsia>.

читателю еще неизвестные или малоизвестные имена, прикоснуться к еще не изученному идейному наследию и рассмотреть его рецепцию в межкультурных коммуникациях.

Историк, путешественник, коммерсант, общественный деятель и филантроп Джонас Хэнвей оставил богатейшее публицистическое и эпистолярное наследие: известны 74 печатные работы, посвященные самым разнообразным социальным проблемам. Благотворительность и попечение о подкидышах, проблема транзитной торговли с Ираном через Россию, критика традиционного английского чаепития, вопросы снабжения военно-морского флота, сопротивление натурализации евреев и усовершенствование системы церковно-приходского учета рожденных младенцев — это лишь часть объектов его многочисленных исследований. Однако любопытно отметить, что, несмотря на такой внушительный «багаж» типично просветительских идей, известность Хэнвею принесло банальное изобретение, которым он в свое время эпатировал лондонское общество, — зонтик как средство защиты от дождя.

В зарубежной историографии Хэнвей всё-таки обрел своего биографа: преподобный Р.Э. Джейн, священник методистской церкви, в 1929 г. составил биографию просветителя под заглавием «Джонас Хэнвей: филантроп, политик, автор» [2]. Социальная активность и филантропическая деятельность Хэнвея подробно освещены в монографическом исследовании британского ученого Дж. Тейлора [3]. В российской историографии об этом типичном английском интеллигенте XVIII столетия известно чрезвычайно мало. В Энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в краткой биографической статье сообщается о купце и путешественнике Джоне Ганвее, который исследовал Каспийское море, подробно описал свое плавание и даже составил карту моря (однако неточную!)². Об общественной и филантропической деятельности Хэнвея вскользь упоминается в связи с основанием воскресных школ и «многих других благотворительных учреждений». В современной отечественной историографии к идейному наследию Хэнвея

в области экономики и торговли впервые после значительного временного перерыва обратилась В.П. Сидорова [4]. Его интеллектуальное наследие в области социальной политики: борьба с бедностью и нищетой, организация системы охраны материнства и детства — проанализировано в работе Ю.Е. Барловой и М.С. Осиповой «Настоятельный призыв к милосердию: Джонас Хануэй в истории английской социальной политики» [5]. Любопытное исследование деловых контактов английского купца Хэнвея и выдающегося русского историка В.Н. Татищева представил А.В. Майоров [6].

В данной статье речь пойдет об идейном наследию Дж. Хэнвея в области пенитенциарного реформирования. Этот общеевропейский процесс конца XVIII — середины XIX в. возник на базе английского Просвещения и был «транспортирован» в европейские страны, США и Российскую империю. Одна из поздних работ Хэнвея, известная как «Одинокое тюремное заключение», — бесценный вклад в идейные основы и базовые принципы пенологии, науки об исполнении наказания. Удивительно, что взгляды, высказанные Хэнвеем раньше многих реформаторов системы уголовного наказания, до сих пор не принесли ему известности в кругу исследователей-криминологов или специалистов в области пенитенциарной педагогики. В зарубежной историографии обращение к пенитенциарным проектам Хэнвея до конца XX в. было избирательным и эпизодичным. Французский социальный философ М. Фуко в знаменитой работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» обращается к идейному наследию Хэнвея единожды, но, тем не менее, закрепляет за ним идейное первенство в зарождении концепции тюрьмы нового типа [7, с. 179–180]. В классическом базовом исследовании по истории западной системы исполнения наказаний «Оксфордская история тюрьмы: практика наказания в западном обществе» реформаторским взглядам Хэнвея уделено не больше двух абзацев, но основной импульс его публицистического проекта подмечен очень четко: как «часть поднимающегося евангелического прилива, который захватил многих сторонников реформ в конце восемнадцатого столетия» [8, с. 77]. Детальное исследование взглядов и пенитенциарных проектов Хэнвея представлено в научных изысканиях современных историков.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/26253/ (дата обращения: 16.06.2017).

Например, Ф. Додсворт, рассматривая интеллектуальное наследие просветителя в области социального реформирования, отмечает его стремление преодолеть негативный настрой английской элиты в отношении социальных девиаций – проституции, преступности, нищеты [9]. В серии статей и диссертационном исследовании британского исследователя Ф. Хардман представлен глубокий анализ пенитенциарных взглядов Хэнвея [10].

Постановка проблемы и цели исследования

Отечественная историография, как уже отмечалось выше, немного знакома с Хэнвеем как путешественником и филантропом, а вот деятельность Хэнвея как тюремного реформатора до сих пор не удостоена исследования. Попытаемся заполнить эту лакуну, познакомив русскоязычного читателя с упомянутым эссе Хэнвея, аутентичное название которого *«Одинокое тюремное заключение. С предложениями выгодного использования труда, скромного рациона питания, наиболее гуманных и эффективных способов воспитания злодеев, приговоренных к смертной казни или высылке, правильного понимания их состояния; с предложениями по исцеляющей профилактике. А также как обучить правонарушителей и преступников достижению гармонии в обоих мирах и сохранить для нации достигнутые плоды свободы и безопасности от насилия»* [11]. С первой страницы оно декларирует широту взглядов просветителя и охват тех вопросов, которые он пытается вынести на повестку обсуждения для государственных деятелей и широкой общественности.

Методология

Методологическим ориентиром при анализе произведения Дж. Хэнвея послужили принципы «новой культурно-интеллектуальной истории», которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественно-научного знания в их конкретно-историческом социокультурном контексте [12]. Предпринята попытка решить двуединую задачу: провести дискурсивный анализ труда просветителя как продукта интеллектуальной деятельности и включить в исследовательское поле рассмотрение социальных процессов и практик в сравнительной культурной перспективе.

Результаты исследования

Джонас Хэнвей подходит к проблеме социального реформизма с позиции глубоко религиозного гражданина и все методы борьбы с преступностью так или иначе связывает с укреплением морали и религии. Свою публикацию Хэнвей рассматривал как проект (или план) по искоренению преступности и реформированию тюремной системы, который был предложен правительству. Главная цель этого плана – «предохранить» преступников от зла, сбить их с пути греха, тем самым поддержав основы христианского благочестия и гражданских законов. Через более чем 140 страниц его эссе красной нитью проходит идея сопричастности и взаимной связи двух миров – Божественного и земного. «Я льщу себе мыслью, – пишет Хэнвей, – что предложение моих соображений есть исполнение христианского долга перед Творцом и гражданского долга перед моей страной, вознося сердечные молитвы о том, что *глупый поумнеет*, а нечестивый оставит этот губительный путь и будет *жить»* [11, с. 144].

Один из публицистических приемов, которым пользовались социальные реформаторы эпохи Просвещения, состоял в трактовке рассматриваемой проблемы с позиции «социального врачевателя»: поставить диагноз, определить этиологию, предписать курс лечения, в идеале ведущий к искоренению искомой общественной «язвы». Для Хэнвея эта «язва» времени представляет собой «разложение морали, вызванное, предположительно, растущим достатком» [Там же. С. 3]. Оно в свою очередь приводит к угрожающе растущему числу правонарушителей. Проблемы увеличивающейся криминализации мегаполиса, рассуждает просветитель, уже не решает ни эскалация применения смертной казни, ни рост потока практикуемой транспортировки преступников в заокеанские колонии.

Непревзойденным мастером «препарирования» общественных пороков был британский философ-моралист Б. Мандевилль, который в памфлете «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» [13], написанном на полвека раньше сочинения Хэнвея, высказывал схожие мысли. Мандевилль считал рост преступности социально обусловленным явлением и возлагал ответственность за это на общество и его нравы. Однако, в отличие от Хэнвея, Ман-

девилей скептически относился к религии и мало верил в целительные свойства христианского благочестия как средства излечения от разложения нравов.

Хэнвей, напротив, в попытке «диагностировать» глубинные причины роста преступности выдвигает предположение: «Не является ли ослабление или отрицание религии главной причиной того, на что мы жалуемся?» [11, с. 4]. Развивая эту мысль, гуманист интуитивно подходит к тому, что последующие мыслители называют секуляризацией сознания и мышления. Когда человеком более не движет страх перед Вечным наказанием, убежден Хэнвей, он теряет веру в то, что этот мир мудро управляем Творцом. Страх перед виселицей, связанный с ожиданием вечных мучений после смерти, предположительно, может оказывать сдерживающий эффект на часть «злодеев», которые признают авторитет религии. Просветитель проводит интересную параллель между воспитанием общества и воспитанием ребенка: невозможно управлять ребенком без использования «родительского авторитета», как невозможно управлять нацией, не опираясь на сходные авторитеты. В данном случае этот авторитет базируется на принципах религии: «Страх перед Богом — источник мудрости, а отсутствие этого страха — начало глупости и извращенности, которое в конечном итоге приведет к уничтожению всего человечества» [Там же. С. 26]. С утратой авторитета религии (особенно это актуально в случае с молодыми людьми), считает Хэнвей, исчезают страх перед Господом и стремление готовить душу к вечной жизни, что приводит к презрению и земных законов.

В поисках сопутствующей причины «социальной язвы» преступности, Хэнвей «спускается с небес на землю» и осторожно критикует современную ему систему правосудия, высказывая сожаление по поводу того, что существующие меры правовой защиты общества «никогда не были достаточны для радикального излечения болезни» [Там же. С. 5]. Хэнвей был современником эпохи в истории английского правосудия, которая получила символическое прозвище «эпоха кровавых кодексов». Практически ежегодно парламент принимал статуты, пополняя список преступлений, караемых смертной казнью. В «Комментариях к английским законам» (1765–1769) знаменитый

английский правовед У. Блэкстон упоминает о 160 видах таких преступлений, Дж. Тревельян говорит уже о 200 к началу XIX в. [14, с. 376]. Однако, характеризуя «нелогичный хаос английских законов», современных Хэнвею, историк здесь же комментирует: «Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали» [Там же]. Хэнвей свидетельствует, что в современной ему Англии «один из тринадцати заслуживающих смертную казнь по закону, получает приговор в исполнение... Двенадцать остальных крепнут в убеждении, что преступления можно совершать безнаказанно» [11, с. 12]. Исследования русского юриста А.Ф. Кистяковского [15] подтверждают: в Лондоне с 1749 по 1772 г. к смертной казни был приговорен 1121 преступник, но действительно казнено 678 человек. Приглашая к дискуссии, Хэнвей с патетикой вопрошает: если наши законы не работают, должны ли мы задуматься о новых?

В развитие темы публицист патриотично рассуждает: «Мы не уступаем ни одной нации в отношении своих законов и правительства, но по странной фатальности стране, достигшей такого величия, угрожает опасность изнутри: не из дремучих лесов и далеких гор, а из самого сердца мегаполиса» [11, с. 10]. Под внутренней угрозой публицист подразумевает «искусство грабежа и разбоя, которое расцветает и усложняется». И в таких условиях памфлетист не видит иного пути избавления от криминальной маргинализации, кроме кардинального реформирования системы уголовного правосудия.

«Некоторые думают, — продолжает рассуждать Хэнвей, — что война — единственный способ выпустить дурную кровь нации», опять-таки предвосхищая мыслителей последующих поколений, утверждавших, что пассионарии гибнут во время вооруженных конфликтов в больших количествах. Просветитель не совсем согласен с этим утверждением: «То, что порождается невежеством, не устранить войной. Никакая война не исправит порушенной национальной морали», — считает он [Там же. С. 62]. Но «если война не избавит Англию от возрастающей активности криминализованных масс, есть ли надежда решить проблему внутренними ресурсами?» — вопрошает Хэнвей, переходя к проблеме полиции. Вопрос скорее риторический, так как

современники Хэнвея вообще скептически относились к формирующимся органам охраны внутреннего правопорядка, а публицисты использовали любой повод покритиковать полицию, вернее ее отсутствие. Б. Мандевиль в упоминавшемся памфлете презрительно осудил практику сотрудничества полиции с ворами, когда, будучи не в силах совладать с разветвленной сетью воров лондонского преступного мира, полицейские шли на сговор с агентами-«вороловами», которые за плату гарантировали возврат украденного (часто их же «конторой») имущества [16].

Дж.М. Тревельян, комментируя состояние полиции и правосудия в XVIII в., подметил: «Действительно является чудом, что наши предки вообще могли охранять общественный порядок и частную собственность» [14, с. 376–377]. Л. Радзинович, крупнейший специалист в области английского уголовного права, подтверждает, что до середины XIX в. в английском обществе не было даже понимания превентивной функции полиции в предотвращении преступности [17, с. 1]. Таким образом, «стабильность» общественного порядка в Англии, современной Хэнвею, фактически жила на понятиях, сформулированных еще апостолом Павлом: «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести»³. А набат памфлетиста как раз и звучит по случаю того, что современные ему британцы постепенно утрачивают и страх Божий, и совестливое отношение к исполнению земных законов. Хэнвей разделял скепсис «коллег по цеху» в отношении полиции, чему посвятил отдельное эссе с характерным для его работ пространством «говорящим» заголовком: «*О дефектах полиции: причины безнравственности, постоянных грабежей в мегаполисе, с различными предложениями по предотвращению виселицы и высылки преступников*» [18]. По мнению Хэнвея, полиция не в состоянии обеспечить его современникам ощущение защищенности и безопасность от тех, кто по «известным причинам» избежал виселицы: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопас-

ности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города. Можно, безусловно, удалиться в поместье за несколько миль от столицы, но и этого не сделаешь без хорошо вооруженной охраны или готовности в случае нападения заплатить сколько потребуют ради сохранения жизни... Так как же после этого мы можем утверждать, что мы – свободная нация?» [11, с. 63].

Еще один «игрок на поле» затронутого Хэнвеем социального конфликта – общественное мнение. Публицист обращается к известной народной поговорке «Спаси вора от виселицы, и он перережет тебе горло» (*Save a thief from the gallows and he will cut your throat*) в доказательство устойчиво негативных общественных представлений об аморальности преступника. Современный филолог О.А. Кирияк [19], исследовав признаки социокультурного концепта «воровство» в английском языковом сознании, подтверждает, что англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления⁴. Хэнвей возлагает часть ответственности за эскалацию преступности на общество, которое не готово руководствоваться пониманием того, что «каждый человек способен на добродетель, если его правильно учить и гуманно с ним обращаться» [11, с. 98]. Комментируя существующие методы борьбы с преступностью, он не скупится на метафоры, сравнивая действия властей с «лаем собаки на луну, когда ее свет затеняет облако» [Там же. С. 15]. Стремясь защитить общество от «злодеев», власть помещает их «за решетку», но, учитывая состояние тюрем, тем самым она оказывает себе «медвежью услугу»: вместо «гуманной и рациональной» коррекции преступника помещают в «концентрированную» аморальную среду – «школу злодейства», в которой окончательно подрываются все основы нравственности

⁴О.А. Кирияк приводит и другие элементы народного фольклора, выражающие непримиримое отношение к воровству: *Повесьте вора в юности, тогда он не будет воровать в старости; Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор*, а также примеры того, что в сознании англичанина порок воровства сопряжен с неправильным, недостаточным воспитанием: *Начинает рано воровать тот, кто не может сказать «нет»; Тот, кто ничему не учит своего сына, воспитывает вора*.

³Послание к римлянам 13:5.

и религии [11, с. 13]. Хэнвей убежден, что общение в порочном окружении подобно «заразе», которая бесконтрольно расползается, а печально известные цепи и кандалы помогут сдержать, но не вылечить или предотвратить «заразу» и разложение [Там же. С. 45]. М. Фуко, анализируя взгляды Хэнвея, кратко подытожил отрицательные доводы в отношении тюрем совместного содержания: «Скученность в тюрьме способствует распространению дурных примеров и создает возможность побега в настоящем и шантажа или сообщничества – в будущем» [7, с. 179].

Таким образом, установив «социальную болезнь» и описав ее причины, Хэнвей, подражая врачу, который предупреждает, что, если не принять меры, развитие недуга станет необратимым, вновь подводит своих читателей к доминанте своего проекта: «Те, кто полагают, что мы можем жить, не руководствуясь религией, станут первыми жертвами кровавого насилия» [11, с. 45]. Краеугольный камень предложенного им проекта – организация длительного одиночного заключения. По мнению реформатора, необходимо создать все условия для покаяния и искупления грехов, тем самым предложив шанс на возвращение к честной жизни. Только переход к одиночному заключению «способен поддержать достоинства наших законов и глубину и святость нашей веры» [Там же. С. 98]. Тюрьма в понимании Хэнвея – репрезентация земного чистилища, «свидетельство милосердия Создателя и мудрых законов страны» [Там же. С. 88]. Успех плана, уверен публицист, напрямую зависит от «количества и качества» задействованных в нем священнослужителей, а также от желания властей кардинально реформировать систему уголовного правосудия. Свои предложения Хэнвей изложил в инструктивной форме – в качестве рекомендаций исправительному учреждению Брайдвелл и в форме авторского проекта типового тюремного заведения, рассчитанного на одиночный режим содержания. Эти два документа – подлинная находка для историков-правоведов, так как представляют собой практически оформленную тюремную инструкцию, которая официально появится несколько позже⁵. Похожую авторскую инструкцию к устройению исправительной тюрьмы в 1818 г. предло-

жил Т. Бакстон [20], член «Общества улучшения тюремного содержания», идеолог и теолог религиозного движения квакеров. Предложения Хэнвея не только опередили ее на полвека, но и отличаются, на наш взгляд, большей продуманностью и прагматизмом.

Исправительное заведение Брайдвелл располагалось в бывшей королевской резиденции Брайдвелл палас, построенной для Генриха VIII, но впоследствии по повелению Эдварда IV переданной под приют – больницу – исправительное учреждение для нищенок, бродяжек и «заблудших» женщин. Предложения Хэнвея по изменению режима содержания арестованных в Брайдвелле содержат 34 пункта и охватывают практически все аспекты «организации исправления» женщин в условиях тюремного заключения. Учтены требования к материальному обеспечению мест лишения свободы: женщины должны быть чистыми, накормленными, прилично одетыми. «Арестанткам надобно внушать, что чистота – признак добродетели». В камерах необходимо предусмотреть «достаточно света, чтобы [можно было] читать и работать», наладить свободную циркуляцию воздуха и водоснабжение для здоровья арестанток, обеспечивать их горячей пищей. Желательно, чтобы были оборудованы церковь или молельные комнаты и чтобы городские власти выделяли деньги на благие цели.

Предложения по «укреплению морали» занимают, пожалуй, главное место в инструкциях Хэнвея: рекомендованы ежедневные наставления женщин в религии, обеспечение доступа к благочестивым книгам, предоставление возможности обучения грамоте для невежественных. Кроме того, Хэнвей считает, что необходимо убедить арестанток выучить ряд молитв (независимо от того, умеет ли женщина читать). За хорошее поведение срок заключения может быть сокращен, и арестантка должна об этом знать. Обеспечивать выполнение режима должна тюремная матрона, «активная, бдительная, глубоко религиозная», подчиняющаяся непосредственно управляющему тюрьмой. Поскольку проект реформатора основан на идее одиночного содержания, он подробно остановился на характеристиках камер. С учетом размеров женских палат Брайдвелла и количества женщин, приговариваемых к исправлению, реконструированные одиночные кельи

⁵ Тюремные статуы 1779 и 1823 гг.

(вместо общих камер) получатся небольшими, по 12–14 квадратных футов⁶ (в идеале предполагалось по 16–18 квадратных футов), с откидной кроватью для увеличения в дневное время свободного пространства, в том числе для занятия трудом [11, с. 29–36].

Предлагая перевод контингента Брайдвелла на одиночное содержание, Хэнвей признает, что подобная мера «может быть слишком тяжелой для женщин и восприниматься ими как суровое наказание». Он, с одной стороны, допускает возможность общения арестанток с друзьями для «удовлетворения потребностей», с другой — предостерегает, что тем самым *некоторые* могут вернуться на «порочный путь». В последующих рассуждениях реформатор предлагает варьирование срока одиночного содержания в зависимости от поведения: его сокращение — награда для послушных, увеличение — наказание для строптивых [Там же. С. 44].

В предложениях по «исправлению морали» Хэнвей вводит понятие рефлексии (само-созерцания), а также наставлений и увещеваний, чтобы рефлексию вызвать. Мы каждый день видим, отмечает он, как из-за недостатка образования, дурного примера, порочного круга общения многие вступают на путь, ведущий к гибели. Если нет понятия о вечной жизни и Страшном суде, нет веры во славу Господа и надежды на воздаяние после смерти, то человек словно блуждает во тьме. Умелый священник должен «донести мысль о приготовлении к вечной жизни и страхе вечных мучений», тогда заключение «вызовет глубокие перемены в сердце... слезы искреннего покаяния» [Там же].

Развивая мысль о целительном для души самосозерцании, Хэнвей говорит о том, что предложения, составленные им для узниц Брайдвелла, подойдут и для мужчин «порочного нрава». Представляя проект новой тюрьмы, основанный на принципе одиночного содержания, про-светитель уверяет, что ради этого эксперимента «готов рискнуть своей репутацией, так как убежден, что страх перед виселицей или высылкой не является более действенным средством предотвращения преступлений» [Там же. С. 99]. Зрелище смертной казни, убежден Хэнвей, вызывает сиюминутные ощущения, которые впо-

следствии сводятся к пониманию того, что все люди смертны. Человек — существо, движимое не только разумом, но и страстями. Будучи «сохраненным» от могилы, пусть даже в тюрьме, он может переосмыслить свою последующую жизнь, повернув ее так, чтобы приносить пользу обществу и сделать свою жизнь значимой. Тюрьма, таким образом, предоставляет преступнику шанс пересмотреть мотивы и обратиться к поиску смысла жизни, виселица же лишает его такого шанса [Там же. С. 102]. Под воздействием «шокового» одиночества человек сможет постичь глубину своего морального падения. Этот опыт заключения он никогда не забудет в последующем и вряд ли впадет в те же соблазны, рискуя оказаться в подобном заключении вновь. Рефлексируя на эту тему, Хэнвей признает: «Если бы я был приговорен к повешению, а потом приговор изменили бы на тюремное заключение, если бы у меня были книги, перо, чернила и бумага, я бы и не пожелал компании; и хотя „человек был создан не для того, чтобы пребывать в одиночестве“, я предпочел бы одиночество плохой компании. Дьявол во мне будет менее силен, чем когда он в окружении других демонов» [Там же. С. 104–105].

Описание модели одиночной тюрьмы структурировано по разделам, внутри которых по пунктам расписаны конкретные меры внутреннего и внешнего распорядка. Раздел «Внешний вид тюрьмы» состоит из требований к архитектуре и расположению здания: удаленное от населенных пунктов на милю или две, неприступное сооружение размером по 260 футов с каждой стороны. Предполагается, что здание тюрьмы будет иметь 4 этажа (по 52 одиночные камеры на каждом этаже; таким образом, вместимость ее составит 208 арестантов). Далее идут требования по размерам камер (ни одна камера не должна быть ниже уровня земли) и высоте потолков (должна быть обеспечена «свободная циркуляция воздуха ради здоровья арестантов»). Любопытно, что для потолка предусматривалась арочная конструкция, на манер церковных сводов, с очевидным намеком на присутствие Господа в жизни осужденного. Технические требования к зданию подразумевали отопление, надежную защиту окон и крыши от осадков. Внутреннее оснащение камер предполагало кран с питьевой водой, необходимую мебель и утварь. Архитектура здания предусматривала

⁶ Это соответствует 1,1–1,4 квадратного метра.

помещения для больницы, моленные комнаты или церковь (разделенную на отдельные будки-отсеки, чтобы узники не могли общаться во время службы), комнату охраны и отсек администрации. Также упоминаются хозяйственные помещения: столовая, прачечная, мастерские, тюремный огород и сад [11, с. 111–115].

В разделе «Организация режима» детально прописаны правила внутреннего распорядка: круглосуточная охрана, строжайший запрет на алкоголь (за исключением лекарств из рук врача), а также требования к тюремному штату. Хранитель тюрьмы избирался (назначался) «из числа честных и глубоко религиозных людей». По проекту Хэнвея, охране и рядовому персоналу не сообщалось имя арестанта, только номер, для обеспечения «равных условий покаяния и смирения». Для смутьянов и нарушителей режима предусматривались подземелья с питанием в виде хлеба и воды, срок содержания в них – до месяца. Отдельная глава правил посвящена фигуре тюремного капеллана. По замыслу Хэнвея, он должен был назначаться на эту должность архиепископом, иметь хорошие рекомендации и быть подготовленным к службе в тюрьме. Капелланы должны были проводить не только богослужения, но и беседы наедине, а также совершать обряды и таинства. Хэнвей предусмотрел даже макет учетной документации – журнала, который должен вести тюремный клерк, фиксируя основные биографические данные, род занятий, семейное положение, вероисповедание, срок приговора и т. п. В графе «Религия» предполагались заметки: способности к чтению, «выучил ли он молитвы, которые ему предписали», последнее причастие и т. п.

В разделе «Инспекция» Хэнвей высказал предположение о создании комиссии из шести честных горожан, уполномоченных совершать визиты к узникам, опрашивать офицеров об их поведении и труде, беседовать с капелланом, чтобы по истечении срока не менее чем в 6 месяцев принимать решение о том, что арестант «встал на путь восстановления утраченной полезной жизни» [Там же. С. 116–123].

Первая официальная тюремная инструкция, включенная в Тюремный статут 1779 г., не была такой подробной, как проект Хэнвея, в котором, казалось, были предусмотрены все аспекты организации заключения на качественно новых условиях.

В завершение проекта просветитель осторожно подошел к проблеме финансов, четко отдавая себе отчет в том, что строительство капитальных публичных зданий в каждом графстве – это весьма затратное мероприятие, очередное бремя для налогоплательщиков, ведущее к увеличению национального долга. К данному «щекотливому моменту» он переходит после раздела «Прибыль от труда арестантов». Предложенный Хэнвеем учет результатов арестантского труда и налаживание сбыта тюремной продукции поражают меркантильной дальновидностью. С одной стороны, реформатор подчеркивает исправительный характер труда арестантов, с другой – обращает внимание на возможность реализации продукции. Он гуманно признает право арестанта на часть прибыли и даже предусматривает возмещение причиненного преступником «ущерба обществу и государству» за счет результатов его труда. Таким образом, Хэнвей подходит к экономическому обоснованию своего проекта в долгосрочной перспективе.

Хэнвей прекрасно понимает, что издержки на строительство новых тюрем – слабое место его реформаторской инициативы, а потому прибегает и к риторике («Неужели мы не будем вкладываться в исправление морали наших граждан, которая лежит в основе как государственного, так и Божественного порядка» [Там же. С. 128–129]), и к экономическим подсчетам. Обращая внимание властей на тот факт, что строительство публичных зданий создаст дополнительные рабочие места тем, кто без этой возможности занялся бы преступным ремеслом, он рассматривает пример своего родного графства Мидлсекс. Рассчитав ежегодную прибыль от труда взрослого мужчины от 15 до 38 лет, Хэнвей акцентирует внимание на том, что, казнив преступников, графство «потеряет» потенциальную прибыль от их возможного труда. В качестве дополнительных налоговых сборов он смело предлагает увеличить налоги на развлечения: общественные театры, рестораны, бильярдные, чайные и пр. Пороки приобретают такие масштабы, пишет Хэнвей, что угрожают нашей безопасности, и чем переживать за утрату части средств в виде налогов, лучше думать о том, что мы вкладываемся в укрепление религии, законов человеческих и небесных [Там же. С. 133–134, 141].

Таким образом, еще раз обозначив долгосрочные перспективы своего проекта, потенциальную угрозу эскалации преступности при отсутствии действенных мер, Джонас Хэнвей завершает эссе очередным потоком риторики и обращением к христианскому мировоззрению. Неподчинение законам страны, поучает просветитель, ведет к восстанию против Божественного порядка в целом. Это оскорбляет ценности свободы и религии. «Мы слишком далеко продвинулись в практике сочетания показного милосердия и настоящей жестокости, тем самым сильно отклонившись от цели, которую желаем достичь. Мы оказались настолько недалеки, что сами отказываемся от средства сделать мир справедливым. Репутация, честь и достоинство той части общества, которая заинтересована в вопросе сдерживания грабежей и насилия, лежат в основе управления нацией... Пренебрежение к законам и правительству, которые обеспечивают наше существование как нации, граничит с презрением таковых, а отсутствие принципиальности в назначении наказания граничит с потворством преступлению» [11, с. 127–128]. Завершает свое эссе Хэнвей в духе Просвещения – выражением надежды на то, что только знание и чистота принципов помогают сделать выбор в пользу добра и света.

Заключение

На наш взгляд, рассматриваемый труд Джонаса Хэнвея, вобрав в себя черты эпохи классического английского Просвещения, иллюстрирует важный этап в истории европейских пенитенциарных реформ – воплощение теоретических идей в социальные конструкты. Анализируя эти конструкты, М. Фуко подтверждает

«первенство» Хэнвея в области пенитенциарного проектирования: «Схему задал в 1775 г. Хенуэй... Одинокая камера, техника христианского монашества, сохранившаяся лишь в католических странах, становится в этом протестантском обществе инструментом, с помощью которого можно перестроить одновременно и homo oeconomicus, и религиозное сознание. Тюрьма должна образовывать „пространство между двумя мирами“, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина. Аппарат для преобразования индивидов, который Хенуэй называет „реформаторием“» [7, с. 179–180]. Однако в оценке Фуко анализ исторического значения наследия Хэнвея всецело подчинен его теории «социального контроля», что, по нашему мнению, ведет к тенденциозности и упущению некоторых деталей. Воспользовавшись современным методом интеллектуальной истории, мы не можем не отметить определяющее влияние христианской этики Хэнвея на содержание его идей и проектов и элементов христианской риторики в презентации этих идей. Конструируя некое «промежуточное пространство между двумя мирами», Хэнвей призывал воспринимать его как способ «сохранить тело для этого мира» и «подготовить душу к другому миру», а значит, утопично грезил сделать чуть лучше оба мира. А это скорее не столько жажда новых усовершенствованных механизмов власти (какими, по М. Фуко, стали тюрьма, больница, армия), сколько «евангелие моральной честности», о котором не без гордости говорил Дж.М. Тревельян: «Англичанин всюду, куда бы он ни попал, несет с собой чувство долга» [14, с. 385].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лабутина Т.Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 151–164.
2. Jayne R.E. Jonas Hanway: Philanthropist, Politician, and Author (1712–1786), L.: The Epworth Press, J. Alfred Sharp, 1929.
3. Taylor J.S. Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. L.: Scholar, 1985.
4. Сидорова В.П. Британский взгляд на торговлю России и Ирана (по запискам Дж. Ханвея) // Вестн. МГОУ. История и политические науки. 2010. № 3. С. 36–40.
5. Барлова Ю.Е., Осипова М.С. «Настоятельный призыв к милосердию»: Джонас Хануэй в истории английской социальной политики // Вестн. Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 10–16.
6. Майоров А.В. Древнерусские летописи в собраниях зарубежных библиотек // Российское государство в ист. измерении. Тр. ист. фак. СПбГУ. Т. 15. СПб., 2013. С. 129–145.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

8. The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D. N. Y., 1995.

9. Dodsworth F. Habit, the criminal body and the body politic in England, c. 1700–1800 // Body & Society. 2013. № 19 (2–3). Pp. 83–106.

10. Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, Univ. of Sheffield, 2007.

11. Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L., 1776.

12. Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Вестн. РОИИ. 2001. № 1. URL: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf> (дата обращения: 16.06.2017).

13. Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725) // Free ebooks by Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (дата обращения: 16.06.2017).

14. Тревельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001.

15. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000.

16. Васильева С.А. Проблемы реформирования английской системы уголовных наказаний в памфлете Б. Мандевиля «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 114–120. DOI: 10.5862/JHSS.250.14.

17. Radzinowicz L. A History of English Criminal Law and its Administration from 1750: The Movement for Reform 1750–1833. Vol. 3. L., 1956.

18. Hanway J. The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, Particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. L., 1775.

19. Кирияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009.

20. Buxton Th.F. An Inquiry, whether Crime and Misery are Produced or Prevented by our Present System of Prison Discipline. 3rd ed. L.: J & A Arch, 1818.

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; VASI-SVETLANA@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] T.L. Labutina, [Reception of the Ideological Heritage of English Enlightenment in the USA, France and Russia in the 18th century], Dialogue With Time, 51 (2015) 151–164.

[2] R.E. Jayne, Jonas Hanway: Philanthropist, Politician, and Author (1712–1786), The Epworth Press, J. Alfred Sharp, London, 1929.

[3] J.S. Taylor, Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. Scholar, London, 1985.

[4] V.P. Sidorova, [British outlook on trade between Russia and Iran in the middle of the XVIIIth century (according to Jonas Hanway)], Bulletin of Moscow State Regional Univ. History And Political Sciences, 3 (2010) 36–40.

[5] Yu.Ye. Barlova, M.S. Osipova, [“An Earnest Appeal for Mercy”: Jonas Hanway and the History of social policy in England], Bulletin of Yaroslavl State Univ. after P.G. Demidov. Humanitarian Sciences, 3 (2011) 10–16.

[6] A.V. Mayorov, [Old Russian chronicles in collections of foreign libraries], in: [The Russian State in

Historical Dimension. Proc. of the SPb Univ.], of vol. 15, St. Petersburg, 2013, pp. 129–145.

[7] M. Fuko, [Discipline and punish. The birth of the prison], Ad Marginem, Moscow, 1999.

[8] The Oxford history of the prison. The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D., New York, 1995.

[9] F. Dodsworth, Habit, the criminal body and the body politic in England, c. 1700–1800, Body & Society, 19 (2–3) (2013) 83–106.

[10] Ph.J. Hardman, The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, Univ. of Sheffield, 2007.

[11] J. Hanway, Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention, London, 1776.

- [12] L.P. Repina, [Intellectual history today: problems and prospects], ROII bulletin, 1 (2001). Available at: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf> (accessed 16.06.2017).
- [13] B. Mandeville, An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725), Free ebooks by Project Gutenberg. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (accessed 16.06.2017).
- [14] Dzh.M. Trevelyan, [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria], Rusich, Smolensk, 2001.
- [15] A.F. Kistyakovskiy, Issledovanie o smertnoy kazni [Study on the death penalty], Avtograf, Tula, 2000.
- [16] S.A. Vasilyeva, [The problematic of penal reforms in England in a pamphlet “The enquiry into the causes of the frequent executions at Tyburn” (1725) by B. Mandeville], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 3 (250) (2016) 114–120. DOI: 10.5862/JHSS.250.14.
- [17] L. Radzinowicz, A History of English Criminal Law and its Administration from 1750: The Movement for Reform 1750–1833, of vol. 3, London, 1956.
- [18] J. Hanway, The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, Particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation, London, 1775.
- [19] O.A. Kiriyak, Sotsiokul’turnyy kontsept «vorovstvo» v russkom i angliyskom yazykovom soznanii [Sociocultural concept of “theft” in Russian and English languages. Abstr. cand. diss.], Belgorod, 2009.
- [20] Th.F. Buxton, An Inquiry, whether Crime and Misery are Produced or Prevented by our Present System of Prison Discipline, 3rd ed., J & A Arch, London, 1818.

VASILEVA Svetlana A. – Academy of Penal Service of Russia; VASI-SVETLANA@yandex.ru

Received 24.04.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8311

УДК 1(091)

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ОБЩЕСТВУ ПОТРЕБЛЕНИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Н.А. Соколова, А.А. Пылькин

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье с использованием дескриптивного метода, метода диахронического анализа, а также компаративного метода рассмотрены два типа идеологии, сложившиеся в XX в. в западном мире, — идеологии тоталитарных режимов и современной идеологии общества потребления. Они явились результатом осуществления просветительских идей и имеют как отличия, так и сходные черты. Для обществ, в которых существуют идеологии этих двух типов, характерны тотальный контроль над жизнью всех индивидов и, как следствие, отчуждение человека от собственной человечности, его тотальная несвобода. Причем диффузный контроль победившего общества потребления отличается гораздо большей эффективностью и тотальностью. Претендующая на критическое осмысление общества потребления постмодернистская критика с некоторых пор стала его неотъемлемой частью. Рассмотрены реалии современного мира, такие как международный терроризм и победа внесистемного кандидата на выборах в США, перед которыми такого рода критика оказывается несостоятельной.

Ключевые слова: диффузный контроль; тотальность; постмодернистская критика; общество потребления; терроризм

Ссылка при цитировании: Соколова Н.А., Пылькин А.А. От тоталитаризма к обществу потребления: метаморфозы тотального контроля // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 113–121. DOI: 10.18721/JHSS.8311

FROM TOTALITARIANISM TO THE SOCIETY OF CONSUMPTION: METAMORPHOSIS OF TOTAL CONTROL

N.A. Sokolova, A.A. Pyl'kin

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The objective of the article is diachronic analysis and comparison of two types of ideology that emerged in the Western society by the 20th century: the ideology of the totalitarian regime and the contemporary ideology of 'the society of consumption'. Both of them are the result of the developing of the ideas that the Age of Enlightenment had postulated and they both have much in common. These two types of society both tend to total control over individuals, which leads to people's estrangement from their own humanity and total non-freedom. It must be pointed out that the diffusive control that is executed by 'the society of consumption' is much more total and effective than the totalitarian one. The postmodern critic that pretends to actualize critical comprehension of 'the society of consumption' in fact turns out to be its integral part. In the article, the realities of the contemporary world that cannot be grasped by this type of critic are considered, such

as international terrorism and the win of the off-system candidate in the presidential election in the USA.

Keywords: diffusive control; totality; post-modern critic; society of consumption; terrorism

Citation: N.A. Sokolova, A.A. Pyl'kin, From totalitarianism to the society of consumption: metamorphosis of total control, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 113–121. DOI: 10.18721/JHSS.8311

Введение

В современности сложились два типа идеологии, конфликтующие между собой, но в то же время имеющие сходство – тотальный контроль над мышлением и поведением граждан. Первый тип идеологии, осуществляемый в тоталитарных государствах репрессивного типа, утвердился начиная с середины XX в. в Германии, Италии, Испании и СССР. Второй тип идеологии сложился во второй половине XX в. и проявился прежде всего в западных странах. Эти типы идеологии могут быть названы тоталитарными, а общества, в которых они существуют, «одномерными» [1], так как в каждом из них личность подвергается активному воздействию со стороны государства с целью стандартизации, подгонки ее желаний, притязаний к общепризнанному эталону. Попробуем проанализировать эти, казалось бы, полярные типы идеологии и выявить специфические механизмы стандартизации, присущие обоим типам.

В литературе, посвященной данной теме, анализу подвергаются отдельные аспекты либо *тоталитарных режимов*: работы Х. Арендт (историки, условия формирования и принципы функционирования тоталитарных обществ), Ф. Хайека (критика социалистической идеологии), И. Голомштока (искусство в помощь тоталитаризму), А. Мамедова (интеллектуальная свобода при тоталитарном режиме, трактовки термина «тоталитаризм»), В. Даренского (тоталитаризм как экзистенциальный феномен), И. Рассохи (определение сущности тоталитарного режима); либо *современного общества потребления*: работы Э. Фромма (особенности человеческого существования в обществе потребления), Ж. Бодрийера (нюансы «знакового потребления»), Ю. Оганисяна (особенности российского общества потребления), О. Машитько (связь системы потребления с логикой «пустого знака», с по-

нятием неявного насилия, принципом нехватки реальности), И. Троцук и Е. Давыденковой (феномен этического консьюмеризма); либо *общества диффузного контроля*: работы Ж. Бодрийера (диффузия, смещение различных социальных функций), Ги Дебора (политика в рамках «Общества спектакля»), С. Жижека (проблема неявного «системного насилия» в обществе). Наконец, сравнение тоталитарных режимов с идеологией общества потребления главным образом нашло свое отражение в материалах Франкфуртской школы – в трудах М. Хоркхаймера и Т. Адорно (критическая теория общества, основанного на формальной рациональности), Г. Маркузе (исследование идеологии «одномерного общества»).

Постановка проблемы

Современное западное общество именуется демократическим, осмысляя себя в качестве гуманного общества, где осуществляются гражданские права и свободы, и противопоставляя себя тоталитаризму как репрессивному режиму, подавляющему личностное развитие. Но является ли современная идеология более прогрессивной по сравнению с предшествующей, тоталитарной? Предоставляет ли она реальную свободу каждому отдельному человеку? Можно ли назвать ее более приближенной к идеалу общественного устройства, способствующему наиболее полной реализации заложенных в человеке возможностей?

Теоретики Франкфуртской школы, в первые высказавшие сомнения на этот счет, сравнивали устройство тоталитарных обществ с политическим строем, сложившимся на Западе во второй половине XX в. Актуальны ли их сомнения и в первой половине XXI в.? Сохраняется ли идеология общества потребления в качестве господствующей и по сей день? Како-

вы механизмы управления большими массами людей в современных западных государствах? Данные вопросы подвергаются осмыслению в нашей работе.

Цель данного исследования – проанализировать особенности двух типов общественного устройства – тоталитарного и общества потребления, сравнить их с идеологией общества диффузного контроля, сложившегося в западном мире на сегодняшний день, сделать вывод о сходствах, различиях, дальнейших возможных трансформациях в сфере идеологии.

Методология

В качестве методологической основы в данном исследовании используются дескриптивный метод, общенаучные методы анализа и сравнения. Немаловажная роль принадлежит также диалектическому методу, позволяющему выявить основные противоречия, возникающие между политическими режимами прошлого и настоящего, и высказать предположения относительно их дальнейшего разрешения в процессе исторического развития западной идеологической системы.

Результаты исследования

Тоталитарное общество. При тоталитарном режиме репрессивного типа происходит огосударствление частной и общественной жизни граждан, подчинение их диктату однопартийной системы и вырабатываемой ею идеологии. Наблюдается слияние интересов партии и государства, общества и отдельного человека. Вся власть централизуется в руках вождя. На средства производства, образование, а также средства массовой информации осуществляется государственная монополия.

Происходит всеобщая милитаризация. Сплочение граждан во имя противостояния остальному миру. Проводится политика изоляционизма («железный занавес»), ограничивающая свободу передвижения. Государство превращается в полицейское, а главным механизмом управления и контроля в нем становятся террор и массовые репрессии.

Жизнедеятельность граждан протекает в соответствии с идеологическими установками с помощью создания системы всеохватывающих организаций – от пионерских и комсо-

мольских до творческих союзов, надзирающих за жизнью людей. Гражданские свободы нивелируются. Властью осуществляется цензура, сводящая на нет свободу слова, печати, совести. Происходит формирование нового типа сознания посредством внедрения новых идеалов, целей, ценностей. Основным помощником в этом выступает искусство. В сотрудничестве с авангардистами создаются проекты переустройства быта, преобразования установок педагогического процесса, изменения языка, мышления и, главное, всей системы мировоззрения человека будущего. Вначале чиновники активно сотрудничают с авангардистами, помогающими разрушить сложившиеся традиции, затем деятели искусства оказываются подчиненными идеологии, диктующей основные темы искусства: строительство новой жизни, труд, спорт, борьба за светлое будущее; единый стиль – «героический реализм»; задачи – воспитание масс, пропаганда могущества страны; принципы: идейность, честность, доступность выражения; главная цель – «формовка» нового человека (сильного, преданного идее, трудолюбивого оптимиста, героя, готового пожертвовать собой ради дела партии) [2]. Благодаря массовости происходит «усечение личности» до «размеров», которые легко учитывать, появляется возможность с легкостью управлять людьми.

Главными принципами нового типа сознания, внедряемыми через СМИ, искусство и систему образования, выступают материализм, рационализм, аскетизм, утопизм. В сознание внедряется «переписанная история».

Осуществляются гонения на интеллектualизм. Господствующей становится массовая культура с ее простотой, общедоступностью и соответствием господствующей идеологии.

Создается четкая иерархия общества: во главе стоит непререкаемый авторитет – вождь (герой, вдохновитель побед, мудрый учитель, дружески настроенный по отношению к верным ему гражданам и суровый к врагам); ниже располагаются соратники (преданные вождю товарищи по борьбе, являющие собой эталон справедливости, мужества, порядочности); в самом низу – «новые люди» (сильные, преданные идее трудолюбивые аскеты, которых должны отличать жертвенность, героизм, оптимизм, энергичность, рационализм).

К обществу диффузного контроля. К концу XX в. тоталитарные режимы подобного типа отживают свое. В обществе поднимается критика репрессивных методов тоталитаризма. Но сменяющая его власть нового типа оказывается не менее тоталитарной. Вначале на Западе, а теперь и в России складывается «одномерное общество» [1] («фашизм с улыбающимся лицом» [3]), в котором осуществляются обезличивание человека, стандартизация мышления и поведения – те же процессы, что и при тоталитарно-репрессивных режимах, но механизм террора заменяется в нем механизмом порождения ложных потребностей и пробуждения страсти к их удовлетворению. Подлинная свобода заменяется свободой выбора между различными брендами, под которыми выпускается аналогичный товар.

В рамках общества потребления также происходит сращение политики и экономики, но доминирующими оказываются не политические, а экономические интересы. Идеология потребления отныне становится всепроникающей. Она оказывается главным измерением, в рамках которого происходит формирование человека [4]. Современные люди повышают самооценку посредством увеличения количества и качества потребляемых вещей. Отношения эксплуатации распространяются ими также на природу и общество. В результате «овеществленными» становятся и другие люди, и сам человек, впадающий в зависимость от объектов потребления. Но остановить этот процесс он не в силах: жажда удовлетворения только разжигается потреблением, на смену одним новинкам приходят другие, недавнее приобретение очень быстро перестает радовать, побуждая к поиску чего-то более совершенного.

Одной из черт потребляемого товара оказывается «его загадочность, обещание „чего-то большего“, непостижимого удовольствия, месторасположение которого – фантазия. Современная реклама адресована не потребности, а именно этому фантазматическому месту» [5, с. 82]. Наше потребление стимулируется не столько необходимостью в том или ином предмете, сколько ожиданием того, что именно этот товар удовлетворит саму жажду потребления, результатом чего окажется состояние радостного покоя, не отягченного никакими желаниями. Вместе с тем подобные – в большей

или меньшей степени осознаваемые – усилия человека прекратить нескончаемый поток желаний тщетны, поскольку современное общество довольно изобретательно в вопросах стимуляции потребления. Приобретение товаров становится развлечением. Для этого создаются торгово-развлекательные центры, в которых поддерживается особая атмосфера: комфортная температура в сочетании с большими пространствами, отсутствием суеты, приятной музыкой, бесплатными удобствами создают приподнятое настроение, состояние расслабленности. А скидки, распродажи, специальные предложения, выгодная система кредитования вызывают стремление не упустить свою выгоду. При этом выгода оказывается чисто символической, так как все декларируемые «скидки» – это не что иное, как временное снижение предварительно завышенной цены, а за любые средства, взятые в кредит, покупатель вынужден в дальнейшем расплачиваться еще большей суммой.

Происходит виртуализация всех сфер социальной действительности [6].

В сфере экономики идет «развеществление» продуктов потребления [7]. Меновая стоимость отрывается от потребительной, а товарный фетишизм эпохи индустриального капитализма сменяется новой фетишистской установкой: «ты то, чем ты кажешься» [8]. Человек потребляет не вещи, а знаки, символы определенного статуса, престижа [9]. Благодаря внедрению серийного производства уничтожается ценность оригинальности. Описанные В. Беньямином [10] изменения в восприятии художественного творения в «эпоху его технической воспроизводимости» характерны для восприятия жизни в целом. Мы живем в эпоху воспроизводства: человек больше не формирует собственное мнение, но воспроизводит мнение общественное; в университетах происходит не создание знания, культуры, а воспроизводство уже имеющихся [Там же]. Развлечение и потребление оказываются мотивами деятельности большинства людей. «Потребление вписывается в обширную современную сферу раскрепощения личности, с одной стороны, и тотального и детализированного управления обществом – с другой» [11, с. 160].

В политической сфере осуществляется разрыв между политикой и управлением. Полити-

ка постепенно превращается в театрализованную «шоу-политику», имеющую отношение не столько к управлению страной, сколько к набиранию очков в предвыборных кампаниях. Реально правят массами не «избранники народа» (завоевавшие свое место благодаря победе в борьбе имиджей), а чиновники, которые стоят за ними [8].

Не менее радикально меняется сущность науки в современном мире. В данной сфере осуществляется разрыв между истинностью и научностью. Ученый часто ищет не истину, а спонсора, беспокоясь о коммерческой стороне дела [12].

Схожие процессы происходят и в искусстве, где — в отсутствие четких эстетических критериев — ценность произведений определяется прибылью, которую они приносят. Основным критерием оценки произведения искусства оказываются известность его творца и стоимость его прежних работ. Теперь ценность «произведения» определяется вовлеченностью в культурный контекст, маскирующий всё те же структуры общества потребления, и количеством вложенных в него сил по продвижению его на рынке. Искусство может подражать реальности, копировать ее или создавать фантастические образы — нет никаких запретов, всё допустимо. Функциями художественного произведения делаются развлечение массы или демонстрация высокого уровня доходов коллекционера. При этом в первом случае за возможность «развлечения» реципиентам приходится платить просмотром рекламы (во время рекламной паузы) или ознакомлением с деятельностью спонсоров, благодаря которым было проведено то или иное мероприятие (выставка, концерт и т. п.).

«Искусство теперь повсюду, поскольку в самом сердце реальности теперь — искусственность...» [6, с. 144]. Эстетизацией мира (и тотальной его семиотизацией) занимается реклама. Ее функция заключается в создании образов, стилей поведения, с которыми ассоциируются рекламируемые товары. При этом искусственно порождаются новые потребности. Основная проблема рекламы в том, что рекламируемые образы связаны с потреблением товаров или услуг, цель которых — большее удобство, расслабление, развлечение, повышение социального престижа посредством приобретения товаров более дорогой марки. О духовном саморазви-

тии, совершенствовании речи нет. Общество потребления — в противоположность обществу тоталитарно-репрессивного типа — нацелено не на будущее, а исключительно на настоящее. «Лови момент!» (пока не закончились скидки), «Живи настоящим!» (пока не наступил новый виток кризиса и сбережения не обесценились) — вот лозунги современной эпохи.

Историю отныне не переписывают. Она просто перестает существовать, растворяется в «вечном настоящем». Благодаря технике оказывается возможным реконструировать далекие события, создавать фильмы по мифологическим сюжетам; благодаря гласности — знакомиться с секретными документами, анализировать различные мнения о событиях прошлого... Но стоит человеку оказаться перед телевизором и начать нажимать кнопки пульта дистанционного управления — всё перемешивается, как на экране, так и в мышлении: события далекого прошлого и случившиеся сегодня, важные и несущественные, фантастические и настоящие — все оказываются равнозначными, у человека не складывается понимание преемственности развития, теряется ощущение истории. Искажается и ощущение реальности. То, что явлено перед людьми благодаря СМИ, — сфабрикованная реальность: сущность любого события искажена в результате той или иной интерпретации произошедшего путем акцентирования внимания на одних моментах и нивелирования других.

Реальность повседневного, обыденного опыта современного человека оказывается пронизанной информационными потоками иного рода — связанными с Интернетом: время, проводимое человеком в социальных сетях, стремительно растет, но вряд ли уместно называть сетевую реальность «подлинной» — реальность, где количество «друзей» измеряется порой сотнями человек, и каждый «самовыражается» посредством «болтовни» и похожих друг на друга селфи. Впрочем, реальность самого человека ставится под сомнение. Теперь индивид может поменять не только профессию, место жительства и внешность, но даже пол. Нужно только определиться со своими предпочтениями.

Но на что при этом человек может опереться? «Будь собой!» — призывает человека современное общество. Но что означает «быть собой»? Собой становятся в результате

самоопределения. Но когда это происходит в обществе, основным механизмом функционирования которого выступает потребление, «поиски себя» оказываются нацеленными лишь на обладание, а объектом обладания является не «Я», но санкционированные обществом знаки престижа — машина престижной марки, квартира в хорошем районе и т. д. Поставив перед человеком такие цели, общество позаботится о том, чтобы человек, с одной стороны, смог их достичь (встраиваясь в общий механизм, добросовестно выполняя точно определенные функции на работе), а с другой — никогда не останавливался на достигнутом, ведь то и дело на рынке будут возникать более современные машины, более удобное жилье...

Духовность современного человека, возможности его личностного роста ставятся под сомнение [13]. Процессы, происходящие в тоталитарном обществе репрессивного типа, повторяются и в обществе потребления: человек оказывается подконтрольным, его идеалы, устремления, ценности заранее программируются, а возможности развития внутренней природы не воплощаются в действительность. Если рассматривать два эти типа не синхронически, как мы это делали до сих пор, а диахронически, мы столкнемся здесь с возрастанием тотализации и контроля. Как показывают современные теоретики марксистского толка, общество, основанное на принципах рассредоточенного, диффузного контроля, эффективнее подчиняет себе человека, чем общество контроля централизованного, оставляющее лакуны для ускользания и даже дающее возможность некоторого реального сопротивления. При этом диффузно осуществляющаяся власть над индивидами гасит, включая в себя как еще один товар, еще один спектакль, любую форму сопротивления и борьбы против себя [8]. Так, например, в современной западной культуре широким спросом пользуется образ бунтаря, несогласного с системой. Он не только хорошо продается, но и подчас выступает эффективным инструментом реальной политики. Первое десятилетие нашего века зарекомендовало себя как эпоха «оранжевых революций», которые являются, по сути, экспортом этого образа в промышленных масштабах.

Постмодернистская критика. Как тоталитарный политический режим, так и идеология

общества потребления подвергаются острой критике в философии постмодернизма. Само понятие постмодерна возникает благодаря критике «тотализирующего проекта модерна» [14] с его стремлением подчинить единой — «разумной» — воле всех разумных существ, обустроить общественное бытие в соответствии с принципами свободы и справедливости. История показывает, что ни одна из попыток воплотить в жизнь этот проект не привела к положительному результату. Логическим завершением «проекта модерна» [15] можно считать тоталитарные режимы и современное общество потребления.

Однако, несмотря на то, что постмодернистская философия вновь и вновь направляет критические усилия на наличный тоталитарный порядок, следует отметить, что сама эта критика с некоторых пор стала его неотъемлемой частью, как когда-то младогегельянская критика идеологии сама стала производством идеологии. На рубеже XX и XXI вв. то же самое произошло и с постмодернистской критикой: дефицит референции, свойственный всем без исключения постмодернистским и постструктуралистским проектам, стал маркером того, что постмодерн выдохся, так и не сумев предложить адекватных способов сопротивления обществу потребления и утратив иммунитет к нему. Постмодернистские теоретики стали еще одним товаром на прилавках мирового супермаркета, потребляемым знаком и модным интеллектуальным трендом.

С другой стороны, победив репрессивный тоталитаризм, общество диффузного контроля не стояло на месте: оно развивалось в сторону своей тотализации и выработки новых механизмов власти, таких, например, как экспорт «оранжевых революций» или производство управляемого хаоса. Это общество достигло предела своего развития, и уже сейчас можно заметить признаки его разложения. Уже наиболее прозорливый теоретик постмодерна Ж. Бодрийяр отметил дату его конца как 11 сентября 2001 г., интерпретируя событие разрушения «башен-близнецов» как прямое, травматическое вторжение реальности в порядок производства символического. Образ террористической угрозы, который произвела система, оказался столь мощным, что потряс ее до самого основания. Он на время вырвал индивидов из уютного мирка зрелищного замороженного мира, в по-

рядке самолегитимации производимого системой производства.

Постепенно эта трещина начала разрастаться. Неудача европейской политики мультикультурализма и вышедший из-под контроля функционеров нового порядка мировой терроризм, создавший квазигосударственное образование на Ближнем Востоке, заставляет сегодня рассматривать феномен терроризма как один из признаков конца тоталитарного общества диффузного контроля. Появляется слишком много людей прямого действия, готовых гибнуть ради убийства других. Отныне среди образов спектакля [8] возникают образы совершенно иного качества, нарушающие тотальный покой общества потребления. Образы террористических атак в сердце безопасной Европы, наводнившие массмедиа, это не просто производство страха, необходимого для эффективного контроля человека. За этими образами просвечивает реальная опасность, они приобретают референцию в лице мусульманских анклавов европейских городов, женщин в парандже, исламских проповедников. Отныне эти образы не просто страшат, они обладают и мобилизационным потенциалом, который бросает на бесчувственного от перманентного гедонизма индивида отсвет подлинного ужаса.

Такая в прошлом безобидная вещь, как социальная сеть, работавшая когда-то лишь в целях проведения досуга, начинает выполнять функции призывного пункта, отправляя всё новых рекрутов на войну с неверными прямо из-за стола, на котором стоит подключенный к сети компьютер.

Собственно то, что скрывается за этими образами, человек общества потребления воспринимает как сущий хаос, перед которым меркнет любой Гитлер. Такой хаос, просвечивая тонкую оболочку цивилизованности, взывает к внутреннему, невозделанному культурой потребления хаосу его самого. Это открывает представителя общества потребления не только ужасу перед архаической реальностью террора, но и порой мобилизует его. Уже не единичны случаи, когда на джихад уходят обращенные в ислам белокурые англосаксы и голубоглазые немцы. Следует уже говорить не о дефиците реальности, а о ее инфляции, когда реальной становится жажда пустоты. И даже такой ценой уставший от потребления индивид идет на про-

рыв накрывавшего его с самого детства колпака «товарного гуманизма» [Там же].

Другим событием, маркирующим конец общества диффузного контроля, стали выборы в США в 2016 г., в результате которых, против всяких ожиданий, в президентском кресле оказался внесистемный кандидат от реднеков. Следует напомнить, что Д. Трамп, будучи республиканцем, был изгоем среди республиканцев, не говоря уже о демократах и прочих защитниках прав ЛГБТ.

Как было показано выше, в обществе потребления символических стоимостей, в обществе спектакля нет политической жизни — она заменена потреблением образов политической борьбы и конкуренции, демократического выбора и свободы. Кукловоды от власти и их массмедийная обслуга прекрасно осведомлены насчет законов существования такого общества и его тотализирующих структур (которые были описаны выше). Ими отлично усвоена «сокрушительная постмодернистская критика общества потребления» и его беспощадные анализы. Сами воспитанные в лоне постмодерна политтехнологи и представители кандидата от наличного мирового порядка сделали ставку именно на производство спектакля [Там же]. Все крупнейшие медиа работали на создание отрицательного имиджа Трампа-фашиста-сексиста-ретрограда-пр., а все главные информационные и опросные службы фиксировали несомненный перевес голосов за единственного кандидата от наличного тоталитарного порядка Хилари. Как показывают современные марксистские анализы (например, Б. Кагарлицкий [16]), точно предсказавшие исход выборов, за Трампа проголосовал американский пролетариат, включая латиноамериканских мигрантов в первом поколении, а также низшие слои среднего класса. Другими словами, те, кто сидел перед телеэкраном и потреблял образ правильного кандидата, потом проголосовали против него, т. е. за очерненного или проигнорированного всеми медиа «плохого парня».

Заключение

Таким образом, итогом воплощения в жизнь просветительских идеалов в XX–XXI вв. явились два типа общественно-устройства — тоталитарный режим с тенденциями к репрессивному подавлению инакомыслия и «одномерное общество», столь же тотально контролирующее

человека с помощью порождения в нем ложных потребностей и страха перед искусственно созданными угрозами. В обоих случаях свобода, равенство и справедливость формально провозглашаются, но не осуществляются в реальности. В тоталитарном государстве все оказываются уравниваемыми перед произволом вождя, в нем недопустимы свобода слова, печати и пр. В обществе потребления равенство прав и обязанностей всех граждан, с одной стороны, закреплено законом, но с другой – перестает быть идеалом, напротив, каждый стремится выделиться из общей массы, а «заботливое

общество» как будто предоставляет человеку такую возможность, давая ему полную свободу выбора. Но этот выбор по большей части ограничивается внешними признаками и не касается человеческой сути.

В начале XXI в. мир стоит на пороге новой эпохи, очертания которой уже угадываются среди медленно, но верно распадающихся старых форм. Перед философией, пока еще пытающейся оперировать понятиями изжившего себя постмодерна, неотступно стоит задача выработки нового инструментария, адекватного стремительно меняющейся действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2009.
2. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.
3. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2014.
4. Пылькин А.А. Экология смысла: моногр. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2008.
5. Машитько О.В. Логика пустого знака в языковой концепции потребления // Система ценностей соврем. об-ва. Новосибирск: Изд-во Центра развития науч. сотрудничества, 2015. С. 81–85.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015.
7. Саяпин В.О. Виртуализация глобальной экономики в информационном пространстве современного общества // Ист., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 168–174.
8. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2014.
9. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
10. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.
11. Липовецки Ж. Эра пустоты: очерки современного индивидуализма. СПб.: Владимир Даль, 2001.
12. Антонян К.Г., Соколова Н.А. Наука в поле тоталитаризма власти // Глобализация науки: проблемы и перспективы. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 49–52.
13. Абрамов Ю.Ф., Косолапов Р.А. Феномен духовности в глобализующемся обществе // Изв. Иркутского гос. ун-та. 2015. № 11. С. 169–181.
14. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум : Ювента, 1997.
15. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.
16. Кагарлицкий Б. Потрясение в Америке. URL: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2016/11/10/working-class-revenge> (дата обращения: 17.06.2017).

СОКОЛОВА Нина Александровна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; alonsa@inbox.ru

ПЫЛЬКИН Александр Александрович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; arylkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] H. Markuse, Odnomernyy chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society], AST, Moscow, 2009.
- [2] I.N. Golomshtok, Totalitarnoe iskusstvo [The Totalitarian Art], Galart, Moscow, 1994.
- [3] E. Fromm, Imet' ili byt'? [To have or to be?], AST, Moscow, 2014.

- [4] A.A. Pyl'kin, *Ekologiya smysla* [Ecology of Sense. Monograph], SPbGUSE Publ., St. Petersburg, 2008.
- [5] O.V. Mashchit'ko, [Logic of Empty Sign in Language Conception of Consumption], in: *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [Value system of Contemporary Society], Ltd. Development Center of Scientific Cooperation Publ., Novosibirsk, 2015, pp. 81–85.
- [6] J. Baudrillard, *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death], Dobrosvet, Moscow, 2015.
- [7] V.O. Sayapin, [Virtualization of Global Economy in Information Space of Contemporary Society], *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Liberal Studies. Theoretical and Practical Issues*, 5-1 (55) (2015) 168–174.
- [8] G. Debor, *Obshchestvo spektaklya* [Society of the Spectacle], Opustoshitel', Moscow, 2014.
- [9] J. Baudrillard, *Sistema veshchey* [The System of Objects], Rudomino, Moscow, 1999.
- [10] W. Benjamin, *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction: selected essays], Medium, Moscow, 1996, pp. 15–65.
- [11] Zh. Lipovetski, *Era pustoty: ocherki sovremenno-go individualizma* [The Age of Emptiness: Essays on Modern Individualism], Vladimir Dal', St. Petersburg, 2001.
- [12] K.G. Antonyan, N.A. Sokolova, [Science in the Field of Totalisation of Power], in: *Globalizatsiya nauki: problemy i perspektivy* [Science Globalization: Problems and Perspectives], Aeterna, Ufa, 2014, pp. 49–52.
- [13] J.V. Abramov, R.A. Kosolapov, [Phenomenon of Spirituality in Globalizing Society], *News of Irkutsk State University*, 11 (2015) 169–181.
- [14] M. Horkheimer, T.W. Adorno, [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Medium, Yuventa, Moscow, St. Petersburg, 1997.
- [15] J. Habermas, [Modernity – an Incomplete Project], *Philosophical Issues*, 4 (1992) 40–52.
- [16] B. Kagarlizkiy, [Shock in America]. Available at: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2016/11/10/working-class-revenge> (accessed 17.06.2017).

SOKOLOVA Nina A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; alonsa@inbox.ru

PYL'KIN Aleksandr A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; apylkin@yandex.ru

Received 16.04.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8312

УДК 81'33

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИСКУРС: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.Н. Молодыченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

В статье рассматриваются различные теории идентичности и анализируются возможные векторы их операционализации в текстоориентированных дискурсивных исследованиях. Идентичность интерпретируется как комплексное и многомерное понятие, основными определяющими характеристиками которого являются мера агентивности субъекта, идентификация с социальными ролями и/или социальными группами и категориями, мера стабильности, а также высокая значимость семиотических ресурсов для конструирования и выражения идентичности. Последняя характеристика определяет обоснованность использования дискурс-анализа как метода исследования идентичности. Обзор лингвистических работ в области дискурс-анализа демонстрирует наличие двух основных направлений изучения идентичности – это исследования использования языка для конструирования категорий внешними агентами и исследования использования языка самими субъектами для выражения своей групповой идентичности. Результаты обзора свидетельствуют о комплементарности лингвистических и нелингвистических исследований: данные, полученные лингвистическими методами, дополняют данные, полученные учеными смежных дисциплин, и/или иллюстрируют выдвигаемые ими теоретические положения. Всё это подчеркивает актуальность тезиса о необходимости рассмотрения дискурсивного измерения как одного из неотделимых элементов социальных практик, а также тезиса о необходимости углубления междисциплинарности как в лингвистических, так и в социологически ориентированных исследованиях.

Ключевые слова: идентичность; социальная идентичность; дискурс; дискурс-анализ; критический дискурс-анализ; социолингвистика

Ссылка при цитировании: Молодыченко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312

IDENTITY AND DISCOURSE: FROM SOCIAL THEORY TO PRACTICE OF DISCOURSE ANALYSIS

E.N. Molodychenko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

The article reviews various identity theories and analyzes the ways in which these theories can be operationalized in textually oriented discourse analysis. Identity is seen as a complex and multifaceted category whose key features are the degree of agency of the subject, the subject's identification with social roles and/or groups and categories,

the degree of continuity of the self, and the ever-increasing role of semiotic resources both in constructing and enacting identities. A thorough consideration of various studies in discourse analysis makes it possible to argue that studies in social theory and those in discourse analysis complement each other as the findings from the latter generally support the claims of the former and, most importantly, can act as a source of additional empirical data for them. This gives further evidence for the idea of discourse being one element of the social practices firmly embedded in them, as well as underscores the need for further integration of linguistic disciplines and social sciences.

Keywords: identity; social identity; discourse; discourse analysis; critical discourse analysis; sociolinguistics

Citation: E.N. Molodychenko, Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312

Введение

Сейчас уже сложно отрицать необходимость междисциплинарной ориентации в исследованиях, направленных на изучение феноменов в связке «язык – общество». Так, лингвисты всё чаще обращаются к широкому контексту высказываний и/или операционализируют теории смежных гуманитарных дисциплин [1, 2]. Верно и обратное: в исследованиях социологического характера ученые используют языковой материал и оперируют лингвистическими инструментами.

Наиболее иллюстративные примеры первой тенденции – современная социолингвистика и критический дискурс-анализ (КДА). С момента своего основания социолингвистика опиралась на социальные теории, пусть часто и в недостаточной мере. В XXI в., как отмечает А. Белл, осмысляя путь, пройденный данной дисциплиной, более последовательная интеграция языкового и общественного, лингвистического и социологического, является просто обязательной [3, с. 396]. Другим направлением лингвистических исследований, где была проведена большая работа по операционализации социальных теорий, является критический дискурс-анализ [4, 5].

Акцентирование языковых феноменов наблюдается и со стороны социальных дисциплин. В наиболее общем смысле речь идет о так называемом «лингвистическом повороте» в общественных науках, связанном с переходом от структурализма к постструктурализму, социальному конструктивизму и процессуаль-

ной ориентации исследований [6–8]. Одним из проявлений этого сдвига стало «обращение к языку», т. е. активное обращение к речевым явлениям как к материалу исследования в социологических, культурологических и прочих нелингвистических исследованиях [См., например: 9–12].

Постановка проблемы и цели исследования

Обозначенные тенденции иллюстрируются исследованиями такого комплексного феномена, как идентичность. С одной стороны, в духе социального конструктивизма и процессуальной ориентации идентичность всё чаще рассматривается как *процесс конструирования* идентичности, а не как заданная и жесткая категория. С другой стороны, всё большая роль в этих процессах отводится *семиотическим* средствам, в том числе языку [13, с. 204]. При этом, в соответствии с тем же процессуальным подходом, идентичность в лингвистических работах понимается в «перформативном» ключе, как использование индивидом языковых ресурсов для *выражения* идентичности [14]. Такое представление не противоречит и более традиционному и, на первый взгляд, статичному пониманию идентичности как предзаданных категорий, к которым индивид «принадлежит». Данное утверждение, однако, справедливо, только если категории рассматривать как (ранее) сконструированные в дискурсах других субъектов, наделенных соответствующей властью [Ср.: 13]. При этом чем более долгую историю имеет определенный дискурс и чем более

авторитетные группы лиц стоят за ним, тем более естественной может казаться определенная категория.

Цель данного исследования – систематизировать различные теории идентичности и проанализировать векторы их операционализации в текстоориентированных дискурсивных исследованиях. Проведенный анализ свидетельствует о принципиальной комплементарности лингвистических и нелингвистических исследований: данные, полученные лингвистическими методами, органично дополняют данные, полученные учеными смежных дисциплин, и/или иллюстрируют выдвигаемые ими теоретические положения. Такая ситуация подчеркивает актуальность тезиса о необходимости рассмотрения дискурсивного измерения как одного из неотделимых элементов социальных практик [См., например: 4, 15].

Методология

Для достижения поставленной цели в качестве первого этапа был предпринят анализ наиболее значимых теорий и эмпирических исследований идентичности в рамках различных социальных наук с последующим обобщением и синтезированием базовых характеристик идентичности как комплексного явления. На втором этапе на основании выделенных в процессе теоретического обзора базовых характеристик был проведен анализ результатов исследований эмпирических работ, использующих дискурс-анализ и/или обращаящихся к языковым феноменам в широком смысле с целью изучения вопросов, связанных с конструированием и выражением идентичности в рамках разнообразных социальных практик и коммуникативных контекстов.

Результаты исследования

Идентичность, как и многие другие аналитические категории гуманитарных наук, понятие неоднозначное [16, 17], причем иногда настолько неоднозначное, что появляются призывы к отказу от данного понятия с заменой его целым рядом более точных, по мнению исследователей, категорий [См.: 18]. Тем не менее большинство исследователей вопроса всё же выступают за сохранение категории «идентичность», признавая при этом ее чрезвычайную комплексность [17, 19]. Чтобы раскрыть эту

комплексность, рассмотрим ряд подходов к пониманию идентичности, противопоставив их по нескольким различным основаниям.

Первое из возможных оснований – противопоставление подходов в соответствии с приписываемой индивиду мерой *агентивности* в конструировании идентичности. По данному основанию идентичность может быть охарактеризована, с одной стороны, как рефлексивный проект индивида, а с другой – как пассивная интернализация позиции, занимаемой в социальной структуре и/или дискурсе¹. Р. Дженкинс предлагает говорить об автономном субъекте в первом случае и о пластичном субъекте во втором (*autonomous and plastic subject*) [19, с. 29].

Представление об *автономности* связано с идеей о так называемом рефлексивном субъекте в культуре постмодерна. Центральное место в таких представлениях, как отмечает М. Адамс, принадлежит философии Э. Гидденса. В рамках данной концепции утверждается, что рефлексивное осмысление себя является продуктом динамизма, характеризующего общество позднего модерна. Такое осмысление, освобожденное поздним модерном от оков традиции и культуры, ранее достаточно жестко очерчивавших границы доступного индивиду понимания себя, позволяет индивиду самому конструировать свою идентичность [20, с. 222].

Представления о *пластичном субъекте* определяются идеей о его жесткой детерминации социальной структурой и позицией субъекта в ней. Как отмечает Р. Дженкинс, кульминацией развития данного подхода является определение субъекта в теории Л. Альтюссера [19, с. 29], который утверждал, что субъекты – это продукт исключительно идеологии, а точнее, идеологических аппаратов государства. Идеология, продукт господствующего класса, воплощена не только в форме идей, но и во всех социальных практиках; идеология «настигает» индивидов даже в глубинах их индивидуально-личного сознания, регулирует их частное и публичное поведение [21, с. 157].

Оба подхода представляются достаточно радикальными. Они были подвергнуты критике с разных позиций [См., например: 17, 20]. Более правдоподобной видится модель формирования

¹См. историю эволюции представлений об идентичности по данному основанию в [30].

идентичности, в которой принимаются во внимание как *внутренние*, так и *внешние* факторы. Например, С. Холл предлагает рассматривать идентичность как «сочленение» (suture) – временное прикрепление субъекта к субъектной позиции в дискурсе. Идентичность, по Холлу, это место сочленения дискурсов и практик, помещающих индивида в определенные субъектные позиции, и внутренних процессов, «производящих субъективность» [17, с. 5–6].

Метафора сочленения подчеркивает участие как внешних, так и внутренних факторов формирования идентичности, их диалектическое единство. Помимо этого, в фокус внимания помещается еще один из ключевых компонентов идентичности – представление индивида о себе. Для обозначения этого явления могут быть использованы различные термины (self, selfhood, self-understanding, self-identity, самость, Я-концепция), под разными углами высвечивающие его проявления. Так или иначе, речь идет о восприятии и осмыслении себя как отдельного индивида, противопоставленного другим индивидам [Ср.: 18, с. 17–19; 19, с. 27].

Следующим аналитическим основанием для рассмотрения подходов к пониманию идентичности является понятие *идентификации*. Говоря об идентификации как процессе, подчеркивают роль *установления тождества* с определенным классом или категорией в формировании идентичности. Идентификация также представляет собой комплексный процесс, характеризуемый диалектикой внутреннего и внешнего как для самого индивида, так и для группы/категории. Роль идентификации в формировании идентичности раскрывается в теориях, связанных с разграничением личной идентичности и социальной (или коллективной).

Разграничение этих двух видов идентичности введено в научный оборот «теорией социальной идентичности» (ТСИ) (Social Identity Theory), связываемой в первую очередь с именами Г. Тэджфела и Дж. Тернера. В ТСИ личная идентичность и социальная задают противопоставленные полюса континуума, отражающего представления индивида о себе. С одной стороны, индивид может мыслить себя независимым субъектом со всеми своими уникальными чертами и особенностями личности, противопоставляя себя всем остальным индивидам, в том числе и в пределах «своей» группы. С другой

стороны, индивид может идентифицировать себя со «своей» группой (ингруппой), как бы «растворяясь в ней», и противопоставлять себя и «свою» группу «чужой» группе (аутгруппе) [См., например: 22, с. 5].

Таким образом, социальная идентичность – это часть Я-концепции индивида и личностные (эмоциональные, оценочные) смыслы, определяемые принадлежностью индивида к некоторой социальной группе или группам [23, с. 69]. Традиционно считалось, что «растворение» индивида в группе и акцентирование его сходства с другими членами группы коррелируют с акцентированием различий с членами аутгруппы и дискриминирующим поведением по отношению к ней [22, с. 2–3; 24].

Согласно ТСИ, идентификация в первую очередь выступает средством формирования положительной и удовлетворяющей индивида Я-концепции [23, с. 68]. Один из механизмов формирования такой Я-концепции объясняется в теории «оптимальной дифференциации» (optimal distinctiveness) М. Брюера [25]. По мнению Брюера, потребность в социальной идентичности обусловлена «напряжением», возникающим между потребностью быть похожим на других, с одной стороны, и противопоставленной ей потребностью в уникальности и индивидуации – с другой [Там же. С. 477]. Социальная идентичность рассматривается исследователем как компромисс между ассимиляцией и дифференциацией, при котором потребность индивида в деиндивидуации удовлетворяется на уровне ингруппы, а потребность в самобытности – на уровне сопоставления с членами аутгруппы.

В классической версии ТСИ личная идентичность противопоставлена коллективной: по мере увеличения значимости коллективной индивид теряет личную идентичность и может удовлетворить свою потребность в самобытности только за счет противопоставления себя как члена «своей» группы аутгруппе. Исследования последних лет, однако, продемонстрировали, что корреляция между личной идентичностью и групповой не настолько линейна и часто наблюдается процесс ковариации [См.: 22; 26, с. 25].

Из приведенных выше теоретических положений следует, что идентификация с определенной группой является частью Я-концепции индивида независимо от того, каким конкретно образом устанавливается баланс между процес-

сами «растворения в группе» и акцентирования собственной уникальности.

Идентичность группы, как и идентичность отдельного индивида, также формируется в диалектическом единстве внутреннего и внешнего. Данное утверждение раскрывается традицией деления коллективов на два вида — *группы* и *категории*. Понятие «группа» отражает представление некоторого коллектива о самом себе; это, так сказать, внутренняя идентификация, которая формируется в силу идентифицирующей деятельности самих членов группы. Категоризация же — это процесс внешней идентификации: категория существует постольку, поскольку она и ее границы определяются внешними наблюдателями [См., например: 19, с. 81].

В некоторых концепциях идентичность характеризуется определенной мерой *дискретности* и *непостоянства*, что является следующим аналитическим основанием для ее рассмотрения. Думается, что представления о дискретности идентичности и ее текучести сводимы к трем основным случаям. Во-первых, под множественностью и вариативностью идентичностей может подразумеваться множественность и ситуационная обусловленность *проявлений* идентичности и способов (*дискурсивной*) *самопрезентации* индивида. Во-вторых, речь может идти о наличии множества *идентификаций*, например с определенными социальными группами или социальными ролями. В-третьих, дискретностью и непостоянством во времени может характеризоваться *Я-концепция индивида*.

Представление об эклектичности идентичности, обусловленной вариативностью ситуационной самопрезентации, проистекает из классических исследований в области социологии. Как отмечают Г. Град и Л. Мартин Рохо, исследования И. Гоффмана, А. Штраусса, а также П. Бергера и Т. Лукмана продемонстрировали, что индивиды с разной мерой осознанности во взаимодействии с другими членами социума используют различные способы презентации себя и создания позитивного образа [См.: 16, с. 5–6]. Исходя из таких представлений, как отмечают далее Град и Мартин Рохо, идентичность следует рассматривать как способы поведения в определенных ситуациях межличностного взаимодействия, нежели как некоторую стабильную Я-концепцию [Там же. С. 6]. Такое аналитическое растягивание понятия «иден-

тичность», по мнению исследователей, не вполне оправданно: «Если бы каждое разнообразное сообщение о себе получало статус отдельной идентичности, то идентичностей было бы великое множество» [Там же. С. 7].

Одной из классических теорий, постулирующих множественность идентичностей, является «теория идентичности» (ТИ) (Identity Theory), независимо развивавшаяся в работах С. Страйкера и П. Берка [См., например: 27]. Целью исследований в рамках данной школы является объяснение того, как социальные структуры влияют на Я-концепцию индивида и как эта Я-концепция, в свою очередь, определяет его социальное поведение. Я-концепция рассматривается как многогранный, состоящий из взаимозависимых и независимых, конфликтующих и дополняющих друг друга компонентов — идентичностей [Там же. С. 286]. Идентичность определяется в ТИ как идентификация с определенной ролью, предзаданной социальной структурой [См., например: 28]. Под ролью понимается позиция индивида в сети отношений (networks of relationships), связывающих его с другими индивидами.

Представление о том, что идентичности являются интернализированными социальными ролями, подчеркивает важную дихотомию. Такая дихотомия удачно иллюстрируется предлагаемым Дженкинсом подразделением идентичностей на «номинальные» (nominal) и «фактические» (virtual). Номинальная идентичность, по Дженкинсу, представляет собой внешний «ярлык», с которым идентифицируют индивида [19, с. 76]. Фактическая идентичность — это то, что такая идентификация фактически значит для ее носителя, и то, как она воплощается в его каждодневных действиях [Там же. С. 77]. Таким образом, объективно существующая роль является номинальной идентичностью, а то, как эта роль интернализируется и предопределяет поведение индивида, — фактической.

Исходя из ТИ, а также из ТСИ, Я-концепция индивида действительно является многомерной и складывается из различных идентичностей, определяемых позициями в сетях отношений или групповыми идентификациями [25, с. 477; 28; 29]. Тем не менее это не свидетельствует о том, что Я-концепция является чрезмерно расщепленной и/или непостоянной. С. Страйкер и П. Берк отмечают, что идентичности и их зна-

чимости *более-менее стабильны* как во времени, так и в различных ситуациях [27, с. 286].

Итак, идентичность — это комплексное понятие, основная характеристика которого — диалектическое единство внутренних и внешних факторов ее формирования. Ядром идентичности является Я-концепция индивида, формирующаяся во взаимодействии различных процессов, включающих рефлекссию и идентификацию с группами и категориями, к которым принадлежит индивид, и/или его социальными ролями. Идентичность характеризуется балансом стабильности и изменчивости, а также пластичности и агентивности. Ключевую роль как в формировании, так и в выражении идентичности играет язык.

Большинство известных нам исследований идентичности на языковом материале и/или с использованием лингвистических методов перекликаются с тематическими векторами изучения идентичности в социальных дисциплинах. Такие лингвистические работы можно условно разделить на два направления. Первое направление представлено исследованиями способов конструирования идентичности самими субъектами — носителями данной фактической (в противовес номинальной) идентичности в ходе самопрезентации во время социального взаимодействия. Второе направление составляют исследования номинальных идентичностей как субъектных позиций, конструируемых в дискурсе [Ср.: 30, с. 29].

Вербальное выражение фактической идентичности исследовалось в рамках таких направлений, как этнометодология и конверсационный анализ, дискурсивная психология, КДА и социолингвистика [См. также: 30, с. 34–46]. В данных направлениях акцентируется понимание идентичности как семиотической деятельности индивида в различных актах коммуникации, как способов самопрезентации и создания положительного имиджа. Так, в рамках социолингвистики популярными темами являются гендерные, этнические и региональные идентичности [См.: 14]. В рамках КДА примерами исследований такого типа могут служить исследования самопрезентации: конструирование нарочито маскулинных идентичностей [31], конструирование успешного имиджа в нарративе [32, 33], позитивная самопрезентация в политической коммуникации [34]. Также тра-

диционной в КДА темой является конструирование выраженной групповой идентичности: национальной идентичности [35–38], идентичности сексуальных меньшинств [39], гендерной идентичности [40], идентичности этнических меньшинств [41, 42]. Подобные исследования подтверждают известные из постмодернистских социологически ориентированных теорий представления об идентичностях как целенаправленных проекциях индивидуальности в ситуациях социального взаимодействия, а также подчеркивают агентивность субъекта и обусловленность идентичности принадлежностью к группе (в противовес категории).

Второе направление объединяет исследования дискурса на предмет конструируемых («навязываемых») им субъектных позиций. Такие исследования чаще всего имеют критическую направленность, поэтому распространены в рамках КДА; к затрагиваемым темам относятся злоупотребление социальной властью, социальное неравенство и «власть дискурса».

Темы и направления исследований в данной подгруппе весьма разнообразны. Традиционная тематика для исследований в области КДА — исследование репрезентации этнических групп [43], процесса конструирования национальных идентичностей [44–46]. Другая популярная тема — репрезентация идентичностей в контексте расизма [47–49]. Еще одна популярная тема — конструирование гендерных идентичностей [50, 51]. Исследования такой направленности также подчеркивают процессуальный аспект идентичностей и их семиотическую природу, хотя и обращены к процессу конструирования номинальных идентичностей и категорий (в отличие от групп).

Традиционно популярным акцентом в такого рода работах является изучение процессов отчуждения и поляризации «своих»/«чужих» как в рамках политической коммуникации [52, 53], так и в конструировании «каждодневных» идентичностей [54–56]. Тема поляризации и создания образа «чужого» также часто сопровождается изучением способов легитимизации политических действий по отношению к отчуждаемым идентичностям [49, 57–59]. Навязываемые идентичности, однако, не воспринимаются их «мишенями» пассивно, что иллюстрируется наличием контрдискурсов, в которых разворачивается «семиотическая борьба» с такой на-

вязываемой категоризацией. Такие дискурсы также становятся объектом лингвистического анализа [56, 60, 61]. Исследования данной группы подчеркивают тот факт, что идентичности во многом являются политизированными, а также то, что артикуляция идентичностей в дискурсе — процесс постоянного формулирования и переформулирования идентичностей различными субъектами, отстаивающими свой интерес и права.

Заключение

На современном этапе развития как перед лингвистикой, так и перед социальными науками стоит задача усовершенствования за счет теоретического и методологического аппарата друг друга. Однако устойчивого диалога между исследователями двух групп дисциплин, по всей видимости, по-прежнему не наблюдается [1, 3].

Одной из сфер, где такой диалог может быть продуктивным, является изучение идентичнос-

тей. Как было показано выше, лингвистами, в особенности представителями КДА, уже проведена значительная работа, подтверждающая выводы, сделанные учеными смежных дисциплин, и предоставляющая новые эмпирические данные.

Думается, что исследователи позднего модерна правы, утверждая, что идентичности становятся более эклектичными, текучими и рефлексивными, всё больше превращаясь в «проект построения себя». Соответственно растет и роль семиотических средств, в том числе и языковых, как способов реализации таких идентичностей. Аналогичным образом увеличивается значимость и дискурсов, теоретизирующих, описывающих и конструирующих такие идентичности, что иллюстрируется, в частности, значительным ростом количества лайфстайл-ресурсов [62, 63]. В такой ситуации лингвистические методы исследования становятся всё более актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Poynton C. Grammar, language and the social: Poststructuralism and systemic-functional linguistics // *Social Semiotics*. Routledge. 1993. Vol. 3, no. 1. Pp. 1–21. DOI: 10.1080/10350339309384407.
2. Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. С. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84.
3. Bell A. Succeeding waves: Seeking sociolinguistic theory for the twenty-first century // *Sociolinguistics: Theoretical Debates* / ed. Coupland N. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. Pp. 391–416.
4. Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1999. 168 p.
5. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity, 1992. 259 p.
6. Carter P.M. Poststructuralist Theory and Sociolinguistics: Mapping the Linguistic Turn in Social Theory // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7, no. 11. Pp. 580–596. DOI: 10.1111/lnc3.12051.
7. Carver T. Discourse Analysis and the “Linguistic Turn” // *European Political Science*. 2002. Vol. 2, no. 1. Pp. 50–53. DOI: 10.1057/eps.2002.46.
8. Deetz S. Reclaiming the Legacy of the Linguistic Turn // *Organization*. SAGE Publications Ltd., 2003. Vol. 10, no. 3. Pp. 421–429. DOI: 10.1177/13505084030103002.
9. Alvesson M., Kärreman D. Taking the Linguistic Turn in Organizational Research // *The J. of Applied Behavioral Science*. SAGE Publications Inc. 2000. Vol. 36, no. 2. Pp. 136–158. DOI: 10.1177/0021886300362002.
10. Clifton J. Leaders as ventriloquists. Leader identity and influencing the communicative construction of the organisation // *Leadership*. SAGE Publications. 2015. Vol. 13, no. 3. Pp. 301–319. DOI: 10.1177/1742715015584695.
11. Cordeiro C.M. Using systemic functional linguistic metafunction as a tool in identifying Agency in organizational change in cross-cultural management contexts // *Intern. J. of Cross Cultural Management*. SAGE Publications. 2017. Vol. 17, no. 1. Pp. 125–135. DOI: 10.1177/1470595817694914.
12. Vaara E. Taking the linguistic turn seriously: Strategy as a multifaceted and interdiscursive phenomenon // *The Globalization of Strategy Research*. Emerald Group Publ. Ltd. 2010. Vol. 27. Pp. 29–50. DOI: 10.1108/S0742-3322(2010)0000027005.
13. Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 299 p.
14. Coupland N. Style: Language variation and identity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 209 p.
15. Scollon R., Scollon S.W. Nexus Analysis: Discourse and the emerging Internet. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 198 p. DOI: 10.1111/j.1360-6441.2006.00321b.x.

16. **Grad H., Martín Rojo L.** Identities in discourse: an integrative view // *Analysing identities in discourse*. 2008. Pp. 3–30. DOI: 10.1075/dapsac.28.
17. **Hall S.** Introduction: Who Needs “Identity”? // *Questions of cultural identity* / ed. Hall S., Du Gay P. L.: SAGE Publications, 1996. Pp. 1–17. DOI: 10.4135/9781446221907.n1.
18. **Brubaker R., Cooper F.** Beyond “identity” // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29, no. 1. Pp. 1–47. DOI: 10.1023/A:1007068714468.
19. **Jenkins R.** *Social Identity*. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 218 p. DOI: 10.4324/9780203292990.
20. **Adams M.** The reflexive self and culture: a critique // *The British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, no. 2. Pp. 221–238. DOI: 10.1080/0007131032000080212.
21. **Althusser L.** *On the reproduction of capitalism: ideology and ideological state apparatuses*. L.: Verso, 2014. 285 p.
22. **Deschamps J.-C., Devos T.** Regarding the relationship between social identity and personal identity // *Social identity: International perspectives* / ed. Worchel S. et al. Thousand Oaks, CA, US: Sage Publications, Inc. 1998. Pp. 1–12. DOI: 10.4135/9781446279205.n1.
23. **Tajfel H.** *Social identity and intergroup behaviour* // *Social Science Information/sur les sciences sociales*. US: Sage Publications. 1974. Vol. 13, no. 2. Pp. 65–93. DOI: 10.1177/053901847401300204.
24. **Deaux K.** Models, meanings and motivations // *Social identity processes: Trends in theory and research* / ed. Capozza D., Brown R. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 2000. Pp. 1–14. DOI: 10.4135/9781446218617.n1.
25. **Brewer M.B.** The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. SAGE Publications Inc. 1991. Vol. 17, no. 5. Pp. 475–482. DOI: 10.1177/0146167291175001.
26. **Serino C.** The Personal-Social Interplay: Social-Cognitive Prospects on Identity and Self-Others Comparison // *Social Identity: Intern. Perspectives* / ed. Worchel S. et al. L.: Sage Publications Ltd, 1998. Pp. 24–43. DOI: 10.4135/9781446279205.n3.
27. **Stryker S., Burke P.J.** The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*. Sage Publications, Inc., American Sociological Association. 2000. Vol. 63, no. 4. Pp. 284–297. DOI: 10.2307/2695840.
28. **Burke P.J., Reitzes D.C.** The Link Between Identity and Role Performance // *Social Psychology Quarterly*. Sage Publications, Inc., American Sociological Association. 1981. Vol. 44, no. 2. Pp. 83–92. DOI: 10.2307/3033704.
29. **Kleine R.E., Kleine S.S., Kernan J.B.** *Mundane Consumption and the Self: A Social-Identity Perspective* // *J. of Consumer Psychology*. Elsevier. 1993. Vol. 2, no. 3. Pp. 209–235. DOI: 10.1016/S1057-7408-(08)80015-0.
30. **Benwell B., Stokoe E.** *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2006. 329 p.
31. **Andersson K.** Constructing young masculinity: a case study of heroic discourse on violence // *Discourse & Society*. 2008. Vol. 19, no. 2. Pp. 139–161. DOI: 10.1177/0957926507085949.
32. **Wagner I.** Performing success: identifying strategies of self-presentation in women’s biographical narratives // *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17, no. 3. Pp. 385–411. DOI: 10.1177/0957926506060251.
33. **Szzyr K.** Strategies of powerful self-presentations in the discourse of female tennis players // *Discourse & Society*. 2010. Vol. 21, no. 4. Pp. 458–479. DOI: 10.1177/0957926510366098.
34. **Chilton P.** *Politeness, Politics and Diplomacy* // *Discourse & Society*. 1990. Vol. 1, no. 2. Pp. 201–224. DOI: 10.1177/0957926590001002005.
35. **Varjonen S., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I.** “We”re Finns here, and Russians there’: A longitudinal study on ethnic identity construction in the context of ethnic migration // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24, no. 1. Pp. 110–134. DOI: 10.1177/0957926512463632.
36. **Yamaguchi M.** Discursive representation and enactment of national identities: the case of Generation 1.5 Japanese // *Discourse & Society*. 2005. Vol. 16, no. 2. Pp. 269–299. DOI: 10.1177/0957926505049624.
37. **Ni Maolalaidh M., Stevenson C.** National identity in a foreign context: Irish women accounting for their children’s national identity in England // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25, no. 2. Pp. 245–262. DOI: 10.1177/0957926513516049.
38. **Shrikant N.** “Yo, it”s IST yo’: The discursive construction of an Indian American youth identity in a South Asian student club // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, no. 4. Pp. 480–501. DOI: 10.1177/0957926515576634.
39. **Koller V.** Constructing (non-)normative identities in written lesbian discourse: A diachronic study // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24, no. 5. Pp. 572–589. DOI: 10.1177/0957926513486166.
40. **Edley N., Wetherell M.** Jockeying for Position: The Construction of Masculine Identities // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8, no. 2. Pp. 203–217. DOI: 10.1177/0957926597008002004.
41. **Merino M.-E., Tileaga C.** The construction of ethnic minority identity: A discursive psychological approach to ethnic self-definition in action // *Discourse & Society*. 2011. Vol. 22, no. 1. Pp. 86–101. DOI: 10.1177/0957926510382834.
42. **Hatoss A.** Where are you from? Identity construction and experiences of “othering” in the narratives of Sudanese refugee-background Australians // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23, no. 1. Pp. 47–68. DOI: 10.1177/0957926511419925.

43. **Pietikäinen S.** Indigenous Identity in Print: Representations of the Sami in News Discourse // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14, no. 5. Pp. 581–609. DOI: 10.1177/09579265030145003.
44. **De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.** The Discursive Construction of National Identities // *Discourse & Society*. 1999. Vol. 10, no. 2. Pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002.
45. **Costelloe L.** Discourses of sameness: Expressions of nationalism in newspaper discourse on French urban violence in 2005 // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25, no. 3. Pp. 315–340. DOI: 10.1177/0957926513519533.
46. **Chan M.** The discursive reproduction of ideologies and national identities in the Chinese and Japanese English-language press // *Discourse & Communication*. 2012. Vol. 6, no. 4. Pp. 361–378. DOI: 10.1177/1750481312457496.
47. **Hanson-Easey S., Augoustinos M.** Out of Africa: Accounting for refugee policy and the language of causal attribution // *Discourse & Society*. 2010. Vol. 21, no. 3. Pp. 295–323. DOI: 10.1177/0957926509360744.
48. **Lynn N., Lea S.** “A Phantom Menace and the New Apartheid”: The Social Construction of Asylum-Seekers in the United Kingdom // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14, no. 4. Pp. 425–452. DOI: 10.1177/0957926503014004002.
49. **Martin Rojo L., van Dijk T.A.** “There was a Problem, and it was Solved!”: Legitimizing the Expulsion of “Illegal” Migrants in Spanish Parliamentary Discourse // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8, no. 4. Pp. 523–566. DOI: 10.1177/0957926597008004005.
50. **Benwell B.** Is there anything “new” about these lads? The textual and visual construction of masculinity in men’s magazines // *Gender identity and discourse analysis* / ed. Litosseliti J., Sunderland L. Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 2002. Pp. 149–174. DOI: 10.1075/dapsac.2.09ben.
51. **Talbot M.M.** *Language and gender*. Cambridge: Polity Press, 2010. 273 p.
52. **Oddo J.** War legitimization discourse: Representing “Us” and “Them” in four US presidential addresses // *Discourse & Society*. 2011. Vol. 22, no. 3. Pp. 287–314. DOI: 10.1177/0957926510395442.
53. **Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н.** История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: Ленанд, 2014. 200 p.
54. **Baxter J., Wallace K.** Outside in-group and out-group identities? Constructing male solidarity and female exclusion in UK builders’ talk // *Discourse & Society*. 2009. Vol. 20, no. 4. Pp. 411–429. DOI: 10.1177/0957926509104021.
55. **Eriksson K.** “We”re really lucky’: Co-creating “us” and the “Other” in school booktalk // *Discourse & Society*. 2005. Vol. 16, no. 5. Pp. 719–738. DOI: 10.1177/0957926505054943.
56. **Toft A.** Contesting the deviant other: Discursive strategies for the production of homeless subjectivities // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25, no. 6. Pp. 783–809. DOI: 10.1177/0957926514536839.
57. **Leudar I., Marsland V., Nekvapil J.** On Membership Categorization: “Us”, “Them” and “Doing Violence” in Political Discourse // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15, no. 2. Pp. 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019.
58. **Sowinska A., Dubrovskaya T.** Discursive construction and transformation of “us” and “them” categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view // *Discourse & Communication*. 2012. Vol. 6, no. 4. Pp. 449–468. DOI: 10.1177/1750481312457521.
59. **Lazar A., Lazar M.M.** The Discourse of the New World Order: “Out-Casting” the Double Face of Threat // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15, no. 2–3. Pp. 223–242. DOI: 10.1177/0957926504041018.
60. **Del-Teso-Craviotto M.** Racism and xenophobia in immigrants’ discourse: the case of Argentines in Spain // *Discourse & Society*. 2009. Vol. 20, no. 5. Pp. 571–592. DOI: 10.1177/0957926509106411.
61. **Strom M.** Social hierarchy in local Spanish-language print media: The discursive representation of Latino social actors in the United States // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, no. 2. Pp. 230–252. DOI: 10.1177/0957926514556019.
62. **Ordinary** lifestyles: popular media, consumption and taste / ed. Bell D., Hollows J. Open Univ. Press, 2005. 295 p.
63. **Historicizing** lifestyle: mediating taste, consumption and identity from the 1900s to 1970s / ed. Bell D., Hollows J. L.; N. Y.: Routledge, 2006.

МОЛОДЫЧЕНКО Евгений Николаевич – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; emolodychenko@hse.ru

Статья поступила в редакцию 20.07.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] C. Poynton, Grammar, language and the social: Poststructuralism and systemic-functional linguistics, *Social Semiotics*, 3 (1) (1993) 1–21. DOI: 10.1080/10350339309384407.
- [2] L.N. Belyaeva, V.E. Chernyavsakay, [Evidence-based Linguistics: Methods in Cognitive Paradigm], *Issues in Cognitive Linguistics*, 3 (2016) 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84.
- [3] A. Bell, *Succeeding waves: Seeking sociolinguistic theory for the twenty-first century*, in: N. Coupland (Ed.), *Sociolinguistics: Theoretical Debates*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2016, pp. 391–416. DOI: 10.1017/CBO9781107449787.019.
- [4] L. Chouliaraki, N. Fairclough, *Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis*, Edinburgh Univ. Press, Edinburgh, 1999.
- [5] N. Fairclough, *Discourse and Social Change*, Polity, Cambridge, 1992.
- [6] P.M. Carter, Poststructuralist Theory and Sociolinguistics: Mapping the Linguistic Turn in Social Theory, *Language and Linguistics Compass*, 7 (1) (2013) 580–596. DOI: 10.1111/lnc3.12051.
- [7] T. Carver, Discourse Analysis and the “Linguistic Turn,” *European Political Science*, 2 (1) (2002) 50–53. DOI: 10.1057/eps.2002.46.
- [8] S. Deetz, Reclaiming the Legacy of the Linguistic Turn, *Organization*, 10 (3) (2003) 421–429. DOI: 10.1177/13505084030103002.
- [9] M. Alvesson, D. Kärreman, Taking the Linguistic Turn in Organizational Research, *The J. of Applied Behavioral Science*, 36 (2) (2000) 136–158. DOI: 10.1177/0021886300362002.
- [10] J. Clifton, Leaders as ventriloquists. Leader identity and influencing the communicative construction of the organisation, *Leadership*, 13 (3) (2015) 301–319. DOI: 10.1177/1742715015584695.
- [11] C.M. Cordeiro, Using systemic functional linguistic metafunction as a tool in identifying Agency in organizational change in cross-cultural management contexts, *Intern. J. of Cross Cultural Management*, 17 (1) (2017) 125–135. DOI: 10.1177/1470595817694914.
- [12] E. Vaara, Taking the linguistic turn seriously: Strategy as a multifaceted and interdiscursive phenomenon, *The Globalization of Strategy Research*, Emerald Group Publ. Ltd, 27 (2010) 29–50. DOI: 10.1108/S0742-3322-(2010)0000027005.
- [13] J. Blommaert, *Discourse: A Critical Introduction*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2005.
- [14] N. Coupland, *Style: Language variation and identity*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2007.
- [15] R. Scollon, S.W. Scollon, *Nexus Analysis: Discourse and the emerging Internet*, Routledge, London and New York, 2004. DOI: 10.1111/j.1360-6441.2006.00321b.x.
- [16] H. Grad, L. Martín Rojo, Identities in discourse: an integrative view, in: *Analysing Identities in Discourse*, 2008, pp. 3–30.
- [17] S. Hall, Introduction: Who Needs “Identity”?, in: S. Hall, P. Du Gay (Eds.), *Questions of Cultural Identity*, SAGE Publications, London, 1996, pp. 1–17. DOI: 10.4135/9781446221907.n1.
- [18] R. Brubaker, F. Cooper, Beyond “identity,” *Theory and Society*, 29 (1) (2000) 1–47. DOI: 10.1023/A:1007068714468.
- [19] R. Jenkins, *Social Identity*, Routledge, London and New York, 2004. DOI: 10.4324/9780203292990.
- [20] M. Adams, The reflexive self and culture: a critique, *The British J. of Sociology*, 54 (2) (2003) 221–238. DOI: 10.1080/0007131032000080212.
- [21] L. Althusser, *On the reproduction of capitalism: ideology and ideological state apparatuses*, Verso, London, 2014.
- [22] J.-C. Deschamps, T. Devos, Regarding the relationship between social identity and personal identity, in: S. Worchel, J.F. Morales, D. Páez, J.-C. Deschamps (Eds.), *Social Identity: International Perspectives*, Sage Publications, Inc, Thousand Oaks, CA, US, 1998, pp. 1–12. DOI: 10.4135/9781446279205.n1.
- [23] H. Tajfel, Social identity and intergroup behaviour, *Social Science Information/sur Les Sciences Sociales*, 13 (2) (1974) 65–93. DOI: 10.1177/053901847401300204.
- [24] K. Deaux, Models, meanings and motivations., in: D. Capozza, R. Brown (Eds.), *Social Identity Processes: Trends in Theory and Research*, Sage Publications Ltd, Thousand Oaks, CA, 2000, pp. 1–14. DOI: 10.4135/9781446218617.n1.
- [25] M.B. Brewer, The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 17 (5) (1991) 475–482. DOI: 10.1177/0146167291175001.
- [26] C. Serino, The Personal-Social Interplay: Social-Cognitive Prospects on Identity and Self-Others Comparison, in: S. Worchel, J.F. Morales, D. Páez, J.-C. Deschamps (Eds.), *Social Identity: Intern. Perspectives*, Sage Publications Ltd, London, 1998, pp. 24–43. DOI: 10.4135/9781446279205.n3.
- [27] S. Stryker, P.J. Burke, The Past, Present, and Future of an Identity Theory, *Social Psychology Quarterly*, 63 (4) (2000) 284–297. DOI: 10.2307/2695840.
- [28] P.J. Burke, D.C. Reitzes, The Link Between Identity and Role Performance, *Social Psychology Quarterly*, 44 (2) (1981) 83–92. DOI: 10.2307/3033704.
- [29] R.E. Kleine, S.S. Kleine, J.B. Kernan, Mundane Consumption and the Self: A Social-Identity Perspective, *J. of Consumer Psychology*, 2 (3) (1993) 209–235. DOI: 10.1016/S1057-7408(08)80015-0.
- [30] B. Benwell, E. Stokoe, *Discourse and identity*, Edinburgh Univ. Press, Edinburgh, 2006.

- [31] K. Andersson, Constructing young masculinity: a case study of heroic discourse on violence, *Discourse & Society*, 19 (2) (2008) 139–161. DOI: 10.1177/0957926507085949.
- [32] I. Wagner, Performing success: identifying strategies of self-presentation in women's biographical narratives, *Discourse & Society*, 17 (3) (2006) 385–411. DOI: 10.1177/0957926506060251.
- [33] K. Sznycer, Strategies of powerful self-presentations in the discourse of female tennis players, *Discourse & Society*, 21 (4) (2010) 458–479. DOI: 10.1177/0957926510366098.
- [34] P. Chilton, Politeness, *Politics and Diplomacy, Discourse & Society*, 1 (2) (1990) 201–224. DOI: 10.1177/0957926590001002005.
- [35] S. Varjonen, L. Arnold, I. Jasinskaja-Lahti, "We're Finns here, and Russians there": A longitudinal study on ethnic identity construction in the context of ethnic migration, *Discourse & Society*, 24 (1) (2013) 110–134. DOI: 10.1177/0957926512463632.
- [36] M. Yamaguchi, Discursive representation and enactment of national identities: the case of Generation 1.5 Japanese, *Discourse & Society*, 16 (2) (2005) 269–299. DOI: 10.1177/0957926505049624.
- [37] M. Ni Maolalaidh, C. Stevenson, National identity in a foreign context: Irish women accounting for their children's national identity in England, *Discourse & Society*, 25 (2) (2014) 245–262. DOI: 10.1177/0957926513516049.
- [38] N. Shrikant, "Yo, it's IST yo": The discursive construction of an Indian American youth identity in a South Asian student club, *Discourse & Society*, 26 (4) (2015) 480–501. DOI: 10.1177/0957926515576634.
- [39] V. Koller, Constructing (non-)normative identities in written lesbian discourse: A diachronic study, *Discourse & Society*, 24 (5) (2013) 572–589. DOI: 10.1177/0957926513486166.
- [40] N. Edley, M. Wetherell, Jockeying for Position: The Construction of Masculine Identities, *Discourse & Society*, 8 (2) (1997) 203–217. DOI: 10.1177/0957926597008002004.
- [41] M.-E. Merino, C. Tileaga, The construction of ethnic minority identity: A discursive psychological approach to ethnic self-definition in action, *Discourse & Society*, 22 (1) (2011) 86–101. DOI: 10.1177/0957926510382834.
- [42] A. Hatoss, Where are you from? Identity construction and experiences of "othering" in the narratives of Sudanese refugee-background Australians, *Discourse & Society*, 23 (1) (2012) 47–68. DOI: 10.1177/0957926511419925.
- [43] S. Pietikäinen, Indigenous Identity in Print: Representations of the Sami in News Discourse, *Discourse & Society*, 14 (5) (2003) 581–609. DOI: 10.1177/09579265030145003.
- [44] R. De Cillia, M. Reisigl, R. Wodak, The Discursive Construction of National Identities, *Discourse & Society*, 10 (2) (1999) 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002.
- [45] L. Costelloe, Discourses of sameness: Expressions of nationalism in newspaper discourse on French urban violence in 2005, *Discourse & Society*, 25 (3) (2014) 315–340. DOI: 10.1177/0957926513519533.
- [46] M. Chan, The discursive reproduction of ideologies and national identities in the Chinese and Japanese English-language press, *Discourse & Communication*, 6 (4) (2012) 361–378. DOI: 10.1177/1750481312457496.
- [47] S. Hanson-Easey, M. Augoustinos, Out of Africa: Accounting for refugee policy and the language of causal attribution, *Discourse & Society*, 21 (3) (2010) 295–323. DOI: 10.1177/0957926509360744.
- [48] N. Lynn, S. Lea, "A Phantom Menace and the New Apartheid": The Social Construction of Asylum-Seekers in the United Kingdom, *Discourse & Society*, 14 (4) (2003) 425–452. DOI: 10.1177/0957926503014004002.
- [49] L. Martin Rojo, T.A. van Dijk, "There was a Problem, and it was Solved!": Legitimizing the Expulsion of "Illegal" Migrants in Spanish Parliamentary Discourse, *Discourse & Society*, 8 (4) (1997) 523–566. DOI: 10.1177/0957926597008004005.
- [50] B. Benwell, Is there anything "new" about these lads? The textual and visual construction of masculinity in men's magazines, in: J. Litosseliti, L. Sunderland (Eds.), *Gender Identity and Discourse Analysis*, John Benjamins Publ. Company, Amsterdam, 2002, pp. 149–174. DOI: 10.1075/dapsac.2.09ben.
- [51] M.M. Talbot, *Language and gender*, Polity Press, Cambridge, 2010.
- [52] J. Oddo, War legitimization discourse: Representing "Us" and "Them" in four US presidential addresses, *Discourse & Society*, 22 (3) (2011) 287–314. DOI: 10.1177/0957926510395442.
- [53] V.E. Chernyavskaya, E.N. Molodychenko, *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz "svoikh" i "chuzhikh"* [History in Political Discourse: Linguistic Construction of Us and Them], Lenand Publ., Moscow, 2014.
- [54] J. Baxter, K. Wallace, Outside in-group and out-group identities? Constructing male solidarity and female exclusion in UK builders' talk, *Discourse & Society*, 20 (4) (2009) 411–429. DOI: 10.1177/0957926509104021.
- [55] K. Eriksson, "We're really lucky": Co-creating "us" and the "Other" in school booktalk, *Discourse & Society*, 16 (5) (2005) 719–738. DOI: 10.1177/0957926505054943.
- [56] A. Toft, Contesting the deviant other: Discursive strategies for the production of homeless subjectivities, *Discourse & Society*, 25 (6) (2014) 783–809. DOI: 10.1177/0957926514536839.

[57] I. Leudar, V. Marsland, J. Nekvapil, On Membership Categorization: “Us”, “Them” and “Doing Violence” in Political Discourse, *Discourse & Society*, 15 (2) (2004) 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019.

[58] A. Sowinska, T. Dubrovskaya, Discursive construction and transformation of “us” and “them” categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view, *Discourse & Communication*, 6 (4) (2012) 449–468. DOI: 10.1177/1750481312457521.

[59] A. Lazar, M.M. Lazar, The Discourse of the New World Order: “Out-Casting” the Double Face of Threat, *Discourse & Society*, 15 (2–3) (2004) 223–242. DOI: 10.1177/0957926504041018.

[60] M. Del-Teso-Craviotto, Racism and xenophobia in immigrants’ discourse: the case of Argentines in Spain, *Discourse & Society*, 20 (5) (2009) 571–592. DOI: 10.1177/0957926509106411.

[61] M. Strom, Social hierarchy in local Spanish-language print media: The discursive representation of Latino social actors in the United States, *Discourse & Society*, 26 (2) (2015) 230–252. DOI: 10.1177/0957926514556019.

[62] D. Bell, J. Hollows, eds., *Ordinary lifestyles: popular media, consumption and taste*, Open Univ. Press, 2005.

[63] D. Bell, J. Hollows, eds., *Historicizing lifestyle: mediating taste, consumption and identity from the 1900s to 1970s*, Routledge, London and New York, 2006.

MOLODYCHENKO Evgeniy N. – National Research University Higher School of Economics; emolodychenko@hse.ru

Received 20.07.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Д.Г. Арсеньев, В.В. Краснощёков

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проведен анализ существующих механизмов подготовки студентов к участию в программах международной академической мобильности. Различные виды поддержки помогают студентам в преодолении многочисленных барьеров мобильности – информационного, организационного, финансового, академического, психологического. Проведен сравнительный анализ форм языковой поддержки студентов, готовящихся к участию в программах мобильности, которые относятся к сфере как формального, так и неформального образования. Вне вузов языковая подготовка происходит фактически бесконтрольно, что может привести к рискам, например к академической эмиграции или «утечке мозгов» из России в страны Запада. Поэтому наиболее эффективной является комплексная поддержка мобильности. Разработана система подготовки студентов к международной мобильности, сочетающая различные формы поддержки и компенсации рисков, включая воспитательную работу. Основой системы является механизм обеспечения участия студентов в международных краткосрочных образовательных программах, организованных собственным вузом, а также в международных студенческих проектах. Российские студенты выступают в роли тьюторов, выполняя наставнические функции по отношению к иностранным участникам программы, а также являются членами управляющей команды программы, которая рассматривается как инновационный проект. Совершенствование общекультурных компетенций студентов сопровождается в случае удовлетворенности от участия в программе ростом мотивации к углублению интернационального опыта.

Ключевые слова: интернационализация; академическая мобильность; комплексная подготовка; «утечка мозгов»; краткосрочные международные образовательные программы; студенческие проекты

Ссылка при цитировании: Арсеньев Д.Г., Краснощёков В.В. Система подготовки студентов к международной академической мобильности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 134–144. DOI: 10.18721/JHSS.8313

SYSTEM OF STUDENT TRAINING FOR INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY

D.G. Arseniev, V.V. Krasnoshchekov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the existing mechanisms of preparation of students for participation in programs of international academic mobility. Different types of support help students in overcoming the numerous barriers, such as the information barrier, the organization barrier, the financial barrier, the academic barrier, and the psychological barrier. A comparative analysis of the forms of language support for students preparing to participate in mobility programs has been carried out. Language training relates both to the sphere of formal education and to the sphere of non-formal education. Outside universities, language training is virtually uncontrolled, which can lead to risks, for example, to academic emigration or brain drain from Russia to Western countries. So the most effective way is comprehensive mobility support. The developed system of preparing students for international mobility combines various forms of support and compensation for risks, including tutorial work. The system of preparation of students for international mobility is developed. The system is based on the mechanism that ensures students to participate in the international short-term educational programs organized by their universities, as well as in international student projects. Russian students act as tutors, performing mentoring functions for foreign participants of the program, and they are also part of the management team of the program, which is regarded as an innovative project. In case of satisfaction from participating in the program, students improve their general cultural competence together, which increases their motivation for deepening the international experience.

Keywords: internationalization; academic mobility; comprehensive training; brain drain; short-term international educational programs; students projects

Citation: D.G. Arseniev, V.V. Krasnoshchekov, System of student training for international academic mobility, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 134–144. DOI: 10.18721/JHSS.8313

Введение

Интернационализация высшего образования является процессом, обусловленным вызовами глобализации. В соответствии с современными воззрениями, только в интернационализованном вузе возможно достижение того уровня качества образования, который востребован обществом и в России, и за рубежом [1; 2, с. 1046]. Несмотря на ухудшение мировой политической ситуации, курс на интернационализацию российских вузов остается неизменным. Например, продолжается государственная поддержка Проекта повышения конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров, кратко

именуемого Проектом 5-100. В программных документах Проекта 5-100 интернационализация вузов напрямую связывается с компонентами качества подготовки в этих вузах.

Академическая мобильность студентов — одна из основных составляющих интернационализации вуза [3, с. 128]. В то же время препятствием для участия студентов российских вузов являются барьеры: информационный, содержательный, финансовый, языковой, которые названы в коллективной монографии «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего» [4, с. 176–178]. Как зарубежные, так и отечественные авторы справедливо добавляют к перечисленным выше социальный и психологический

барьеры [5, с. 28–50; 6], а также межкультурный барьер, который можно рассматривать либо как часть психологического барьера, либо как компонент коммуникационного барьера вместе с языковым. Ряд барьеров, связанных с несогласованностью направлений подготовки в вузах, различием учебных планов и программ, признанием периодов обучения за рубежом и т. д. [7, с. 33–36], можно объединить в организационный барьер, наименования которого в источниках разнятся (структурный, институциональный, нормативно-правовой и т. д.). К этой же категории можно отнести барьеры, обусловленные проблемами кросс-культурного менеджмента [8, с. 76–80]. Таким образом, проблема содействия преодолению барьеров академической мобильности является актуальной.

Постановка проблемы и цели исследования

Ввиду разнообразия барьеров и их разновидностей помощь студентам в их преодолении является достаточно распространенным видом деятельности в сфере как формального образования, так и неформального и информального. Поэтому прежде всего необходимо исследовать существующие формы поддержки академической мобильности студентов. Эти формы различаются по степени эффективности. Кроме того, следует учитывать возможности компенсации рисков, превращающих академическую мобильность в академическую миграцию.

На основании проведенного анализа можно приступить к реализации цели настоящего исследования – разработке комплексной модели поддержки академической мобильности студентов российских университетов.

Методология

Первым направлением поддержки мобильности студентов является поддержка информационная, состоящая в информировании их о существующих программах мобильности, помощи в выборе подходящей программы и оформлении документов. Ее осуществляют практически все вузы, стремящиеся улучшить показатели интернационализации, о чем свидетельствует даже беглый анализ сайтов. Подготовка вузов к этой деятельности проводилась в 2000-х гг. под руководством Национального фонда подготовки кадров, а также с помощью многочисленных проектов, реализованных в

рамках программ ТЕМПУС. Соответствующие службы интернационализированных российских вузов также способствуют преодолению организационных барьеров. Информационной поддержкой занимаются государственные и негосударственные отечественные и зарубежные организации, например Германская служба академических обменов (DAAD), Фонд Михаила Прохорова и т. д. В поле информационной поддержки действуют организации, реализующие программы неформального образования, такие как лингвистические центры, или, например, Board of European Students of Technology (BEST), ставящий своей целью пропаганду инженерного образования. В беглом обзоре организаций, оказывающих информационную поддержку мобильности студентов, приведены единичные примеры, демонстрирующие широту и разнородность вовлеченных в эту деятельность структур.

Вторым важнейшим направлением поддержки мобильности студентов является поддержка финансовая, поскольку именно финансовый барьер рассматривается участниками как наиболее серьезный [4, с. 176–178]. В России финансирование мобильности определено задачами государственной программы «Глобальное образование» и упоминавшегося Проекта 5-100. Финансовую поддержку мобильности оказывает также Правительство РФ, Российский фонд фундаментальных исследований, правительства субъектов Федерации, Фонд Михаила Прохорова и т. д. Среди зарубежных программ финансовой поддержки, открытых для российских студентов, следует назвать Erasmus, Erasmus Mundus, Erasmus+, Marie Curie, FIRST, «Михаил Ломоносов», Youth, Citizenship, Grundtvig. Также стипендии и гранты студентам присуждают государственные и негосударственные зарубежные организации: DAAD, CIMO (Центр международной мобильности), Шведский институт, посольство Китая и др.

Третьим направлением поддержки международной академической мобильности студентов является языковая подготовка. Прежде всего следует отметить дополнительный характер всех анализируемых программ обучения языкам. Языковые дисциплины, изучаемые студентами в ходе освоения основных образовательных программ, не рассматриваются, по-

сколькxу подготовка к участию в программах мобильности в целях изучения таких дисциплин, определенных ФГОСами, обычно не ставится. Теоретически проблема совершенствования иноязычных компетенций, необходимых студентам для участия в программах академической мобильности, достаточно хорошо изучена [9–13]. В некоторых из проанализированных источников затронута также тема совершенствования межкультурных компетенций, однако, по сути, разработанные авторами этих исследований методики в первую очередь направлены на совершенствование именно языковых компетенций [14, 15].

В языковой подготовке можно выделить два поднаправления. Первое – языковые курсы, созданные для совершенствования языковых (иноязычных) компетенций студентов. Эти курсы ориентированы именно на подготовку студентов к освоению образовательных программ за рубежом. Второе поднаправление – подготовка к международным экзаменам по иностранному языку. Часто подготовка по обоим поднаправлениям ведется одними и теми же структурами, поэтому в настоящей работе эти поднаправления не разделяются. Языковая подготовка к обучению за рубежом, в том числе к сдаче сертификационных экзаменов, осуществляется организациями формального и неформального образования, а также в сфере информального образования [16, с. 11–12].

В поле формального образования языковые курсы и программы дополнительного образования реализуются или традиционными структурными подразделениями вузов (институтами, факультетами, кафедрами), или специально созданными подразделениями, обычно центрами. Примеры: деятельность Центра иноязычного образования и академической мобильности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Лингвистического центра Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Центра международного языкового тестирования Балтийского федерального университета им. И. Канта, Кембриджского сертификационного центра Российского университета дружбы народов.

Большое количество дополнительных программ в области подготовки к обучению за рубежом и к сдаче международных экзаменов

предлагается учреждениями неформального образования. Примеры таких организаций: лингвистические центры Study-skype, Speaking Planet, ASK education, British Educational Company, Language Link, I Class, Mastery, Dominanta, ABC-lingua, Vera, KAPLAN. Представителями информального образования выступают многочисленные репетиторы. Спектр услуг по подготовке к международным экзаменам широк: английский язык (ICFE, FCE, SAT, CAE, CPE, BEC, TOEFL, IELTS, KET, GMAT, GRE); немецкий язык (TestDaF, ZMP, ZD, KDS); испанский язык (CIE, DBE; DELE); французский язык (DELF/DALF); итальянский язык (CILS, CELI); китайский язык (HSK).

Столь широкий спектр предложений предполагает и наличие устойчивого спроса. С одной стороны, развитие сектора языковой подготовки вносит очевидный вклад в интернационализацию, что можно рассматривать в качестве позитивной тенденции. С другой стороны, необходимо задуматься о возможных последствиях. Например, успешная сдача международных экзаменов свидетельствует о стремлении молодежи к эмиграционным формам мобильности – полному обучению за рубежом, которое по некоторым классификациям даже не относится к сфере собственно академической мобильности [17; 18, с. 311], по другим классификациям называется вертикальной мобильностью. Далее следует совершенно неутешительный вывод о фактическом стимулировании средствами языковой подготовки такого негативного явления, как «утечка умов». При этом в стенах вузов еще можно предусмотреть механизмы компенсации рисков для участников языковых программ. Учреждения же неформального образования никоим образом не озабочены ни проблемами повышения качества высшего образования, ни проблемами воспитания студентов, участвующих в дополнительных программах этих учреждений. Более того, многие из таких учреждений получают прямую или косвенную поддержку от зарубежных структур, заинтересованных именно в утечке интеллектуального капитала из России.

Из приведенных рассуждений видно, что нужен комплексный подход к поддержке международной мобильности. С одной стороны, он будет предусматривать сочетание видов де-

тельности, характерных для рассмотренных направлений поддержки мобильности, а с другой стороны, при реализации данного подхода возможна компенсация рисков, возникающих в ходе подготовки к мобильности.

Комплексная подготовка к академической мобильности относится к междисциплинарной области исследований, поэтому число работ, раскрывающих ее содержание, невелико. В статье Е.С. Мищенко и И.В. Шеленковой [19] описана модель системы подготовки к академической мобильности, реализуемая в Тамбовском государственном техническом университете. Система включает три основных компонента: повышение качества подготовки в университете с ориентацией на международные механизмы обеспечения качества; совершенствование языковой подготовки и подготовку преподавателей и студентов к социокультурной адаптации.

Статья О.В. Проскуры и М.Г. Минина [20] раскрывает проблемы комплексной подготовки студентов к участию в программах международной академической мобильности на примере опыта Томского политехнического университета. Суть системы комплексной подготовки состоит в совершенствовании языковых компетенций, поддержке мотивации к участию в программах мобильности и социально-академической адаптации студентов к обучению за рубежом. В статье дан анализ элементов разработанной системы. Так, к основным адаптационным видам деятельности относятся лекции по системам образования зарубежных стран, этнопсихологии и межкультурной коммуникации, а также «круглые столы» с участием иностранных студентов и преподавателей. Эффективность системы поддержки мобильности подтверждается успешным опытом участия студентов в программах обмена, мониторинг которого осуществляется в Томске с 2009 г. [21].

Большого внимания заслуживает информация А.Н. Кузнецова и Е.Н. Щавелевой [22] по подготовке студентов и сотрудников вузов к академической мобильности. Проанализированы основные характеристики проекта ТЕМПУС «Инновационные программы по английскому языку для технических вузов». Несмотря на название, концентрированное на языковой подготовке, содержание проекта значительно шире и включает разработку занятий по международному образованию, европейской

интеграции, этнокультурным различиям и т. д. Культурологическая информация, связанная с мобильностью, была собрана исполнителями проекта в 21 стране Европы. Структура и содержание этой части разработанной образовательной программы, несомненно, представляет интерес для всех российских вузов. В более систематическом ключе идеи изложены в главах коллективной монографии, написанных А.Н. Кузнецовым [23].

Среди учреждений неформального образования примеры использования комплексной подготовки к участию в программах мобильности крайне редки, что подчеркивает в очередной раз их незаинтересованность в подобной деятельности, которая представляется трудоемкой и требует специальной подготовки кадров для обеспечения занятий. Среди положительных примеров можно назвать образовательные программы, реализуемые ARBOUR-TRAIN (Centre for Language Education and Research), который специализируется на подготовке к обучению по магистерским программам в Великобритании. Среди предлагаемых дисциплин – Academic Vocabulary, Academic Writing, Academic Discourse, Introduction to Academic Research, которые развивают как языковые компетенции студентов, так и компетенции, которые можно назвать академическими [24], только в межкультурном аспекте.

В целом можно констатировать, что комплексный подход к подготовке студентов к участию в программах академической мобильности не нашел достаточного отражения в научной литературе. Это затрудняет возможность обобщения накопленного в этой области положительного опыта. Как следствие, реализуемые модели подготовки к мобильности отличаются неполнотой использования результатов интернационализации вузов.

Результаты исследования

В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) разработана инновационная модель подготовки студентов к академической мобильности (см. рисунок). Основой модели являются личностно-деятельностный и практико-ориентированный подходы. Суть модели состоит в поэтапном вовлечении студентов в сферу международной академической мобильности. Как правило, вы-

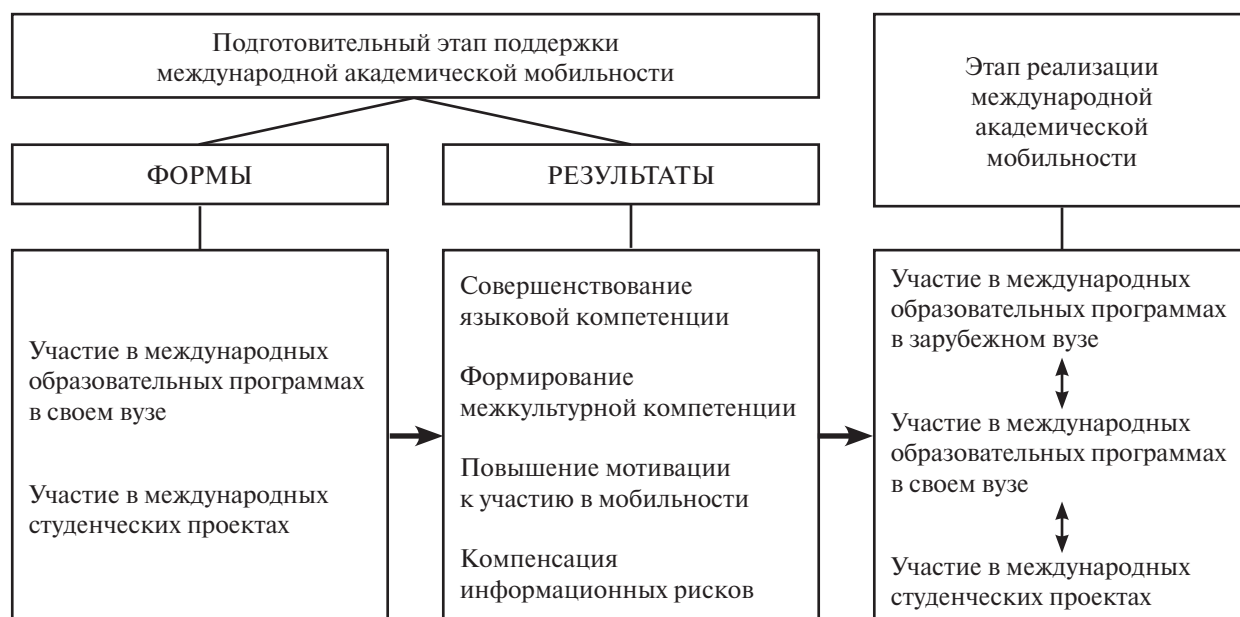
ездная мобильность первокурсников не поддерживается. Это значит, что первокурсник не имеет права, например, получить от университета грант на участие в программах мобильности. Разумеется, первокурсники могут найти как образовательную программу в зарубежном университете, так и финансовую поддержку самостоятельно, но для большинства именно финансовый барьер является сдерживающим.

Очевидно, что необходимо поощрять стремление первокурсников к получению опыта интернационализации. Эта задача решается двумя основными способами: первый – привлечение студентов к участию в международных программах, проводимых в самом университете; второй – привлечение обучающихся к выполнению международных студенческих проектов.

Как правило, под международными программами понимаются летние школы или краткосрочные дополнительные программы, реализуемые в течение семестра, ориентированные преимущественно на иностранных студентов. В СПбПУ также ведется подготовка по основным образовательным программам (ООП) на английском языке со смешанным российско-иностраным контингентом академических групп. В такой программе, как «Международ-

ный бизнес», учебным планом предусмотрен обширный модуль семестровой международной академической мобильности. Однако ввиду малого числа студентов, привлеченных для участия в ООП на английском языке, пока рано говорить о накоплении опыта, достаточного для построения моделей поддержки мобильности, поэтому ООП исключены из приведенного рисунка.

Участие российских студентов в международных краткосрочных программах (МКП) возможно в двух формах. Первая форма – практика, преимущественно летняя. Зачитывать участие в международной программе как практику возможно в двух случаях: во-первых, если предметная область образовательной программы находится в одном поле с группой направлений подготовки бакалавров, по которому обучается студент (физика, энергетика и т. д.); во-вторых, если участие в обеспечении реализации программы способствует совершенствованию тех общекультурных компетенций, которые заложены стандартом направления в требованиях к практике (менеджмент, зарубежное регионоведение, реклама и связи с общественностью, лингвистика и т. п.) [25]. При этом российские студенты-участники выполняют функции тьюторов, т. е. полноправных членов управляющей команды программы-проекта [26].

Модель подготовки студентов к международной академической мобильности
The model of training students for the international academic stability

Вторая возможная форма участия российских студентов в МКП, организованных в своем вузе, представляет собой только прохождение дополнительного обучения, поскольку обычно для российских студентов МКП рассматриваются как дополнительные. В СПбПУ такая относительно пассивная форма участия для студентов младших курсов не поощряется, однако она будет весьма полезной для студентов других российских вузов. Опыт регулярного участия студентов Тамбовского государственного технического университета в летних школах СПбПУ стал востребованной формой реализации внутрироссийской мобильности [27].

В СПбПУ массовое привлечение российских студентов к участию в МКП и в качестве обучающихся, и в качестве тьюторов осуществляется с 2003 г. Итоги каждой программы тщательно анализируются, выявляются слабые компоненты системы отбора и подготовки российских студентов к выполнению функций тьюторов [28]. В связи с ростом количества МКП в СПбПУ растет и численность российских студентов-тьюторов. В настоящее время ежегодно привлекается более 100 тьюторов, что позволяет считать данные статистических исследований достоверными [29].

Основой системы отбора российских студентов для участия в МКП является наличие определенного уровня владения английским языком, что проверяется тестами. Анализ результатов итоговых опросов тьюторов показывает, что только владение английским языком на продвинутом уровне позволяет тьюторам: во-первых, эффективно выполнять организационные функции, что оценивается как иностранными участниками программы, так и членами управляющей команды; во-вторых, способствовать адаптации иностранных студентов в иноязычной среде [30]; в третьих, высоко оценивать степень собственной удовлетворенности от участия в программе [28, 29]. Именно высокий уровень удовлетворенности создает мотивацию у студентов к их дальнейшему участию в международных программах, что является одной из основных целей построенной модели подготовки студентов к мобильности.

Большинство участников программ указывают на коммуникабельность как на качество личности, в наибольшей степени способствующее успешности работы тьютора. При этом

100 % студентов 3-го и 4-го курсов, имевших опыт работы тьютора и принявших участие в анкетировании, ставили коммуникабельность на первое место. Априорная оценка коммуникабельности студентов, изъявивших желание принять участие в международных программах, является тем компонентом модели подготовки к академической мобильности, который нуждается в совершенствовании. В то же время понятно, что студентам с выявленным низким уровнем коммуникабельности нельзя отказывать в участии в программе. Таких студентов следует ставить в пару с опытными тьюторами, а также предлагать другие формы помощи в организационном обеспечении международной программы.

Другими компонентами подготовки студентов к участию в программе являются установочные занятия по этнопсихологии, истории и культуре стран, из которых студенты заявлены для участия. Основная характеристика таких занятий — интерактивность. Студенты сами готовят часть материалов и участвуют в моделируемой дискуссии. Одна из задач подготовительного этапа — компенсировать информационные риски, которые могут возникнуть в ходе коммуникации с иностранными студентами и преподавателями. Эта задача решается в основном путем подготовки студентов к ролям тьютора-наставника и хозяина, демонстрирующего гостям позитивные характеристики вуза, города, страны. Подготовительная работа должна принести плоды уже при реализации программы [31].

Второй способ стимулирования студентов к участию в процессе интернационализации состоит в их привлечении к выполнению международных студенческих проектов. Определенная сложность задачи заключается в интеграции идей и формального и неформального образования при реализации таких проектов [32]. Наиболее успешными в СПбПУ оказались студенческие проекты, выполняемые по программе стратегического партнерства с Университетом им. В. Лейбница (Ганновер, Германия) [33]. Обязательные компоненты проектов — МКП, проведенные в России и в Германии. Участники программ совершенствовали общекультурные и отчасти общепрофессиональные компетенции в ходе совместной деятельности по выполнению проектов.

Построенная модель подготовки студентов к участию в программах международной академической мобильности апробировалась и совершенствовалась в течение ряда лет. Лучшим доказательством ее работоспособности является стабильное повторное участие студентов в краткосрочных программах своего вуза. Эти студенты, уже обучавшиеся в зарубежных вузах, возвращаются для участия в программах, проложивших им путь к интернационализации, руководят тьюторами-первокурсниками, дают ценные рекомендации по улучшению качества

программ на основе собственного международного опыта.

Заключение

В результате проведенного исследования разработана инновационная модель подготовки студентов к участию в программах международной академической мобильности. Одним из компонентов модели является возможность компенсации информационных рисков. Апробация разработанной модели показала ее работоспособность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кутузов А.И.** Теоретико-методологические подходы к институциональной интернационализации высшего образования // *Соврем. проблемы науки и образования*. 2015. № 1. Ч. 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18426> (дата обращения: 05.03.2017).
2. **Краснощёков В.В.** Интернационализация вуза как фактор повышения качества выпускника // *Фундаментальные исслед.* 2014. № 6. Ч. 5. С. 1045–1048.
3. **Алексанков А.М., Краснощёков В.В., Мазуренко А.В.** Проблемы и перспективы повышения качества программ академической мобильности // *Инновационная наука*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 127–136.
4. **Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего** / М.Л. Агранович и др. М.: Логос, 2010. 280 с.
5. **Sanchez С.М., Fornerino М., Zhang М.** Motivations and the intent to study abroad among US, French and Chinese students // *J. of Teaching in Intern. Business*. 2006. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 27–52.
6. **Дмитриева Н.К.** Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса // *Непрерывное образование: XXI век*. 2013. Вып. 4. URL: <http://lll21.petrus.ru/journal/article.php?id=2165> (дата обращения: 05.03.2017).
7. **Чистохвалов В.Н., Филиппов В.М.** Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в европейском пространстве высшего образования. М.: Изд-во РУДН, 2008. 162 с.
8. **Краснощёков В.В.** Основы проектирования и реализации международных краткосрочных образовательных программ. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. 90 с.
9. **Проскура О.В., Минин М.Г., Герасимчук И.Ю.** Проблемы и пути повышения уровня языковой подготовки студентов, планирующих участие в программах международной академической мобильности // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та*. 2014. № 6 (147). С. 70–75.
10. **Ефремова Н.Н.** Педагогическое сопровождение студентов при обучении иностранным языкам как условие академической мобильности (на примере обучения французскому языку для академических целей). // *Непрерывное образование: XXI век*. 2014. Вып. 4 (8). URL: <http://lll21.petrus.ru/journal/article.php?id=2644> (дата обращения: 05.03.2017).
11. **Друцко Н.А.** Анализ особенностей системы подготовки к академической мобильности с учетом опыта реализации многоуровневого подхода к обучению иностранному языку // *Соврем. научные исследования и инновации*. 2016. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/04/66804> (дата обращения: 05.03.2017).
12. **Остроумова А.Ю.** Роль академической мобильности в повышении мотивации студентов ТПУ в изучении иностранного языка // *Молодой ученый*. 2015. № 7. С. 840–843.
13. **Сахарова Н.С.** Развитие академической мобильности студентов университета в контексте иноязычной компетенции // *Вестн. ОГУ*. 2011. № 2 (121). С. 318–321.
14. **Умарова С.Х.** Международный проект как средство профессиональной подготовки студентов к межкультурной коммуникации // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8. Ч. 2. С. 171–174.
15. **Бортникова Т.Г.** Обучение иностранному языку и межкультурной коммуникации в свете подготовки к академической мобильности студентов // *Язык, культура и проф. коммуникация в соврем. обществе*. URL: http://www.tsutmb.ru/nayk/int_konf/forum_vserossijskogo_studencheskogo_soyuza_v_tambove/yazyik,_kultura_i_professionalnaya_kommunikacziya_v_sovremennom_obshhestve/sekcziya_2._pedagogika/obuchenie_inostrannomu_yazyiku_i_mezhk (дата обращения: 05.03.2017).
16. **Международная стандартная классификация образования: МСКО 2011.** Монреаль: Изд-во Ин-та статистики ЮНЕСКО, 2013. 88 с.

17. **Recommendation** No (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on Academic Mobility adopted by the Committee of Ministers of Council of Europe on March 2, 1995. URL: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf> (дата обращения: 05.03.2017).
18. **Краснощёков В.В.** Проблемы типологии и классификации международных образовательных программ // Актуальные вопросы междунар. деятельности. Т. 2. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та., 2016. С. 309–331.
19. **Мищенко Е.С., Шеленкова И.В.** Система подготовки к академической мобильности в Тамбовском государственном техническом университете // Альм. соврем. науки и образования. 2011. № 6 (49). С. 150–153.
20. **Проскура О.В., Минин М.Г.** Комплексная подготовка студентов к участию в программах международной академической мобильности // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Педагогика, психология. 2014. № 4 (19). С. 143–145.
21. **Проскура О.В., Минин М.Г., Бенсон Г.Ф.** Опыт реализации программ международной академической мобильности // Вестн. ФГОУ ВПО МГАУ им. В.П. Горячкина. 2014. № 1. С. 11–14.
22. **Кузнецов А.Н., Щавелева Е.Н.** Проектирование содержания и технологии подготовки студентов и сотрудников вузов к международной академической мобильности. 30 ноября 2012 г. URL: www.fgosvo.ru/uploadfiles/presentations/63/20130109233831.pps (дата обращения: 05.03.2017).
23. **Kuznetsov A.** Language Mastery Development within TVET for Professional Mobility Advancement // UNESCO-UNEVOC Intern. Handbook on Education for the Changing World of Work. Bonn: UNESCO-UNEVOC Intern. Center; Amsterdam: Springer Publ., 2009. Vol. 4, pt. 10.12. Pp. 1739–1746.
24. **Горденко Н.В.** Формирование академических компетенций на современном этапе развития российского образования. Ставрополь: Фабула, 2012. 159 с.
25. **Краснощёков В.В., Погодин С.Н.** Инновационные методы и формы деятельности при подготовке студентов-регионоведов // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманитарные и обществ. науки. 2013. № 3 (179). С. 54–59.
26. **Александрова Т.В., Краснощёков В.В.** Международная краткосрочная образовательная программа как инновационный проект // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Наука и образование. Инноватика. 2009. № 5 (87). С. 224–227.
27. **Краснощёков В.В., Толстяков Р.Р.** Международные летние школы – модель программ внутренней мобильности // Соврем. образование: содержание, технологии, качество. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2012. С. 55–56.
28. **Краснощёков В.В., Сизова М.Н.** Анализ учебной и внеучебной деятельности российских студентов в рамках российско-американской летней школы // Науч. вестн. МГТУ ГА. Междунар. деятельность вузов. 2008. № 128 (4). С. 25–31.
29. **Краснощёков В.В., Краснощёков А.В.** Анализ личных качеств российских студентов – участников международных образовательных программ // Актуальные проблемы педагогики и психологии. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 65–69.
30. **Краснощёков В.В., Мамаева А.Н.** Управление адаптацией американских студентов-краткосрочников // Науч. вестн. МГТУ ГА. Междунар. деятельность вузов. 2007. № 116 (6). С. 125–132.
31. **Краснощёков В.В.** Воспитание патриотизма студентов как одна из задач международных краткосрочных образовательных программ // Соврем. образование: содержание, технологии, качество. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2009. С. 219–221.
32. **Краснощёков В.В., Трапицын С.Ю.** Международные студенческие проекты как механизм управления качеством образовательных программ // Соврем. проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/123-19508> (дата обращения: 05.03.2017).
33. **Захарова И.Б., Краснощёков В.В.** Развитие международных механизмов повышения качества высшего образования на примере студенческого проекта «Наши университеты» // Человек и образование. 2015. № 3 (44). С. 146–150.

АРСЕНЬЕВ Дмитрий Германович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; vicerector.int@spbstu.ru

КРАСНОЩЁКОВ Виктор Владимирович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; victor@imop.spbstu.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.I. Kutuzov, [Theoretical and methodological approaches to institutional internationalization of higher education], *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 1 (1) (2015). Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18426> (accessed 05.03.2017).
- [2] V.V. Krasnoshchekov, [Internationalization of the university as a factor in improving the quality of the graduate], *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental study], 6 (5) (2014) 1045–1048.
- [3] A.M. Aleksankov, V.V. Krasnoshchekov, A.V. Mazurenko, [Problems and prospects for improving the quality of academic mobility programs], *Innovatsionnaya nauka* [Innovation science], 10 (3) (2015) 127–136.
- [4] M.L. Agranovich et al., *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya, Tendentsii, strategii, stsennarii budushchego* [Internationalization of higher education, Trends, and strategies, and future scenarios], Logos, Moscow, 2010.
- [5] C.M. Sanchez, M. Fornerino, M. Zhang, Motivations and the intent to study abroad among US, French and Chinese students, *J. of Teaching in Intern. Business*, 18 (1) (2006) 27–52.
- [6] N.K. Dmitriyeva, [Academic mobility as a personal quality of the subjects of the educational process], *Nepreryvnoye obrazovaniye, XXI vek* [Lifelong learning. Century 21], 4 (2013). Available at : <http://ill21.petrus.ru/journal/article.php?id=2165> (accessed 05.03.2017).
- [7] V.N. Chistokhvalov, V.M. Filippov, *Sostoyaniye, tendentsii i problemy akademicheskoy mobil'nosti v yevropeyskom prostranstve vysshego obrazovaniya* [State, trends and problems of academic mobility in the European higher education area], RUDN Publ., Moscow, 2008.
- [8] V.V. Krasnoshchekov, *Osnovy proyektirovaniya i realizatsii mezhdunarodnykh kratkosrochnykh obrazovatel'nykh program* [Basics of designing and implementing international short-term educational programs], Polytechnic Univ. Publ., St. Petersburg, 2015.
- [9] O.V. Proskura, M.G. Minin, I.Yu. Gerasimchuk, [Problems and ways to improve the level of language training for students planning to participate in international academic mobility programs], *Bulletin of Tomsk State Pedagogical Univ.*, 6 (147) (2014) 70–75.
- [10] N.N. Yefremova, [Pedagogical support of students in teaching foreign languages as a condition for academic mobility (on the example of teaching French for academic purposes)], *Nepreryvnoye obrazovaniye, XXI vek* [Lifelong learning. Century 21], 4 (8) (2014). Available at: <http://ill21.petrus.ru/journal/article.php?id=2644> (accessed 05.03.2017).
- [11] N.A. Drutsko, *Analiz osobennostey sistemy podgotovki k akademicheskoy mobil'nosti s uchetom opyta realizatsii mnogourovnevnogo podkhoda k obucheniyu inostrannomu yazyku, Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation], 4 (2016). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2016/04/66804> (accessed 05.03.2017).
- [12] A.Yu. Ostroumova, [Role of academic mobility in increasing the motivation of Tomsk Polytechnic University students in learning a foreign language], *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 7 (2015) 840–843.
- [13] N.S. Sakharova, [Development of academic mobility of university students in the context of foreign language competence], *Bulletin of Orenburg State Univ.*, 2 (121) (2011) 318–321.
- [14] S.Kh. Umarova, [International project as a means of professional preparation of students for intercultural communication], *Filologicheskiye nauki, Voprosy teorii i praktiki* [Philology, Problems of theory and practice], 8 (2) (2014) 171–174.
- [15] T.G. Bortnikova, [Learning a foreign language and intercultural communication in the light of the preparation for academic mobility of students], in: *Yazyk, kul'tura i professional'naya kommunikatsiya v sovremennom obshchestve* [Language, culture and professional communication in modern society]. Available at: http://www.tsutmb.ru/nayk/int_konf/forum_vserossiyskogo_studencheskogo_soyuza_v_tambove/yazyk_kultura_i_professionalnaya_kommunikatsiya_v_sovremennom_obshchestve/sektsiya_2._pedagogika/obuchenie_inostrannomu_yazyku_i_mezhk (accessed 05.03.2017).
- [16] *International Standard Classification of Education, ISCED 2011*, UNESCO, Institute for Statistics Publ., Montreal, 2013.
- [17] Recommendation No (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on Academic Mobility adopted by the Committee of Ministers of Council of Europe on March 2, 1995. Available at: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf> (accessed 05.03.2017).
- [18] V.V. Krasnoshchekov, [The problems of typology and classification of international educational programs], in: *Aktual'nyye voprosy mezhdunarodnoy deyatelnosti* [Actual problems of international activity], of vol. 1, Polytechnic Univ. Publ., St. Petersburg, 2016, pp. 309–331.
- [19] Ye.S. Mishchenko, I.V. Shelenkova, [The system of preparation for academic mobility in the Tambov State Technical University], *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 6 (49) (2011) 150–153.
- [20] O.V. Proskura, M.G. Minin, [Comprehensive preparation of students for participation in international academic mobility programs], *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo univ. Pedagogika, psikhologiya* [Vector of science of Togliatti State Univ., Pedagogy, Psychology], 4 (19) (2014) 143–145.
- [21] O.V. Proskura, M.G. Minin, G.F. Benson, [Experience in implementing international academic mobility programs], *Bulletin of Moscow State Agroengineering Univ. named after V.P. Goryachkin*, 1 (2014) 11–14.

- [22] A.N. Kuznetsov, E.N. Shchhaveleva, [Designing the content and technology of preparing students and university staff for international academic mobility], November 30 (2012). Available at: www.fgosvo.ru/upload-files/presentations/63/20130109233831.pps (accessed 05.03.2017).
- [23] A. Kuznetsov, Language Mastery Development within TVET for Professional Mobility Advancement, in: UNESCO-UNEVOC Intern. Handbook on Education for the Changing World of Work, UNESCO-UNEVOC Intern. Center, Bonn, Springer Publ., Amsterdam, of vol. 4 (10.12), 2009, pp. 1739–1746.
- [24] N.V. Gordenko, Formirovaniye akademicheskikh kompetentsiy na sovremennom etape razvitiya rossiyskogo obrazovaniya [Formation of academic competencies at the present stage of development of Russian education], Fabula, Stavropol', 2012.
- [25] V.V. Krasnoshchekov, S.N. Pogodin, [Innovative methods and forms of activity in the preparation of Regional study department students], St. Petersburg State Polytechnical Univ. Journal. Humanities and Social Sciences, 3 (179) (2013) 54–59.
- [26] T.V. Aleksandrova, V.V. Krasnoshchekov, [International short-term educational program as an innovative project], St. Petersburg State Polytechnical Univ. Journal. Science and Education. Innovation, 5 (87) (2009) 224–227.
- [27] V.V. Krasnoshchekov, R.R. Tolstyakov, [International Summer Schools as a model of internal mobility programs], in: Sovremennoye obrazovaniye: soderzhaniye, tekhnologii, kachestvo [Modern education. Content, technology, quality], of vol. 1, SPbGETU Publ., St. Petersburg, 2012, pp. 55–56.
- [28] V.V. Krasnoshchekov, M.N. Sizova, [Analysis of the academic and extracurricular activities of Russian students within the Russian-American summer school], Bulletin of Moscow State Technical Univ. of Civil Aviation. Intern. university activity, 128 (4) (2008) 25–31.
- [29] V.V. Krasnoshchekov, A.V. Krasnoshchekov, [Analysis of the personal qualities of Russian students participating in international educational programs], in: Aktual'nyye problemy pedagogiki i psikhologii [Actual problems of pedagogy and psychology], Aeterna, Ufa, 2014, pp. 65–69.
- [30] V.V. Krasnoshchekov, A.N. Mamayeva, [Management of the adaptation of American short-term program students], Bulletin of Moscow State Technical Univ. of Civil Aviation. Intern. university activity, 116 (6) (2007) 125–132.
- [31] V.V. Krasnoshchekov, [The education of students' patriotism as one of the tasks of international short-term educational programs], in: Sovremennoye obrazovaniye: soderzhaniye, tekhnologii, kachestvo [Modern education. Content, technology, quality], of vol. 2, SPbGETU Publ., St. Petersburg, 2009, pp. 219–221.
- [32] V.V. Krasnoshchekov, S.Yu. Trapitsyn, [International student projects as a mechanism for managing the quality of educational programs], Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education], 3 (2015). Available at: <http://www.science-education.ru/123-19508> (accessed 05.03.2017).
- [33] I.B. Zakharova, V.V. Krasnoshchekov, [Development of international mechanisms to improve the quality of higher education by the example of the student project "Our Universities"], Chelovek i obrazovaniye [Person and Education], 3 (44) (2015) 146–150.

ARSENIEV Dmitriy G. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; vicerektor.int@spbstu.ru

KRASNOSHCHEKOV Viktor V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; victor@imop.spbstu.ru

Received 23.03.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8314

УДК 378.147

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Л.П. Халяпина¹, Н.В. Попова¹, О.В. Кузнецова²¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация² Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена обзору основных направлений современных исследований по проблеме интегрированного предметно-языкового обучения (в европейской научно-образовательной среде оно получило общепризнанное название Content and Language Integrated Learning – CLIL), основной задачей которого является переориентация целей и задач обучения иностранным языкам с чисто языковых на предметно-профессиональные. Дан анализ проблемы интеграции междисциплинарных связей в системе высшего профессионального образования, предложен инновационный метод междисциплинарного проектирования в рамках профессионально ориентированного курса обучения иностранному языку. Методология исследования основана как на теоретических (анализ, синтез, сравнение), так и на эмпирических методах, включающих в себя экспериментальное обучение студентов-бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Системный анализ и управление». Результатом является разработка теоретической основы инновационного метода обучения, в основе которого лежит авторская методика, разработанная на основе методики интегрированного предметно-языкового обучения. Авторы статьи приходят к выводу об эффективности междисциплинарного проектирования в решении задач интегрированного предметно-языкового обучения. Материалы статьи могут использоваться для дальнейшей разработки моделей и подходов к применению концепции CLIL в вузе.

Ключевые слова: междисциплинарное проектирование; междисциплинарные связи; интегрированное предметно-языковое обучение; билингвальное обучение; содержательный компонент

Ссылка при цитировании: Халяпина Л.П., Попова Н.В., Кузнецова О.В. Междисциплинарное проектирование как средство реализации интегрированного предметно-языкового обучения в вузе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 145–152. DOI: 10.18721/JHSS.8314

INTERDISCIPLINARY DESIGN AS A MEANS OF IMPLEMENTING CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING IN HIGHER EDUCATION

L.P. Khalyapina¹, N.V. Popova¹, O.V. Kuznetsova²¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation² St. Petersburg State University of Civil Aviation, St. Petersburg, Russian Federation

The article presents the review of modern trends in research dedicated to the problem of content and language integrated learning in the higher education system (well-known

as CLIL in European scientific and educational sphere). The main task of this approach is in reorienting the goals of foreign language teaching from the language itself to the professional disciplines with the help of a foreign language. The purpose of this article is to analyze the problem of integration of interdisciplinary ties in the system of higher education, to suggest an innovative method for multidisciplinary design as part of a professionally oriented foreign language course. The methodology of this study is based both on theoretical aspects (analysis, synthesis, comparison), and empirical methods, such as experimental teaching of undergraduate students specializing in system analysis and management. The main results include the development of a theoretical basis for innovative methodology based on the original approach created by the academic teaching staff of three different faculties following the ideas of content and language integrated learning. Modular learning, blended learning, learning environment concepts are analyzed by the authors. The results confirm the effectiveness of interdisciplinary design in the process of solving the tasks of integrated content and language integrated learning.

Keywords: interdisciplinary designing; interdisciplinary ties; content and language integrated learning; bilingual learning; content component

Citation: L.P. Khalyapina, N.V. Popova, O.V. Kuznetsova, Interdisciplinary design as a means of implementing content and language integrated learning in higher education, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 145–152. DOI: 10.18721/JHSS.8314

Введение

Активно развивающееся в европейских странах и начинающее свой путь развития в российских вузах интегрированное обучение иностранным языкам (ИЯ) и профессиональным дисциплинам или предметно-языковое обучение рассматривается сегодня как необходимое условие подготовки будущих профессионалов, способных стать членами международного научного и делового сообщества.

Для внедрения в учебный процесс данного подхода нужна прежде всего совместная деятельность преподавателей ИЯ с преподавателями профессиональных дисциплин – специалистами в технических областях. Новый тип интеграции педагогов из разных научных сфер как на уровне совместной разработки рабочих программ (cooperation, collaboration), так и на уровне бинарного обучения (team-working) сегодня рассматривается в качестве настоящего вызова для педагогического сообщества и ставит серьезные задачи перед учеными-методистами, преподавателями ИЯ и преподавателями-предметниками.

Этим задачам и было посвящено проведенное нами исследование.

На начальном этапе был поставлен вопрос о сходствах и различиях существующего профессионально ориентированного обучения – ESP (English for special purposes / Английский в специальных целях) и нового направления – CLIL (Content and language integrated learning / Интегрированное предметно-языковое обучение), в том числе его специальной ветви – ILCHЕ (Integrating language and content in higher education / Интегрированное предметно-языковое обучение в системе высшего образования).

Процесс становления ESP осуществлялся в двух направлениях: лингводидактическом и лингвистическом. С точки зрения лингвистики английский язык для специальных целей представляет собой «функциональную разновидность языка, которая способствует успешному и адекватному коммуникативному акту специалистов различных предметных областей»¹. В рамках лингводидактики данное понятие подразумевает применение различных средств

¹Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Яреца. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с. С. 33.

и методик обучения ИЯ, ограниченных предметной областью.

Анализ научной литературы позволил выявить многочисленные классификации, принципы и направления реализации английского языка для специальных целей. В данном направлении работали такие ученые, как Д. Карвер (D. Carver), Т. Хатчинсон (T. Hutchinson), А. Дадли-Эванс (A. Dudley-Evans). В классификации Т. Хатчинсона английский язык для профессиональных и академических целей подразделяется на три категории [1, с. 34]:

1) английский язык для бизнеса и экономики (English for business and economics – EBE);

2) английский язык для социальных наук (English for social studies – ESS);

3) английский язык для науки и технологии (English for science and technology – EST).

Согласно исследованиям, проведенным А. Дадли-Эвансом, английский язык, предназначенный для обучения в конкретных профессиональных целях (ESP), включает подготовку к изучению определенной дисциплины, метод погружения в дисциплину и углубленный курс [2, с. 158]. В программах ESP в качестве главной задачи рассматривается формирование языковой компетенции студентов. В основе ставится совершенствование иноязычных коммуникативных умений, оценке подвергается владение терминологией, особенностями грамматики и дискурса, обычных для профессиональной сферы.

Теоретические основы предметно-языкового обучения разработаны группой таких ученых европейских вузов, как Д. Марш (D. Marsh), Д. Койл (D. Coyle), О. Мейер (O. Meyer), Т. Тинг (T. Ting), В. Павон (V. Pavon), Ф. Хук (Ph. Hook) и др. Впервые понятие «Content and Language Integrated Learning» было представлено в 1994 г. Д. Маршем (D. Marsh). Данная методика подразумевает «предметно-языковое интегрированное обучение», которое относится к любому сфокусированному на двух предметах образовательному контексту. При этом второй язык, т. е. неосновной язык обучающихся, на котором ведется весь курс обучения, используется как средство обучения дисциплине [3–5]. Согласно определению, этот вид преподавания характеризует учебные ситуации, когда дисциплины или их разделы ведутся на ИЯ, т. е. реализуется двусторонняя направленность: изучение дисциплины студентами и изучение ИЯ.

Согласно Д. Маршу, данная методика обучения включает в себя ряд следующих принципов и способов их реализации:

1. Культурный аспект:

- изучение и понимание культуры других стран;
- развитие навыков межкультурного общения;
- изучение особенностей соседних стран, регионов и национальных меньшинств;
- расширенное понимание культурных взаимоотношений.

2. Социальный аспект:

- подготовка к интернационализации;
- возможность сдать экзамен на получение сертификата международного образца.

3. Языковой аспект:

- повышение общего уровня языковой компетенции;
- развитие коммуникативных навыков;
- углубленное понимание как родного языка, так и иностранного;
- развитие заинтересованного отношения как к родному языку, так и к иностранному;
- использование ИЯ для прикладных целей.

4. Предметный аспект:

- возможность разностороннего изучения предмета;
- доступ к специальной предметной терминологии посредством ИЯ;
- подготовка к дальнейшему обучению или к работе;
- возможность применения разных обучающих стратегий, разных методов и форм аудиторной работы;
- повышение мотивации обучающихся [6, с. 156].

Основными идеями разработанной концепции являются:

1) когнитивно-ориентированное обучение, направленное на развитие когнитивных способностей личности обучающегося;

2) овладение ИЯ одновременно с профессиональной дисциплиной;

3) осознанное освоение профессионально значимой информации посредством ИЯ.

Согласно Д. Койлу, в рамках данного методического подхода *содержательный компонент – контент* является системообразующим [7, 8]. Он определяет предмет освоения, цели, задачи и тематику, т. е. совокупность теоретических знаний и навыков, которые позволя-

ют реализовывать верные профессиональные мнения, высказывания в рамках изучаемого круга проблем. Процесс коммуникации определяет особый статус ИЯ, который в рамках интегрированного обучения выражается в виде триады — язык как инструмент познания (language of learning), язык как средство коммуникации (language for learning), язык как предмет изучения (language through learning) [9, с. 36]. При этом языковая подготовка студента ориентируется на «прирост» лексико-грамматического компонента. Согласно О. Мейеру и Т. Тинг, *когнитивный концепт* рассматриваемой методики подразумевает создание эффективной обучающей среды, благодаря которой у обучающихся стимулируется развитие познавательных способностей. Развитие навыков критического мышления происходит по направлению от мыслительных навыков низшего порядка (знание, понимание) к навыкам высшего порядка (анализ, синтез, оценка) [10–12].

Говоря о внедрении CLIL, европейские ученые поднимают еще один важный вопрос о том, каким образом должны измениться компетенции преподавателя, работающего на основе принципов данного подхода [13, 14]. В частности, В. Павон (V. Pavon) говорит о необходимости формирования у такого преподавателя двойного типа компетенций: владеть достаточным уровнем лингвистической компетенции и знаниями в сфере специальной профессиональной дисциплины [15, с. 65].

В российской педагогической науке и системе образования данные научные направления только начинают развиваться. Так, например, существует несколько исследований, выполненных под руководством Л.Л. Салеховой и посвященных в основном билингвальному обучению и обучению профессиональным дисциплинам на ИЯ (EMI). Салехова [16] рассматривает интегрированный предметно-языковой подход с целью развития когнитивных навыков студентов, а также взаимодействие и влияние трех языков: русского / татарского как родного, английского языка как иностранного и языка математики, в частности их влияние на развитие когнитивных навыков студентов. Появляются исследования в Ижевском техническом вузе (Э.Г. Крылов), в Тольятти (С.А. Гудкова, Д.Ю. Буренкова) и др.

Так, Э.Г. Крыловым [17] на основании анализа особенностей, присущих труду инженерно-технического работника в современных условиях, определено содержание компетенций, входящих в два блока модели: лингвистический и профессиональный, а также подробно рассмотрено формирование билингвального профессионального лексикона специалиста в процессе обучения по авторской методике. Интересной является педагогическая технология проблемных исследовательских вопросов при чтении иноязычной научной и технической литературы.

Постановка проблемы и цели исследования

Исследование различных точек зрения ученых позволяет определить, что основное различие между ESP и CLIL заключается в том, что в условиях CLIL основной целью становится обучение профессиональной дисциплине средствами ИЯ, причем преследуется двойная цель: сформировать у обучающихся знание профессиональной дисциплины и одновременно развить у них иноязычную компетенцию. Согласно CLIL, оцениваются как уровень владения предметной компетенцией, так и уровень владения иноязычной компетенцией.

Следует подчеркнуть, что основным различием между ESP и CLIL является характер взаимоотношений между двумя компонентами междисциплинарной интеграции: профессиональными дисциплинами и ИЯ. В условиях реализации CLIL эта интеграция становится более конкретной, обстоятельной, теоретически обоснованной.

Соответственно основная проблема реализации принципов CLIL в системе высшего образования — осуществление взаимодействия между преподавателями ИЯ и преподавателями профессиональных дисциплин.

Поиск путей и средств реализации основных идей предметно-языкового обучения привел нас к теоретическому обоснованию и практической реализации междисциплинарного проектирования как наиболее приемлемого средства для продуктивного взаимодействия представителей различных сфер академического сообщества и осуществления интегрированного процесса обучения, включающего ИЯ и профессиональные предметные циклы.

Организованное и проведенное нами экспериментальное обучение строилось на основе

принципа междисциплинарной координации или междисциплинарных связей, который требует организованного целевого совершенствования методик преподавания дисциплин с целью реализации и построения междисциплинарной структуры учебных знаний.

Анализ педагогической литературы выявил несколько определений понятия «междисциплинарные связи» (МДС). Обратимся к рассмотрению некоторых из них. Н.А. Лошкарёва [18] определяет МДС как принцип дидактики, так как данная категория представляет собой яркий пример последовательности и системности. Посредством данного типа связей осуществляются формирование и реализация фактических связей в процессе обучения между дисциплинами. Этот принцип определяется как способ согласованности учебных дисциплин, комплексный компонент, который требует соблюдения следующих принципов: сознательности, системности и логичности. А.В. Усова утверждает, что под данным термином следует рассматривать «способ, дидактическое средство повышения уровня знаний студентов и роли обучения в процессе формирования научного мировоззрения студентов, а также раскрытие творческих способностей и оптимизации (совершенствования) учебного процесса» [19, с. 25]. Таким образом, мы склонны утверждать, что междисциплинарные связи способствуют систематизации учебного материала и знаний, способов их получения и усвоения.

Методология

Проблеме междисциплинарной сущности компетентностного подхода в высшем образовании посвящены работы Н.В. Поповой [20, 21]. Рассматривая МДС при обучении ИЯ в рамках компетентностного подхода исследователь обращается к «дидактической триаде» [См.: 4, с. 83], в основу которой входит компьютерная обучающая среда (КОС), профессиональная дисциплина и ИЯ. Студенты выполняют различные проекты по профессиональным дисциплинам на английском языке. В разработанном нами курсе компоненты данной триады представлены следующим образом: электронная образовательная среда (ЭОС) + курс «Введение в специальность», который обеспечивает профессионально ориентированное содержание, + английский язык для специальных целей (ESP).

Соблюдение данного принципа предполагает наличие согласованности различных дисциплин и формирование в сознании студентов целостного восприятия предметов и картины мира. Следует отметить, что он подразумевает одновременное преподавание дисциплин как на языковом, так и на предметном уровне. В созданном нами курсе данный принцип реализуется посредством взаимодействия дисциплин: курса «Введение в специальность», ориентированного на освоение терминологии и основных понятий по дисциплинам «Базы данных» и «Теория вероятностей», и практического курса ИЯ.

Соблюдение принципа междисциплинарной интеграции позволило нам создать дидактические условия для максимальной фокусировки трех указанных выше дисциплин в едином профессионально ориентированном курсе ИЯ. Отметим, что в обычном курсе ИЯ, который базируется на общепрофессиональном учебном пособии «Инфотек», степень узкопрофессиональной фокусировки составляет примерно 1/30 (т. е. только одна из 30 тем посвящена специальности «Базы данных»), что составляет 3 %. В созданном нами курсе степень узкопрофессиональной фокусировки достигает 50 % от семестрового курса, в котором модуль «Базы данных» является профилирующим и составляет 1/2 содержания курса.

Курс, на базе которого проводилось данное исследование, является межкафедральным учебно-методическим проектом. Апробация курса производилась в двух экспериментальных группах нелингвистического направления, обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Системный анализ и управление».

Формы взаимодействия следующие: 1) на профилирующих кафедрах для преподавателей ИЯ организовывались посещение практических занятий и ознакомление с содержанием курса; 2) преподаватели с профилирующей кафедры и кафедры ИЯ совместно разрабатывали учебно-методическое обеспечение курса, принимая во внимание специализацию выпускника; 3) тесный контакт с преподавателями-предметниками осуществлялся как при работе с терминами, так и при подборе оригинальной литературы для студентов при организации их научно-исследовательской деятельности. На основе такого взаимодействия разрабатывались совместные учеб-

но-методические материалы для размещения в электронной образовательной среде.

Результаты исследования

По результатам нашего исследования было проведено анкетирование студентов, которое позволило сделать следующие выводы:

1. Более половины респондентов (51 %) отметили, что обучение в модульном профессионально ориентированном курсе ИЯ способствует, с одной стороны, возрастанию интереса к ИЯ как средству приобщения к новому профессиональному знанию, а с другой – активизации познавательной деятельности на основе новой формы подачи, доступа и наличия материала ввиду его расположения на базе платформы дистанционного образования Moodle.

2. Почти все (97 %) респонденты ранее не проходили обучения дисциплинам на базе платформы Moodle. Однако при этом, согласно результатам опроса, обучение не вызывало затруднений ввиду достаточно простого интерфейса программы.

3. Проведенное анкетирование также выявило положения, способствующие наибольшей оптимизации данного курса. К числу таких положений студенты отнесли добавление функции общения по Skype, разработку данного ПО под все виды мобильных устройств.

4. Большинство респондентов (25 человек) отметили высокий уровень компетенций преподавательского состава, эффективность их

взаимодействия как в подготовке, так и в реализации интегрированного предметно-языкового обучения.

Заключение

На основе проведенного исследования сделаны важные научные выводы как об общих дидактических особенностях, так и о частных лингводидактических принципах, методах и технологиях, на основе которых представляется возможным решать ключевые современные задачи интегрированного предметно-языкового обучения в системе высшего образования. Педагогическое проектирование является оптимальным путем для решения проблем обучения ИЯ в современном вузе. В российской системе высшего профессионального образования, в частности в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, несмотря на достаточно медленное внедрение идей завоевавшей признание в Европе технологии предметно-языкового интегрированного обучения, способствующей активизации процесса обучения ИЯ на основе его активной интеграции с процессом обучения профессионально значимым дисциплинам, всё более активно начинают разрабатываться и внедряться в обучение различные подходы и модели CLIL, которые учитывают особенности конкретного вуза, конкретной ситуации междисциплинарного взаимодействия между преподавателями различных дисциплин, а также уровень языковой подготовки студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Hutchinson T.** English for Specific Purposes: A Learning Centred Approach. Cambridge: Cup, 1998. 183 p.

2. **Dudley-Evans A., John A.M.St.** Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. 301 p.

3. **Marsh D.** The Emergence of CLIL in Europe 1958–2002 // E. Kärkkäinen, J. Haynes; T. Lauttamus (eds.), *Studia Linguistica ar Literaria Septentrionalia. Studies presented to Heikki Nyyssönes.* Univ. of Oulu, Finland, 2002. Pp. 205–225.

4. **Marsh D.** Language Awareness and CLIL // J. Cenoz; N.H. Hornberger (eds.), *Encyclopedia of Language and Education. Knowledge about Language.* 2nd ed. Vol. 6. N. Y.: Springer Science and Business Media LLC, 2007. Pp. 233–246.

5. **Marsh D.** Take your brain on a language workout, *Learning English // The Guardian Weekly.* 2010. (15.01.10). No. 4.

6. **Marsh D.** Content and Language Integrated Learning: The European Dimension – Actions, Trends and Foresight Potential. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 552 p.

7. **Coyle D.** Meaning-making, Language Learning and Language Using: An integrated approach // *Inclusive Pedagogy Across the Curriculum / J.M. Deppeler, T. Loreman, R. Smith & L. Florian (eds.).* 2015. Vol. 7. Pp. 235–258.

8. **Coyle D.** Towards New Learning Partnerships in Bilingual Educational Contexts // *Raising Learner Awareness and Creating Conditions for Reciprocity and Pedagogic Attention. Intern. J. of Multilingualism.* 2015. Pp. 471–493.

9. **CLIL: Content and Language Integrated Learning** / D. Coyle, Ph. Hood, D. Marsh. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 173 p.

10. **Meyer O., Coyle D., Halbach A., Schuck K., Ting T.** A Pluriliteracies Approach to Content and Language Integrated Learning – Mapping Learner Progressions in Knowledge Construction and Meaning-making // *Language, Culture and Curriculum*. 2015. Vol. 28, no. 1. Pp. 41–57.

11. **Ting Y.L.T., Grandinetti M. and Langellotti M.** How CLIL Can Provide a Pragmatic Means to Renovate Science-Education – even in a Sub-Optimally Bilingual Context // *Content and Language Integrated Learning: Language Policy and Pedagogical Practice*. Intern. J. of Bilingual Education and Bilingualism. 2016. Vol. 16, no. 3. Pp. 354–374.

12. **Ting Y.L.T.** CLIL...not only not Immersion but Also Much More than the Sum of its Parts // *English Language Teaching J.* 2011. Vol. 65, no. 3. Pp. 314–317.

13. **Pavón V.** The introduction of Multilingual Teaching in Andalusia: Heading towards a Newly Proposed Methodology // *J. of Border Educational Research*. 2010. Vol. 8, no. 1. Pp. 31–42.

14. **Pavón V., Rubio F.** Teachers' Concerns about the Introduction of CLIL Programmes // *Porta Linguarum*. 2010. Vol. 14. Pp. 45–58.

15. **Pavón V., Ellison M.** Examining Teacher Roles and Competences in Content and Language Integrated Learning (CLIL) // *LINGVARVMARENA*. 2013. Vol. 4 – ANO. Pp. 65–78.

16. **Салехова Л.Л.** Дидактическая модель билингвального обучения математике в высшей педагогической школе: дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2008.

17. **Крылов Э.Г.** Интегративное билингвальное обучение иностранному языку и инженерным дисциплинам в техническом вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2016.

18. **Лошкарёва Н.А.** Формирование общеучебных умений и навыков школьников как составной части целостного учебно-воспитательного процесса: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1990.

19. **Усова А.В.** Формирование у школьников научных понятий в процессе обучения. 2-е изд., испр. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2007. 224 с.

20. **Попова Н.В.** Модульное проектирование интегративной основы обучения иностранному языку в вузе: междисциплинарный подход. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 251 с.

21. **Попова Н.В.** Междисциплинарная парадигма как основа формирования интегративных компетенций студентов многопрофильного вуза (на примере дисциплины ИЯ): дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2012. 559 с.

ХАЛЯПИНА Людмила Петровна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; lhalapina@bk.ru

ПОПОВА Нина Васильевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; ninavaspo@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Витальевна – Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации; zlata99@list.ru

Статья поступила в редакцию 25.06.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] T. Hutchinson, *English for Specific Purposes: A Learning Centred Approach*, Cup, Cambridge, 1998.

[2] A. Dudley-Evans, A. and A.M.St. John, *Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, 1998.

[3] D. Marsh, The Emergence of CLIL in Europe 1958–2002, in: E. Kärkkäinen, J. Haynes; T. Lauttamus (eds.), *Studia Linguistica et Literaria Septentrionalia*. Studies presented to Heikki Nyyssönen, Univ. of Oulu, Finland, 2002, pp. 205–225.

[4] D. Marsh, Language Awareness and CLIL, in: J. Cenoz; N.H. Hornberger (eds.), *Encyclopedia of Language and Education*. Knowledge about Language, 2nd

ed., vol. 6, Springer Science and Business Media LLC, New York, 2007, pp. 233–246.

[5] D. Marsh, Take your brain on a language workout, *Learning English, The Guardian Weekly*, 2010 (15.01.10) 4.

[6] D. Marsh, *Content and Language Integrated Learning: The European Dimension – Actions, Trends and Foresight Potential*. Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2002.

[7] D. Coyle, Meaning-making, *Language Learning and Language Using: An integrated approach, Inclusive Pedagogy Across the Curriculum*, Deppeler J.M., Loreman T., Smith R. & Florian L. (eds.), 7 (2015) 235–258.

- [8] D. Coyle, Towards New Learning Partnerships in Bilingual Educational Contexts, Raising Learner Awareness and Creating Conditions for Reciprocity and Pedagogic Attention, *Intern. J. of Multilingualism*, (2015) 471–493.
- [9] CLIL: Content and Language Integrated Learning, D. Coyle, Ph. Hood, D. Marsh, Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2010.
- [10] O. Meyer, D. Coyle, A. Halbach, K. Schuck, & T. Ting, A Pluriliteracies Approach to Content and Language Integrated Learning – Mapping Learner Progressions in Knowledge Construction and Meaning-making, *Language, Culture and Curriculum*, 28 (1) (2015) 41–57.
- [11] T. Ting, M. Grandinetti, and M. Langelotti, How CLIL Can Provide a Pragmatic Means to Renovate Science- Education – even in a Sub-Optimally Bilingual Context, *Content and Language Integrated Learning: Language Policy and Pedagogical Practice*, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 16 (3) (2016) 354–374.
- [12] T. Ting, CLIL...not only not Immersion but Also Much More than the Sum of its Parts, *English Language Teaching J.*, 65 (3) (2011) 314–317.
- [13] V. Pavón, The introduction of Multilingual Teaching in Andalusia: Heading towards a Newly Proposed Methodology, *J. of Border Educational Research*, 8 (1) (2010) 31–42.
- [14] V. Pavón, F. Rubio, Teachers' Concerns about the Introduction of CLIL Programmes, *Porta Linguarum*, 14 (2010) 45–58.
- [15] V. Pavón, M. Ellison, Examining Teacher Roles and Competences in Content and Language Integrated Learning (CLIL), *LINGVARVMARENA*, 4 – ANO (2013) 65–78.
- [16] L.L. Salekhova, Didakticheskaya model' bilingval'nogo obucheniya matematike v vysshey pedagogicheskoy shkole [Didactic model of bilingual Mathematics teaching at higher pedagogical school. *Doct. diss.*], Kazan', 2008.
- [17] E.G. Krylov, Integrativnoye bilingval'noye obucheniye inostrannomu yazyku i inzhenernym distsiplinam v tekhnicheskoy vuzе [Integrated biligual teaching of a foreign language and engineering subjects at the technical university. *Doct. diss.*], Yekaterinburg, 2016.
- [18] N.A. Loshkareva, Formirovaniye obshche-uchebnykh umeniy i navykov shkol'nikov kak sostavnoy chasti tselostnogo uchebno-vospitatel'nogo protsessa [Formation of general learning schoolchildren' skills as a part of the whole educational process. *Doct. diss.*], Moscow, 1990.
- [19] A.V. Usova, Formirovaniye u shkol'nikov nauchnykh ponyatiy v protsesse obucheniya [Formation of scientific notions among learners during the process of teaching], Univ. RAO Publ., Moscow, 2007.
- [20] N.V. Popova, Modul'noye proyektirovaniye integrativnoy osnovy obucheniya inostrannomu yazyku v vuzе: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Module designing of integrated basis for teaching of foreign languages at the university: interdisciplinary approach], Politekhnichestkiy Univ. Publ., St. Petersburg, 2012.
- [21] N.V. Popova, Mezhdistsiplinarnaya paradigma kak osnova formirovaniya integrativnykh kompetentsiy studentov mnogoprofil'nogo vuzа (na primere distsipliny «Inostranny yazyk») [Interdisciplinary paradigm as a basis for formation of integrated competence of students of many profiled university (on the example of a Foreign language). *Doct. diss.*], St. Petersburg, 2012.

KHALYAPINA Lyudmila P. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; lhalapina@bk.ru

POPOVA Nina V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; ninavaspo@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V. – St. Petersburg State University of Civil Aviation; zlata99@list.ru

Received 25.06.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8315
УДК 324

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ «ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ»

В.Г. Чаплыгин¹, В.В. Козловский²

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

²Гродненский государственный университет им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

Рецензия на сборник статей «Парламентаризм в государствах – участниках Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств».

Ключевые слова: парламентаризм; межпарламентское сотрудничество; Межпарламентская ассамблея СНГ; СНГ

Ссылка при цитировании: Чаплыгин В.Г., Козловский В.В. Рецензия на сборник статей «Парламентаризм в государствах – участниках Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 153–155. DOI: 10.18721/JHSS.8315

REVIEW OF THE COLLECTION OF ARTICLES “PARLIAMENTARISM IN THE MEMBER STATES OF THE INTERPARLIAMENTARY ASSEMBLY OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES”

V.G. Chaplygin¹, V.V. Kozlovskiy²

¹Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

²Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

Review of the collection of articles “Parliamentarism in the Member States of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States”.

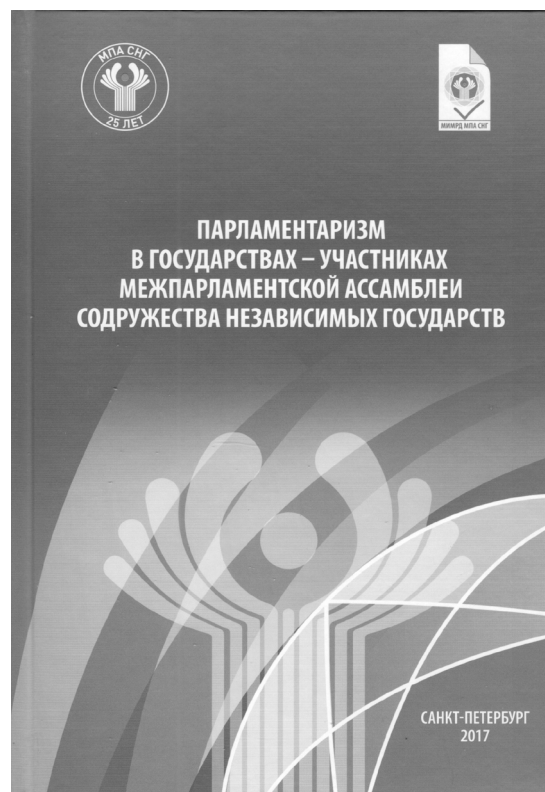
Keywords: parliamentarism; inter-parliamentary cooperation; Interparliamentary Assembly of the CIS; CIS

Citation: V.G. Chaplygin, V.V. Kozlovskiy, Review of the collection of articles “Parliamentarism in the Member States of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States”, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 153–155. DOI: 10.18721/JHSS.8315

Сборник статей «Парламентаризм в государствах – участниках Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств» составлен в форме коллективной монографии (под редакцией С.Л. Ткаченко и Д.Г. Гладя). Посредством применения метода политико-правового анализа и с учетом исторического опыта государств – участников МПА СНГ по совершенствованию работы органов законодательной власти, в нем рассмотрены проблемы становления и развития парламентаризма в государствах – участниках МПА СНГ. В работе представлены как основные достижения, так и трудности, с которыми столкнулись восемь государств (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан). Их опыт был изучен авторами монографии. Отмечено, что парламентаризм, являвшийся поначалу сугубо европейским феноменом политической жизни, за минувшую четверть века утвердился во всех исследованных странах, стал одной из опор их государственности, развития многопартийной системы и механизмов общественного контроля за деятельностью исполнительной власти. В настоящее время инструменты парламентской дипломатии используются для передачи накопленного опыта и формирования качественно новой международно-правовой среды, стимулирующей расширение межгосударственных связей и интенсивность интеграционных процессов.

Авторами монографии была поставлена цель – через сравнение парламентских моделей в отдельных государствах и изучение перспектив их дальнейшей трансформации на этапе развития, который следует непосредственно после завершения процесса строительства основ государственности, представить общественности главные уроки становления парламентской демократии и развития законодательной ветви власти как самостоятельного института в государствах – участниках МПА СНГ.

Монография состоит из двух частей. В первой части (глава 1) ученые, специализирующиеся на исследовании различных форм парламентаризма, рассмотрели данный феномен как закономерный результат становления современного государства, а также истоки зарождения

парламентаризма и его основные формы, во второй части представлены исследования, посвященные развитию парламентаризма в отдельных государствах – участниках МПА СНГ. Авторы сборника, представители парламентов и ученые из государств – участников МПА СНГ, детально исследовали деятельность всех ветвей власти в своих государствах, направленную на утверждение суверенитета после распада СССР, а также уникальную роль, которую сыграла законодательная власть. Исследование подкреплено необходимыми статистическими материалами, что позволяет представить проблему более достоверно и дает возможность более глубокого ее осмысления.

Сегодня происходит укрепление основных принципов парламентаризма, совершенствуется старый и разрабатывается новый исследовательский инструментарий, имеют место тенденции к дифференциации и профессионализации политической науки, а также к усложнению и фрагментации политических знаний. Изучение современной методологической проблематики весьма актуально в контексте развития одного из важных сегодня направле-

ний в межгосударственном взаимодействии – межпарламентских контактов. В указанной области многие ученые и практики ведут фундаментальную работу, создавая соответствующую методологическую базу для решения задач самого общего плана. Однако эти исследования большей частью не могут предложить конкретные средства для развития узкопрофессиональных направлений, вследствие чего в границах каждой науки, в том числе экономической, развиваются особые теоретико-методологические направления исследований, в рамках которых осуществляются внутрина-

учный синтез специальных знаний и осмысление междисциплинарного взаимодействия. Считаем, что рецензируемая монография как раз и вносит неоценимый вклад в решение этого комплекса проблем.

Несмотря на довольно большое количество авторов, редакторам-составителям удалось привести все части работы к единому стилю, что значительно упрощает восприятие представленного материала. Характерной чертой данной коллективной монографии является комплексность, что выгодно отличает ее от аналогичных работ по данному направлению.

ЛИТЕРАТУРА

Парламентаризм в государствах – участниках Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств: сб. ст. / под ред. С.Л. Ткаченко, Д.Г. Глядея. СПб., 2017. 288 с.

ЧАПЛЫГИН Владимир Германович – Балтийский федеральный университет им. И. Канта; rusbanker@mail.ru

КОЗЛОВСКИЙ Виталий Владимирович – Гродненский государственный университет им. Я. Купалы; vital_kozlovsky@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

Parlamentarizm v gosudarstvakh – uchastnikakh Mezhparyamentskoy assamblei Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv [Review of the collection of articles “Parliamentarism in the Member States of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States”], S.L. Tkachenko, D.G. Gladey (eds.), St. Petersburg, 2017.

CHAPLYGIN Vladimir G. – Immanuel Kant Baltic Federal University; rusbanker@mail.ru

KOZLOVSKIY Vitaliy V. – Yanka Kupala State University of Grodno; vital_kozlovsky@mail.ru

Received 30.08.2017, accepted 22.09.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.8316
УДК 93/94

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА, ПРОВЕДЕННОГО В РАМКАХ ПРОЕКТА «ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ЭСТАФЕТЫ ПОКОЛЕНИЙ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ПОБЕДЫ» (27 апреля 2017 г.)

Б.Н. Ковалёв¹, Р.-Е.А. Кудрявцева², С.В. Кулик²

¹ Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье представлен обзор тем круглого стола экспертно-аналитической рабочей группы «Значение победы в Великой Отечественной войне для национального самопознания народов стран евразийской интеграции». Мероприятие было проведено высшей школой общественных наук гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого 27 апреля 2017 г. в рамках проекта «Формирование и продвижение идеологии евразийской интеграции на основе традиционных ценностей, эстафеты поколений и сохранения памяти Победы», организованного Фондом содействия развитию духовно-нравственных ценностей «Память побед». На нем обсуждались такие основные темы, как проблемы эволюции понятия «евразийство», механизмы формирования национального самосознания, межнациональное разобщение народов Советского Союза — одно из основных направлений нацистской пропаганды, значение для народного единства исторических и мифологических образов в идеологической работе в годы Великой Отечественной войны, отражение повседневности войны в дневниковых записях и письмах, значение Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, а также значение памяти Победы для молодежи и сохранение исторической памяти в сети Интернет.

Ключевые слова: евразийство; Великая Отечественная война; историческая память; неоевразийство; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Ссылка при цитировании: Ковалёв Б.Н., Кудрявцева Р.-Е.А., Кулик С.В. Обзор круглого стола, проведенного в рамках проекта «Формирование и продвижение идеологии евразийской интеграции на основе традиционных ценностей, эстафеты поколений и сохранения памяти Победы» (27 апреля 2017 г.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 156–161. DOI: 10.18721/JHSS.8316

OVERVIEW OF A ROUNDTABLE HELD IN THE FRAMEWORK OF THE "FORMATION AND PROMOTION OF THE EURASIAN INTEGRATION IDEOLOGY ON THE BASIS OF TRADITIONAL VALUES, CONTINUITY OF GENERATIONS AND PRESERVING THE MEMORY OF VICTORY" PROJECT (April 27, 2017)

B.N. Kovalev¹, R.-E.A. Kudryavtseva², S.V. Kulik²

¹ St. Petersburg Institute of History of the RAS, St. Petersburg, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article provides an overview of the Round table of the expert and analytical working group "Meaning of the victory in the Great Patriotic War for national identity of the people of the euroasian integration countries". The Round table has been carried out by the Higher school of social sciences, Institute of Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University on April 27, 2017 within the "Formation and promotion of the Euroasian integration Ideology on the basis of traditional values, generations succession and preserving the Memory of Victory". Project organized by Fund of assistance to development of spiritual and moral values "Memory of victories". In the round table there were discussed such main issues as problems of evolution of a concept of "eurasianism", mechanisms of formation of national consciousness, international dissociation of the people of the Soviet Union, value for national unity of historical and mythological images in ideological work in days of the Great Patriotic War, reflection of daily occurrence of war in diary entries and letters, values of Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War, and also values of memory of a victory for youth and preservation of historical memory on the Internet were discussed.

Keywords: Eurasianism; Great Patriotic War; historical memory; neoeurasianism; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Citation: B.N. Kovalev, R.-E.A. Kudryavtseva, S.V. Kulik, Overview of a roundtable held in the framework of the "Formation and promotion of the Eurasian integration ideology on the basis of traditional values, continuity of generations and preserving the memory of victory" project (April 27, 2017), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 156–161. DOI: 10.18721/JHSS.8316

Введение

Современный мир стремится к объединению, однако формат этого объединения определяют следующие факторы: географическая и ментальная близость, экономические интересы, политическое устройство и др. Создание союзов, кооперация и регионализация становятся такими же объективными процессами, как и глобализация. Процесс формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является одним из примеров взаимодействия субъектов одного общего пространства с целью обеспечения стабильного развития и адекватной реакции на современные вызовы. Таким образом, евразийская интеграция — это выстраивание взаимовыгод-

ных отношений между странами-партнерами с учетом их слабых и сильных сторон.

Любая интеграция требует не только общей идеи, но и общих ценностей, значимых событий. Для народов стран евразийской интеграции таким ценностным ориентиром может и должна служить победа в Великой Отечественной войне. Однако существует ряд факторов, которые необходимо учитывать при формировании евразийской интеграции.

1. Существенное уменьшение числа участников Великой Отечественной войны, которое ведет к снижению в обществе психологического чувства личной сопричастности к событиям войны.

2. Наличие и доступность огромного объема неструктурированной информации о событиях 1941–1945 гг., что с учетом снижения уровня школьного образования на территории бывшего СССР в области гуманитарных наук в целом и истории в частности ведет к мозаичности представлений, возможности искажений и фальсификаций.

3. Наличие разных политических сил на территории бывшего СССР и за ее пределами, по разным причинам заинтересованных в открытой фальсификации и искажении истории как Второй мировой войны в целом, так и Великой Отечественной войны в частности [1, с. 3].

Постановка проблемы и цели исследования

В настоящее время вопросы евразийской интеграции и сохранения памяти победы в Великой Отечественной войне становятся одними из наиболее часто обсуждаемых вопросов в России. Целью проведения круглого стола являлось осмысление роли Великой Отечественной войны и победы в ней, ее актуальности в современном евразийском дискурсе.

Основная часть

27 апреля 2017 г. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) совместно с Фондом содействия развитию духовно-нравственных ценностей «Память побед» провел круглый стол «Значение победы в Великой Отечественной войне для национального самопознания народов стран евразийской интеграции», который был организован высшей школой общественных наук гуманитарного института СПбПУ. Мероприятие проводилось в рамках проекта «Формирование и продвижение идеологии евразийской интеграции на основе традиционных ценностей, эстафеты поколений и сохранения памяти Победы», который стал победителем конкурса Национального благотворительного фонда по направлению «Реализация гуманитарных проектов на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств и государств – членов Евразийского экономического союза». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 г. № 68-рп и на основании

конкурса, проведенного Национальным благотворительным фондом.

Как и каждый этап проекта, круглый стол, проводившийся в СПбПУ, состоял из двух частей: научно-исследовательского проекта и экспертного опроса.

В процессе подготовки круглого стола была написана научно-исследовательская работа «Значение победы в Великой Отечественной войне для национального самосознания народов стран евразийской интеграции», научным руководителем которой выступил *Ю.С. Васильев*, доктор технических наук, профессор, академик РАН. Научно-исследовательская работа была выполнена авторским коллективом, в который вошли: профессора высшей школы общественных наук СПбПУ *Б.Н. Ковалёв* и *А.А. Михайлов*, доценты высшей школы общественных наук *Д.С. Быльева*, *Н.А. Ершова*, *А.С. Сафонова*, *Н.А. Соколова*, а также вице-президент Центра социально-экономических и геополитических исследований *А.И. Минин* и доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, эксперт Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ *С.Л. Ткаченко*.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам мероприятия обратился директор высшей школы общественных наук СПбПУ доктор исторических наук, профессор *С.В. Кулик*. Модератором круглого стола выступил ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, доктор исторических наук профессор высшей школы общественных наук СПбПУ *Б.Н. Ковалёв*.

Экспертно-аналитическая группа была представлена экспертами различных областей знания, имеющими масштабный опыт теоретической и практической работы, политологами, историками, философами, экономистами, социологами, географами, юристами. Большая часть экспертов – историки и философы.

Экспертами в обсуждении научно-исследовательской работы 27 апреля 2017 г. выступили: профессора высшей школы общественных наук СПбПУ *С.В. Кулик*, *А.Н. Кашеваров*, *О.Д. Шипунова*, доценты Высшей школы обще-

ственных наук *И.Г. Березовская, А.А. Бочаров, Е.Г. Гашкова, Е.Б. Тимерманис*, старший преподаватель высшей школы общественных наук *Е.А. Самыловская*, преподаватель-почасовик высшей школы общественных наук *К.Ю. Эйдемиллер*, советник Конституционного суда РФ, эксперт Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ *А.С. Карцов*, доцент и ученый секретарь Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина *И.В. Минин*.

Кроме того, в работе круглого стола участвовали студенты СПбПУ. В мероприятии приняли участие 37 человек.

В рамках круглого стола были заслушаны пять докладов, затронувшие проблемы эволюции понятия «евразийство», вопросы: механизмов формирования национального самосознания; межнационального разобщения народов Советского Союза как одного из основных направлений нацистской пропаганды; значения для народного единства исторических и мифологических образов в идеологической работе в годы Великой Отечественной войны; отражения повседневности войны в дневниковых записях и письмах; значения Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, а также значения памяти Победы для молодежи и сохранения исторической памяти в сети Интернет.

Н.А. Соколова, кандидат философских наук, доцент высшей школы общественных наук СПбПУ, выступила с докладом «Эволюция понятия евразийства», в котором осветила основные этапы становления евразийства как философского течения с 20-х гг. XX в. до наших дней, определила такое понятие, как «месторазвитие», сформулированное Петром Савницким, а также основные философские положения неоевразийства.

А.А. Михайлов, доктор исторических наук, сотрудник научно-исследовательского отдела института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, профессор высшей школы общественных наук СПбПУ, посвятил свое выступление оценке значения для народного единства исторических и мифологических образов в идеологической работе в годы Великой Отечественной войны. В

нем докладчик отразил значимость для советской идеологической работы интернационализма как главного принципа, пропагандировавшего единство воинов, готовых сражаться за СССР, и отметил, что основными образами, использовавшимися в пропаганде, явились князь Александр Невский и князь Дмитрий Донской, герои эпохи Смутного времени – предводители народного ополчения Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, а также А.В. Суворов и М.И. Кутузов.

А.С. Сафонова, кандидат философских наук, доцент высшей школы общественных наук СПбПУ, в своем выступлении осветила проблемы формирования и поддержки национального самосознания, раскрыла сущность и значение национального самосознания, его структуру: представление нации о себе и о других и способ установления межнациональных отношений, а также значение национальных традиций как источника и механизма для укрепления национального самосознания. Особо было отмечено значение исторической памяти, подвига старшего поколения во время Великой Отечественной войны, забвение которого может привести к размыванию национальной идеи.

Б.Н. Ковалёв, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, профессор высшей школы общественных наук СПбПУ, в своем докладе «Межнациональное разобщение народов Советского Союза как одно из основных направлений нацистской пропаганды» показал планы Третьего рейха по разделению народов СССР по национальному признаку, а также цели вызвать раздор между представителями различных наций [2].

В.А. Серкова, доктор философских наук, профессор высшей школы общественных наук СПбПУ, представила результаты анализа важнейшего источника по истории Великой Отечественной войны – дневниковых записей и писем, размещенных на сайте «Милитера» в двух сборниках: «Детская книга войны. Дневники 1941–1945 гг.» [3] и «...Хоть раз напишу тебе правду» [4], показала значимость анализа и сравнения детских дневниковых записей и солдатских писем для изучения истории Великой Отечественной войны, которые раскрывают историю повседневности войны, показывают вклад в победу невидимого фронта.

В ходе дискуссии участниками круглого стола обсуждались проблемы использования пропагандой Третьего рейха религии как фактора разобщения народов СССР, а также роль Русской православной церкви в обеспечении победы в Великой Отечественной войне. Экспертами поднимался вопрос о недопущении формирования негативной мифологизации памяти Победы.

Заключение

На подведении итогов круглого стола выступили директор высшей школы общественных наук СПбПУ профессор *С.В. Кулик* и профессор *Б.Н. Ковалёв*. Были высказаны предложения: во-первых, по усилению изучения студентами СПбПУ истории Великой Отечественной войны; во-вторых, по организации на базе Высшей школы общественных наук ежегодных мероприятий, направленных на сохранение памяти Победы у студентов; в-третьих, о проведении

серии открытых лекций по истории Великой Отечественной войны профессорами Высшей школы общественных наук.

В ходе обсуждения участниками круглого стола были заполнены анкеты экспертного опроса (21 вопрос), результаты которого вошли в научный доклад «Формирование и продвижение идеологии евразийской интеграции на основе традиционных ценностей, эстафеты поколений и сохранения памяти Победы» [5, с. 107–119].

Преподаватели высшей школы общественных наук профессор *Б.Н. Ковалёв* и ассистент *Р.-Е.А. Кудрявцева* 29 июня 2017 г. приняли участие в завершающем мероприятии проекта Фонда содействия развитию духовно-нравственных ценностей «Память побед» — в Объединенном форуме обществоведов стран евразийской интеграции, посвященном теме «Национальное самопознание народов стран евразийской интеграции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стенограмма заседания круглого стола «Значение победы в Великой Отечественной войне для национального самопознания народов стран евразийской интеграции» // Фонд содействия развитию духовно-нравственных ценностей «Память побед». URL: <http://www.victory-fund.ru/stenogramma-zasedaniya-kruglogo-stola-znachenie-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-dlya-nacionalnogo-samopoznaniya-narodov-stran-evrazijskoj-integracii/> (дата обращения: 01.06.2017).

2. Холокост и коллаборационизм. Почему соседи становились убийцами? // The Fourth Intern. conf.

“Holocaust Museums and Memorial Places in Post-communist Countries: Challenges and Opportunities”. Konferenču materiāli. 2015–2016. Shamir Rīga, 2016. P. 255–268.

3. Детская книга войны. Дневники 1941–1945 гг. М., 2015.

4. «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения. М., 2013.

5. Формирование и продвижение идеологии евразийской интеграции на основе традиционных ценностей, эстафеты поколений и сохранения памяти Победы: науч. докл. СПб., 2017.

КОВАЛЁВ Борис Николаевич — Санкт-Петербургский институт истории РАН; bnkov@mail.ru

КУДРЯВЦЕВА Регина-Елизавета Антоновна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; aethel@yandex.ru

КУЛИК Сергей Владимирович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; kulik54@mail.ru

Статья поступила в редакцию 4.07.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] [The shorthand report of a meeting of a round table “Meaning of the victory in the Great Patriotic War for national self-knowledge of the people of the euroasian integration countries”], in: [Fund of assistance to development of spiritual and moral values “Memory of victories”]. Available at: <http://www.victory-fund.ru/stenogramma-zasedaniya-kruglogo-stola-znachenie-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-dlya-nacionalnogo-samopoznaniya-narodov-stran-evrazijskoj-integracii/> (accessed 01.06.2017).
- [2] [The Holocaust and Collaboration. Why did the neighbors become murderers?], in: The Fourth Intern. conf. “Holocaust Museums and Memorial Places in Post-communist Countries: Challenges and Opportunities”, Konferenču materiāli. 2015–2016, Shamir Rīga, 2016, pp. 255–268.
- [3] Detskaya kniga vojny. Dnevniky 1941–1945 gg. [Children’s book of war. Diaries of 1941–1945], Moscow, 2015.
- [4] ...Khot’ raz napishu tebe pravdu [“...At least once I will write you the truth.” Letters of the soldiers of Wehrmacht from the Stalingrad besiegement], Moscow, 2013.
- [5] Formirovanie i prodvizhenie ideologii evraziyskoy integratsii na osnove traditsionnykh tsennostey, estafety pokoleniy i sokhraneniya pamyati Pobedy [Formation and promotion of the Eurasian integration ideology on the basis of traditional values, continuity of generations and preserving the memory of victory], the scientific report to discussion, St. Petersburg, 2017.

KOVALEV Boris N. – St. Petersburg Institute of History of the RAS; bnkov@mail.ru

KUDRYAVTSEVA Regina-Elizaveta A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; aethel@yandex.ru

KULIK Sergey V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; kulik54@mail.ru

Received 4.07.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки**
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

Том 8, № 3, 2017

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – литературный редактор, корректор
Г.А. Пышкина – технический секретарь

Телефон редакции (812) 552-62-16

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 29.11.2017 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,12. Уч.-изд. л. 20,12. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

+7 (812) 552-62-16 с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ – Галина Александровна

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru